

«РЭДВОЛЛ»

Если к стенам города подступают враги
и разрушение грозит твоему
уютному и светлому дому,
если все вокруг дрожат от страха
и некому защитить твоих друзей —
не бойся, остановись, загляни в себя.
Может быть, ты и есть тот герой,
который должен всех спасти?

Пусть ты невелик ростом
и не очень силен, помни: пока живут честь,
дружба, доброта и отвага —
каждый, кто сражается за правое дело,
способен на подвиг,
приносящий победу!

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ!

ISBN 5-352-00205-5

9 785352 002056

*Дружба,
честь,
доброта
и отвага.
Настоящие
приключения!*

АББАТСТВО РУДВОЛА И ОКРЕСТНОСТИ

Главные ворота

Дорога

Лука

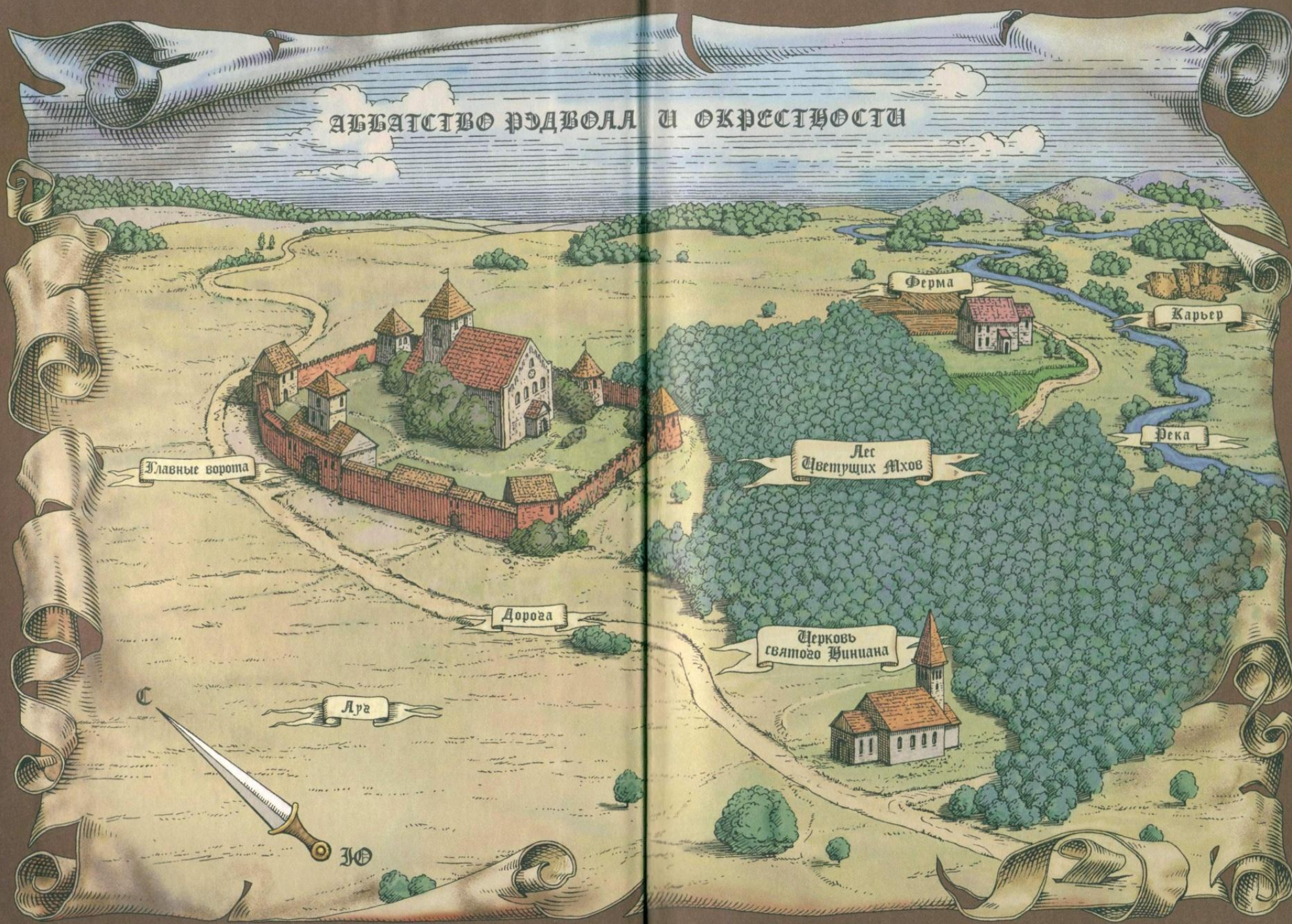
Ферма

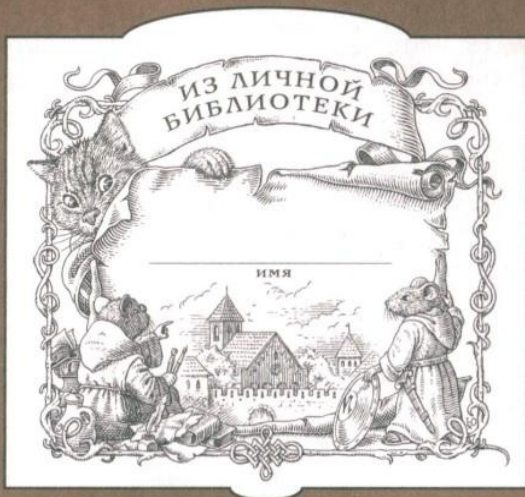
Карьер

Река

Лес
Цветущих Мхов

Церковь
святого Виниана

Брайан Джейкс

ВОИН РЭДВОЛЛА

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2006

УДК82-93
ББК 84.4 Вл
Д40

Brian Jacques. Redwall
Copyright © 2007 Brian Jacques 1986
First published by Hutchinson Children's Books 1986

Издательство выражает благодарность
литературному агентству Эндрю Нюрнберг

Перевод с английского Александра Александрова
Дизайн переплета Вадима Пожидаева

Иллюстрация на обложке
Сергея Бордюга
Сергея Григорьева

Иллюстрация на форзаце
Сергея Рожина
Виталия Еклериса

Художники
Юсуп Ханмагомедов
Сергей Ботнарюк

Джейкс Б.

Д40 Воин Рэдволла / Пер. с англ. А. Александрова. —
СПб.: Азбука-классика, 2006. — 368 с. — (Рэдволл).
ISBN 5-352-00205-5

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ!

Книги сериала «Рэдволл» снискали своему автору, Брайану Джейксу, славу одного из лучших писателей мира. В чем секрет их популярности? Наверное, в том, что Джейкс, сам воспитанный на книгах Стивенсона и Хаггарда, Лондона и Дефо, пишет о простых, но важных и увлекательных вещах — о том, что жить надо весело, но радостную жизнь подчас приходится защищать от злобы и зависти; о том, что заступаясь за слабого, ты становишься сильнее и можешь совершить подвиг; о том, что каждого, кто готов сделать первый шаг в неизведанное, за порогом ждут настоящие приключения.

© А. Александров, перевод, 1997
© С. Степанов, перевод стихов, 1997
© «Азбука-классика», редакция, 2002
© «Азбука-классика», 2006

ISBN 5-352-00205-5

Началось лето Поздней Розы.
Страна Цветущих Мхов
мягко мерцала в туманной дымке,
купалась в нежных
росах рассвета, расцветала
под солнечными лучами полдня,
таяла в малиновых сумерках заката,
который сменяла мягкая темень
июньской ночи. Среди болот,
что тянутся вдоль старой южной
границы, высятся красные стены
аббатства Рэдволл.
С одной стороны к стенам аббатства
подступает тенистый
Лес Цветущих Мхов,

с другой — открывается вид
на волнистые просторы лугов,
а древние западные ворота
смотрят на пыльную дорожку.
Сверху аббатство выглядит
темной брошкой с самоцветами,
скрепляющей два раскинутых
по земле плаща: светло-зеленого шелка
и темно-зеленого бархата.
Мыши-Основатели сложили
стены аббатства из красного песчаника,
что добывали в карьере
за много миль отсюда,
на северо-востоке.
Южная стена аббатства
покрыта плющом.
Осенью его листья
превращаются в пурпурную мантию,
возвеличивающую славное имя
аббатства Рэдволл.

СТЕНА

КНИГА
ПЕРВАЯ

С корзиной, полной лесных орехов, Матиас пробирался вдоль стен аббатства. В своем мешковатом одеянии послушника и огромных сандалиях мышонок выглядел смешно и нелепо. Заглядевшись на безоблачное небо, он споткнулся, уронил свою ношу и, окончательно запутавшись в огромном балахоне, шлепнулся прямо под ноги аббату Мортимеру, настоятелю обители.

Стараясь избежать сурового взгляда старика, Матиас проворно вскочил и принялся поспешно собирать орехи обратно в корзину, бормоча при этом неуклюжие оправдания:

— Э-э, простите меня, отец настоятель. Я, так сказать, споткнулся. На капюшон наступил. Да... То есть на балахон...

Аббат строго шурился поверх очков. Опять этот Матиас! Что за сорванец: вчера, зажигая свечи, подпалил усы брату Мафусаилу, сегодня чуть с ног не сбил!

Но, глядя, как юный послушник суетится, пытаюсь собрать гладкие лесные орехи, которые так и норовили выскочить у него из лап, аббат сменил гнев на милость. Строго покачивая седой головой, чтобы скрыть улыбку, Мортимер нагнулся и помог ему.

— Матиас, Матиас, сын мой, — проговорил он назидательно, — когда же ты, наконец, повзрослеешь. Вряд ли ты сможешь стать членом Ордена, если будешь вечно носиться повсюду, ухмыляясь от усов до хвоста, словно полоумный кролик!

Матиас стоял, неуклюже переступая обутыми в огромные сандалии лапами. Мудрый старик улыбнулся и, приобняв своего питомца за плечи, ласково сказал:

— Пойдем со мной в Большой зал, я хочу с тобой поговорить.

В Большом зале было прохладно.

Витражи в узких высоких окнах окрашивали косые лучи солнечного света во все цвета радуги. Мириады разноцветных пылинок кружились и танцевали в солнечных лучах.

Отец Мортимер остановился перед стеной, почти полностью покрытой длинным гобеленом, являвшимся красой и гордостью Рэдволла. Начатый еще Основателями аббатства, он из поколения в поколение пополнялся все новыми и новыми сценами и потому был не только бесценным сокровищем, но и великолепной летописью истории Рэдволла с древнейших времен.

Проследив за восторженным взглядом Матиаса, аббат задал вопрос, ответ на который он уже знал:

— Куда ты смотришь, сын мой?

Матиас указал на одну из вытканых фигур. С гобелена на них смотрел бесстрашный воин. Одетый в доспехи, он небрежно опирался на огромный меч, а за его спиной в ужасе разбегались лисы, дикие коты и другие хищные звери. Мышонок не мог оторвать от воина восхищенных глаз.

— Эх, отец настоятель, — вздохнул он, — как бы я хотел быть таким же, как Мартин Воитель. Не было мыши храбрее на всем белом свете!

Аббат не спеша опустился на прохладный каменный пол и прислонился спиной к стене.

— Присядь рядом, Матиас, и послушай. Я расскажу тебе о нашем Ордене.

Ты прав, Мартин и впрямь был великим воином! Но было это в суровые дни, когда требовалась сила. Сила героя — такого, как Мартин. Он появился здесь зимой, когда на аббатство напали лисы и другие хищники во главе с огромной дикой кошкой. И Мартин бесстрашно сразился с ними в одиночку и прогнал их прочь из нашей страны. Он бился с полчищами врагов. Он поразил дикую кошку своим легендарным мечом и вышел победителем. Однако в последнем, кровавом бою Мартин был тяжело ранен. Мыши нашли его, истекающего кровью. Они долго ухаживали за ним. А когда силы вернулись к Мартину, произошло настоящее чудо. Он поклялся, что отныне никогда не возьмет в лапы меча и остаток жизни будет помогать больным и бедным.

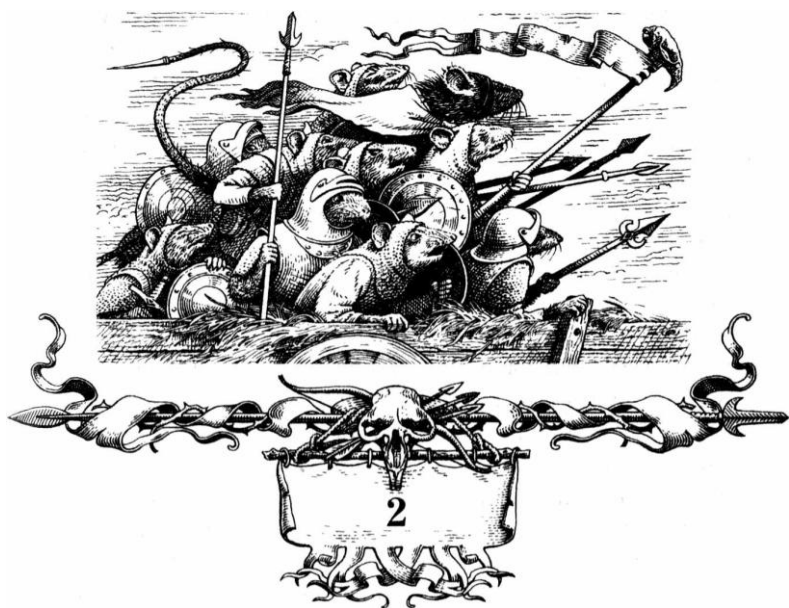
Так наш Орден обрел свое истинное призвание. Все мыши дали священный обет никогда не причинять зла другому живому существу, если только это не враг, напавший на обитель. Они дали обет ухаживать за больными и калеками, помогать нищим и убогим.

Так гласит предание. И с тех пор так было всегда, хотя в аббатстве сменилось уже много поколений. Все почитают и уважают наш Орден. Мы путешествуем по всем землям, и даже хищники, зная, что мы исцеляем и оказываем помощь, никогда не причиняют нам вреда — таков неписаный закон. И мы должны быть достойны своего Ордена. В помощи другим и заключается наше призвание, наша жизнь.

По мере того как аббат говорил, голос его становился все громче и торжественнее. Матиас притих под строгим взглядом настоятеля. Наконец аббат встал и нежно погладил его по голове, между бархатистыми ушами.

— Увы, Матиас, дни подвигов прошли, и твои мечты останутся мечтами. Мы живем в мирное время, так что тебе остается только слушать старших и делать то, что тебе велят. Помни о том, что я рассказал тебе, и придет день, когда ты станешь полноправным членом нашего Ордена. А теперь, дружок, возьми свою корзину и отнеси орехи на кухню. Сегодня у нас праздник — мой золотой юбилей. Было бы неплохо порадовать гостей какой-нибудь хорошей рыбой. Возьми удочку и скажи брату Альфу, чтобы взял тебя на рыбалку. Ведь вы, молодые, это любите, правда? Кто знает, быть может, тебе удастся поймать большую форель или несколько пескарей. Ну, беги!

Переполненный счастьем от хвоста до кончиков усов, Матиас поклонился настоятелю и, шлепая сандалиями, выбежал из Большого зала. Аббат с ласковой улыбкой смотрел ему вслед. Вот пострел! Надо поговорить с экономом, — быть может, найдутся сандалии подходящего размера. Ничего удивительного, что бедняга постоянно спотыкается!

Высоко стоявшее солнце пригревало Клуни Хлыста.
Дорогу Клуни!

Он был большой злобной крысой с жесткой шерстью и кривыми зазубренными клыками. Один глаз, выколотый в бою пикой, закрывала черная повязка.

Да, Клуни лишился глаза, но враг его лишился жизни!

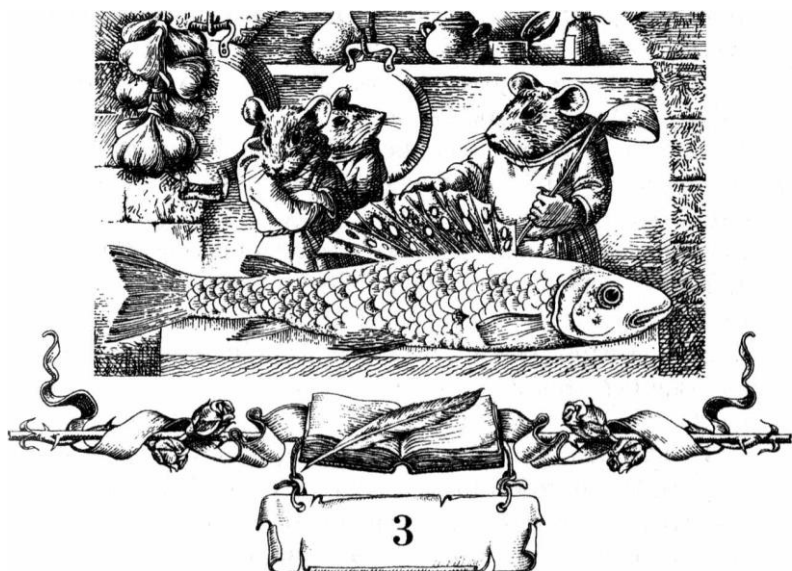
Никто не знал, откуда он взялся и как оказался здесь. Клуни был корабельной крысой — самым крупным и свирепым грызуном, который когда-либо спрыгивал с корабля на берег. Многочисленные шрамы покрывали его мускулистое черное тело от узкого желто-зеленого глаза и

зловеще торчащих рваных ушей до длинного, мощного хвоста, из-за которого Клуни и получил свое страшное прозвище Хлыст!

Сейчас он ехал в телеге с сеном — без возницы, в компании пятисот своих сородичей. Пестрое сборище помоечных, гостиничных, водяных и портовых крыс составляло могучую армию Клуни, трепещущую перед ним и покорную ему. Рядом с ним сидел Краснозуб, его заместитель, и держал в лапах боевой штандарт Клуни — шест с черепом хорька. Клуни сам убил хорька! Он не боялся никого на свете.

Напуганная крысиным запахом, лошадь мчалась без остановки, но Клуни мало заботило, куда приведет дорога. Они галопом пронеслись мимо врытого у дороги столба с надписью: «Аббатство Рэдволл, 15 миль».

Внизу, под Большим залом Рэдволла, в другом большом зале, который мыши называли Пещерным, ярко сияли свечи. В аббатстве готовились к празднику.

Матиас и брат Альф поймали крупного хариуса. Они боролись с рыбой почти два часа, пока наконец не вывели ее на мелководье и не вытащили на берег. В ней было почти два фунта, и пришлось звать на помощь барсучиху Констанцию, чтобы она помогла дотащить такую громадину до кухни.

Брат Альф и Матиас гордо стояли возле хариуса, пока наконец монах Гуго не обратил на них свое внимание. Отирая пот со лба одуванчиком, который держал хвостом, он вперевалку подошел к рыбине и придиричиво

осмотрел ее:

— Та-ак, прекрасная блестящая чешуя, глаза ясные, совсем свежая! Отлично!

Толстяк Гуго улыбнулся во весь рот — так, что все его лицо покрылось ямочками и складками. Он благодарно потряс лапу Альфа и от души похлопал Матиаса по спине, при этом все время причмокивал губами и покрикивал на своих помощников:

— Нацедите белое крыжовенное вино! Несите розмарин, тимьян! Давайте буковые орешки и мед! И живее, живее! Пошевеливайтесь, друзья, пошевеливайтесь!

Яростно размахивая поварешкой, он провозгласил:

— Я, Гуго, приготовлю хариуса а-ля Рэдловл, который будет таять у мышей во рту. Несите сливки! Побольше свежих сливок! И не забудьте мяту!

Брат Альф и Матиас не стали дослушивать вдохновенный монолог Гуго и отправились приводить себя в порядок.

Потолочные балки Пещерного зала гудели от возбужденных голосов и смеха собравшихся: ежей, кротов, белок и прочих зверей, а также всевозможных мышей — лесных и полевых, и садовых сонь; явилось даже семейство Черчмаус — бедных церковных мышей. Радушные хозяева суетились вокруг гостей, стараясь никого не оставить без внимания.

— Добро пожаловать, мистер Черчмаус! Пусть ваши детки присядут здесь, я сейчас принесу им малинового морса.

— О, мистер Полевкинс! Рады вас видеть! Как ваша спина? Лучше? Прекрасно! Капельку бренди из персиков и бузины?

Аббат Мортимер, сидя в резном ивовом кресле, принимал подарки от гостей, благодарил их и, покачи-

вая головой, удивлялся — сколько ж гостей! И приходят все новые и новые!

Он подозвал монаха Гуго и что-то сказал ему вполголоса. До Матиаса донеслись только обрывки разговора.

— Не волнуйтесь, отец настоятель, запасов хватит на всех и на год вперед. Есть и орехи, и сахарные каштаны, и желуди, и прочие деликатесы. Десятки сыров, прекрасное вино, холодный морс, овощи и фрукты, пирожное из пыльцы...

— Хорошо, хорошо, спасибо, Гуго. Да, надо не забыть поблагодарить Альфа и юного Матиаса за эту чудесную рыбу. Вот это рыболовы! Хватит на неделю всей обители! Молодцы, превосходный хариус!

Матиас залился краской до кончика хвоста.

— Выдры, выдры!

Громкие радостные крики встретили появившихся в зале трех выдр-акробатов в шутовских нарядах. Они кувыркались, балансировали, вертелись волчком, прыгали через уставленные яствами столы, никого и ничего не задевая, и наконец под аплодисменты гостей повисли на плети выюнка, спускавшейся с потолочной балки.

Потом еж Амброзий Пика удивил собравшихся фокусами. Из уха белки появлялись яйца, хвост мышонка вставал торчком и извивался наподобие змеи. На глазах маленьких мышей-зерновок ракушка, которую держал еж, растворилась в воздухе. Мыши запищали: «Он спрятал ее в иголках!»

В иголках? Амброзий сделал несколько магических пассов и вытащил ракушку прямо изо рта остолбеневшего мышонка. Вот это волшебство!

Меж тем колокол Джозефа на колокольне аббатства пробил восемь, и в зале наступила тишина. Почтительно

склонив головы, гости замерли, стоя за своими креслами. Аббат Мортимер поднялся и медленно развел лапы, словно обнимая всех собравшихся, чтобы благословить трапезу:

Мех и коготь, зуб и ус
Здесь у нас получают кус.
Много запасли мы на год
Листьев, корешков и ягод
И для праздничной еды
Взяли рыбу из воды.

За этим последовало громкое благодарное «аминь».

Раздался стук кресел и скрип скамей — все рассаживались по своим местам. Матиас оказался рядом с двойняшками Тимом и Тесс, а с другой стороны сидела полевая мышка Василика. Это была скромная юная мышка, но очень-очень красивая. Таких длинных ресниц и блестящих глаз, такой мягкой шерстки и белых зубов Матиас не видел ни у кого!

Взяв себе сельдерея, Матиас застенчиво отвернулся к двойняшкам, якобы проверяя, все ли у них в порядке...

Гуго превзошел самого себя. На столе появлялись все новые и новые яства. Нежные раки со сливками, украшенные розовыми лепестками, ячмень в желудевом пюре, яблочные и морковные пастилки, маринованные капустные кочерыжки в бруквенном соусе с мускатным орехом. Под хор восторженных возгласов шесть мышей вкатили в зал огромный стол. Хариус! Облака ароматного пара заполнили Пещерный зал: рыба была запечена на славу. И тут в дверях появился сам Гуго, важно переваливаясь с боку на бок. Хвостом он сорвал с головы белый колпак и напыщенно провозгласил:

— Отец настоятель, досточтимые гости и собратья по Ордену! Я, гм, хотел бы представить мое, так сказать, главное блюдо...

— Эй, Гуго, не тяни!

Под приглушенные смешки Гуго обвел собрание ледяным взглядом, безуспешно пытаясь выявить наглеца, и наконец, надувшись еще больше, громко выкрикнул:

— Хариус а-ля Рэдволл!

Раздались дружные, но нетерпеливые аплодисменты, а Гуго тем временем разрезал рыбу и положил первый дымящийся кусок на тарелку. С приличествующим случаю поклоном он поставил тарелку перед аббатом, и тот вежливо его поблагодарил.

Теперь глаза всех присутствующих устремились на аббата Мортимера. Он взял вилку, подцепил кусок рыбы и неторопливо отправил его в рот. Сосредоточенно жуя, он поднял голову и закрыл глаза, его усы вздрагивали, челюсти мерно двигались, а хвостом он держал салфетку, которой аккуратно промокал губы. Наконец аббат открыл глаза. Он сиял, словно солнышко ясным летним утром.

— Восхитительно и на редкость изысканно! Гуго, ты поистине лучший в мире повар! Пожалуйста, представь свой шедевр гостям!

Дальнейшие его слова потонули в радостных возгласах.

луни злобно рычал — он был явно не в духе. Обессиленная лошадь встала, а это не входило в планы бандита — какой-то беснапештывал ему, что надо ехать дальше. Единственный глаз Клуни зловеще прищурился. Крысы наблюдали за своим вождем и, хорошо зная его, вжались в стог сена, чтобы не попасться на глаза. В таком настроении он был непредсказуем и опасен.

— Эй, Череп! — рявкнул Клуни.

Сено зашуршало, и возле Клуни появилась безобразная морда.

— Я здесь, хозяин!

Своим мощным хвостом Клуни подтянул крысу к себе. Череп съежился, чувствуя,

как острые когти впиваются в его кожу. Клуни кивнул в сторону лошади:

— Прыгай кляче на спину и кусни ее хорошенько. Иначе ленивая скотина не сдвинется с места.

Череп нервно облизал сухие губы:

— Но, хозяин, она же может меня...

Щелк! Клуни взмахнул хвостом, как бичом. Череп громко завизжал от боли.

— Молчать! — заорал Клуни. — Прыгай! Или клянись пастью ада, я разорву твою паршивую кожу в клочья!

Заорав для храбрости, Череп разбежался и прыгнул. Но не успел он шлепнуться на спину лошади, как та испуганно заржала, встала на дыбы и, сбросив крысу наземь, с места взяла в карьер. По Черепу тотчас прокатились окованные железом колеса, и, прежде чем тьма поглотила его, он увидел ухмыляющуюся морду Клуни и услышал его окрик.

— Эй, Череп! — крикнул тот. — Скажи дьяволу, что ты от меня!

Клуни был доволен. Они снова мчались вперед. Телега быстро приближалась к Рэдволлу.

В Пещерном зале праздничное веселье постепенно затихало.

Мыши Рэдволла и их гости, насытившись и ослабив пояса, откинулись на спинки кресел, а яства на столе все не убывали. Василика и Матиас тем временем подружились. Что было неудивительно, ведь они были сверстниками, и, несмотря на разные характеры, у них нашлось о чем поболтать.

Матиас заметил, что аббат кивает ему. Извинившись перед Василикой, он подошел к отцу настоятелю.

— Матиас, сын мой, понравился ли тебе праздник?

— Да, очень, — ответил счастливый Матиас.

— Вот и хорошо, — проговорил аббат. — Я собирался попросить тебя об одной услуге.

Матиас невольно вытянулся, словно солдат перед генералом:

— Только скажите — я все исполню.

Старик наклонился к нему и доверительно прошептал:

— Видишь семью Черчмаусов? Их дом далеко от аббатства. Вот я и подумал: хорошо бы отправить их домой в нашей тележке, а заодно подвезти и всех остальных, кому по пути. Тележку, конечно, потянет Констанция, а ты будешь провожатым и охранником. Возьми с собой на всякий случай хорошую дубинку.

Вытянувшись еще больше, Матиас ловко, по-военному отсалютовал:

— Можете не сомневаться, отец настоятель. Я выполняю ваше поручение!

Развернувшись кругом, Матиас споткнулся и растянулся на полу. Аббат Мортимер беззвучно засмеялся и второй раз за день подумал: «Да, надо бы найти ему обувь размером поменьше».

Матиас был доволен. Еще бы, ведь семья прекрасной Василики живет рядом с семейством Черчмаусов! Значит, он будет провожать и ее тоже. И не просто провожать, а охранять. Не откажется ли мисс Василина сестра рядом с ним? А почему бы и нет?

Прощавшись, гости рассаживались в повозку. Мать Василики помогала миссис Черчмаус управиться с малышами, а ее отец болтал с Джоном Черчмаусом, покуривая трубку, набитую листьями папоротника.

Когда все разместились, барсучиха не спеша пока-тила повозку. На звездном небе показался тонкий серпик месяца. Матиас смотрел вверх, и ему казалось, что и земля, и небо, и звезды медленно движутся вместе с ними. Ночь была тиха и спокойна. Мышата спали. Под негромкий разговор Джона Черчмауса и своего отца Василика тоже задремала, склонившись на плечо своего нового друга. Матиас, боясь шелохнуться, с волнением вдыхал свежий летний воздух.

Нето Поздней Розы... Старый розовый куст в саду аббатства в эту пору обычно был усыпан алыми цветами, но в этом году не торопился расцветать. Он все еще стоял с нераскрытыми бутонами, хотя была уже середина июня, — такое случалось крайне редко и всегда предвещало необычно жаркое лето. Старый Мафусаил помнил только три таких лета за всю свою длинную жизнь и отметил это лето в летописи аббатства как лето Поздней Розы.

Старая тележка мягко катилась вперед по пыльной дороге. Они проехали уже больше половины пути от аббатства до развалин церкви святого Ниниана, где

жил Джон Черчмаус с семьей, как жили до него его отец, дед и прадед. Матиас дремал. Даже Констанция, борясь с дремотой, брела все медленнее и медленнее. Тележка и ее пассажиры были словно околдованы магией летней ночи.

Их дремоту и сон внезапно прервал стук копыт. Становясь все слышнее, он, казалось, шел со всех сторон, земля под ногами дрожала и гудела.

Какое-то шестое чувство подсказало Констанции, что лучше убраться с дороги и спрятаться. Барсучиха рванулась в сторону и укрыла тележку в кустах боярышника.

По дороге галопом неслась лошадь с расширенными от страха глазами и развевающейся гривой; на ухабах, раскачиваясь из стороны в сторону, подскакивала телега с сеном. В сене кишели невиданной породы крысы: огромные дикие твари, каких Матиас никогда прежде не видел. Мускулистые, покрытые татуировками лапы чужаков сжимали пики, ножи, копья, длинные ржавые сабли. На задке телеги стоял подбоченясь самый огромный и свирепый из них. Словно явившись из ночного кошмара, он безумно хохотал и выкрикивал ругательства. В мгновение ока — так же внезапно, как появилась, — телега исчезла в ночи.

Взяв дубинку, Матиас выбрался из кустов, лапы его дрожали. В воздухе еще кружились, плавно опускаясь на землю, клочки сена. Вскоре Констанция вытянула тележку назад на дорогу. Василика помогала матери и миссис Черчмаус успокоить расплакавшихся от страха малышей.

— Вы видели?

— Видеть-то видел, но не могу поверить своим глазам!

— Откуда они взялись? С луны, что ли?

- Скорее из преисподней!
- Ну и крысы! До чего же огромные!
- А тот, сзади! Ни дать ни взять — сам дьявол!

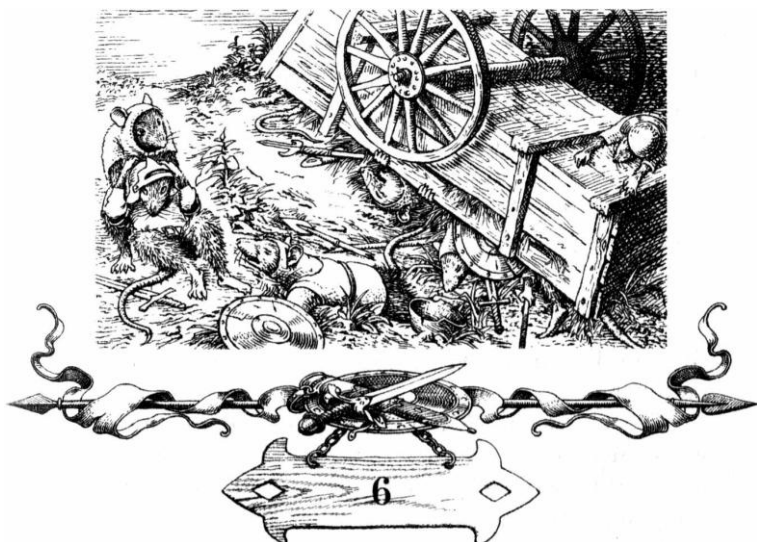
Видя, что Матиас еще не пришел в себя, Констанция приняла командование на себя и развернула тележку кругом.

— Думаю, нам лучше вернуться в аббатство, — сказала она твердо. — И как можно скорее рассказать обо всем отцу настоятелю.

— Согласен, — сказал Матиас. — Василика, полезай в тележку и займись малышами. Мистер Филдмаус, мистер Черчмаус, вы пойдете впереди, рядом с Констанцией.

Мыши молча подчинились. Тележка тронулась в обратный путь. Матиас сидел сзади, охраняя тыл. Крепко сжимая дубинку, он зорко глядел на дорогу.

Лошади повезло: она осталась невредимой. Шарахаясь от одного края дороги к другому, испуганное животное не заметило двух каменных воротных столбов на обочине. Телегу занесло, и она врезалась в столб. Оглобли с треском сломались, и лошадь понеслась дальше, волоча за собой вожжи, постромки и обломки оглоблей.

Клуни в который раз спасла его молниеносная реакция — он вовремя прыгнул на землю, по-кошачьи приземлившись на все четыре лапы, а телега, опрокинувшись, рухнула в канаву; окованные железом колеса продолжали нелепо вращаться в воздухе.

После безумной скачки, едва не закончившейся для него плачевно, Клуни чувствовал себя превосходно. А из канавы доносились жалобные вопли придавленных телегой крыс. Сощуриив свой единственный глаз, Клуни презрительно сплюнул.

— А ну вылезайте оттуда, дурачье! — проорал он. — Краснозуб! Темнокогть! Живо ко мне, пока я не сделал из ваших голов кегельные шары.

Мотая головами, оглушенные офицеры крысиной армии выбрались из канавы.

Щелк! Хвост Клуни притянул их к своему хозяину.

— Трехлап и Поскребыш мертвы!

— Да, мертвее некуда!

— Туда им, болванам, и дорога! — прорычал Клуни.
— Что остальные?

— Старина Червехвост лишился лапы, да и всем другим досталось.

Клуни насмешливо ухмыльнулся:

— Ничего, еще от меня получат. Тысяча чертей им в глотку! Зажрались, всю ловкость свою растеряли. В штормовом море такие, как вы, не продержались бы и минуты. А ну, выходи строиться, бездельники полудохлые!

Крысы закопошились под телегой, торопясь побыстрее исполнить приказ. В конце концов они столпились около второго — неповрежденного — столба, который их предводитель избрал себе трибуной. Никто не решился жаловаться на раны и ушибы. Кто знает, не достанется ли им еще и от хозяина?

— Эй, наострите уши и слушайте! — рявкнул Клуни. — Во-первых, надо определить, куда это нас занесло.

Краснозуб поднял лапу:

— Да вон, на доске написано. Церковь святого Ни-ниана.

— Хорошо, — сказал Клуни. — Сейчас остановимся здесь, а там найдем что получше. Сырокрад! Черноклык!

— Да, хозяин!

— Разведайте обстановку. Надо найти местечко получше этой кучи мусора. Пройдите немного назад. Кажется, мы недавно проезжали мимо какого-то большого дома.

— Будет исполнено, хозяин.

— Грязнонос! Жабоед!

— Да, хозяин!

— Возьмите полсотни солдат и поищите в округе крыс, которые хорошо знают эту местность. Мне нужны крупные, сильные крысы. Берите также ласок, горностаев и хорьков. Тоже сгодятся. И чтоб никто не пикнул. Выпотрошите их норы, чтобы им не о чем было горевать. Кто откажется — убивать на месте. Ясно?

— Да, хозяин!

— Рваноух! Шелудивый! Возьмите двадцать крыс и отправляйтесь на поиски провианта. Остальные — в церковь. Краснозуб, Темнокогть, займитесь оружием. Посмотрите, нет ли тут чего, что сойдет за оружие, например железные прутья от ограды, — этого добра обычно около церквей хватает. И живо! Пусть все знают: Клуни уже здесь!

В икогда еще Матиас не проводил всю ночь без сна. Он, конечно, устал, но в то же время был полон сил: кажется, принесенная им новость станет началом великих событий.

Узнав о ночном происшествии, аббат Мортимер созвал чрезвычайное совещание совета старейшин Рэдволла. Пещерный зал опять заполнился до отказа, но от праздничного настроения не осталось и следа. Перед советом стояли Констанция и Матиас. Они кратко рассказали об увиденном и теперь отвечали на вопросы.

— Вы говорите, что видели крыс. А какой породы? — спросила сестра Клементия.

— Крысы огромные! — ответил Матиас. — Но я не знаю, что это за порода и откуда они взялись.

— Мой дед однажды видел корабельную крысу, — сказала Констанция. — Судя по его рассказам, эти крысы — как раз корабельные.

— А сколько, думаешь, их было? — спросил настоятель.

— Трудно сказать точно. Много. Должно быть, несколько сотен.

— Матиас?

— Я согласен с Констанцией. Четыреста, а то и больше.

— Констанция, а как они выглядели? Злые?

— Еще бы. Сразу было видно, какие они свирепые и злые.

Эти слова Констанции вызвали шум и крики: «Ерунда какая-то!», «Чепуха!», «Откуда они могли взяться. Вам просто почудилось!», «Такого просто не может быть!».

Матиас, подняв лапу, громко крикнул:

— Констанция права! Чужаки злые. Один был просто огромный. Я хорошо его разглядел — это настоящее чудовище!

Аббат Мортимер, слегка подавшись вперед, настороженно обратился к Матиасу:

— Сын мой, ты мог бы его описать?

Матиас задумался. Все взгляды сейчас были устремлены на него.

— Он был намного больше остальных.

— Подумай хорошенько, может, вспомнишь что-нибудь еще?

— Да, конечно! Он — одноглазый!

— Одноглазый? И какого глаза у него нет — левого или правого?

— Думаю, правого... Да, правого.

— А на его хвост ты обратил внимание?

— Как не обратить! Это, наверное, самый длинный в мире крысиный хвост. Чужак держал его в лапе, будто кнут.

Прежде чем заговорить, аббат прошелся по залу.

— Я слышал об этой крысе. Его имя бояться произносить даже лисы. Я думаю, это Клуни Хлыст!

В Пещерном зале наступила гробовая тишина, все оцепенели.

Клуни Хлыст!

Не может быть! Это же просто сказочное страшилище, которым пугают расшалившихся малышей.

«Иди спать, а то Клуни заберет!»

«Доедай скорее суп, а то придет Клуни!»

«Не озорничай, а то позову Клуни!»

Многие даже не знали, что Клуни — крыса. Для них это было просто пугало, которого на самом деле не существует.

Кто-то насмешливо фыркнул, раздался ироничный смех. Мыши стали с улыбкой толкать друг друга и шутливо пугать соседа: «Клуни Хлыст пришел за то-бо-ой!»

Матиаса и Констанцию как будто ледяной водой окатили, они посмотрели на аббата, ожидая его поддержки. Строго нахмурившись, старец громко зазвонил в колокольчик, призывая всех к молчанию.

— Я вижу, вы сомневаетесь в правдивости моих слов!

Тихий, но властный голос вызвал смущенное покашливание членов совета. Брат Джозеф встал и откашлялся:

— Отец настоятель, мы уважаем вас и ваш опыт, но все, что мы сейчас услышали, это, как бы сказать...

Со своего места встала сестра Клементия и, широко разведя лапами, с улыбкой произнесла:

— Наверное, Клуни появился, потому что уже так поздно, а мы еще не спим.

Ее шутку все встретили веселым смехом.

Шерсть на спине Констанции встала дыбом. Барсучиха рассерженно зарычала, и мыши в страхе прижались друг к другу: совету еще не приходилось видеть ее в такой ярости.

В наступившей тишине Констанция встала на задние лапы и обратилась ко всем сразу:

— И никогда еще не видала такого сборища дураков. Позор! Ведете себя, как дети. И это называется — совет Рэдволла?! — Она обвела собравшихся свирепым взглядом. — А теперь вот что я вам скажу. Аббат будет говорить, а вы будете его слушать. Если кто-нибудь пикнет — будет иметь дело со мной. Ясно? — Барсучиха почтительно поклонилась аббату: — Говорите, отец настоятель.

— Спасибо, Констанция, — сказал аббат. Озабоченно покачивая головой, он оглядел собравшихся. — Я вижу, у многих из вас появились сомнения в том, что нам грозит опасность? Сделаем так: братья Руфус и Джордж, отправляйтесь в сторожку у ворот и сменийте брата Мафусаила на его посту, а он пусть придет сюда. И скажите, чтобы захватил свои записи, только не нынешние, а старые, за прошлые годы.

Руфус и Джордж поклонились аббату и вышли.

Через высокое окно в Пещерный зал уже пробивались золотые и розовые лучи восходящего солнца; догоравшие свечи мигали и гасли одна за другой.

Всего за одну ночь веселье праздника сменила тревога. Сегодня Матиас неизменно оказывался в центре внимания. Сначала редкостный улов, потом телега с крысами — слишком много больших событий для одного дня.

Сколько все себя помнили, старый брат Мафусаил постоянно вел летопись аббатства. Это была одновременно и его работа, и страсть. Помимо официальной летописи Рэдволла, он вел и свои личные записи, их набралось уже на целый том. Перелетные птицы, бродячие лисы, непоседливые белки и болтливые зайцы — все останавливались поболтать с доброжелательным стариком. Настоящий полиглот, Мафусаил понимал всех зверей и птиц. Он был баснословно стар и жил в сторожке в полном одиночестве — общество ему заменяли книги.

Опустившись в кресло аббата, Мафусаил вынул из футляра очки и осторожно утвердил их на переносице. Все подошли к нему поближе, он открыл свою книгу и заговорил чуть слышно:

— Так, так, аббат Седрик. Седрик, не так ли? Нет, нет, не так, я и забыл, что сейчас у нас вы, мой уважаемый Мортимер, Седрик был до вас. Прошу прощения. Итак, аббат Мортимер и члены Ордена Рэдволла, сейчас я прочитаю вам запись, сделанную шесть лет назад, зимой. — Древний старец зашуршал страницами. — Гм, да, вот она: «Записано в конце ноября года Сладкого Каштана, со слов ястреба-перепелятника». Интересный, я вам скажу, субъект, и говор у него был странный. Я вылечил ему правое крыло. «Рассказ о бедствии в шахте, вызванном корабельной крысой с невероятно огромным хвостом. Армия крыс во главе с предводителем, именуемым

Клуни, решила поселиться в старой шахте. Барсуки и другие жившие в шахте звери прогнали их. Вернувшись ночью, крысы разгрызли и подкопали большую часть крепи. В результате через день шахта обрушилась, и все ее обитатели погибли».

Брат Мафусаил закрыл том и поверх очков взглянул на слушателей.

— Нет нужды читать дальше, остальные преступления я помню и так. По мере того как в течение последних шести лет орда Клуни кочевала на юге, до меня доходили слухи о других ее бесчинствах: поджог фермерского дома; несколько позже поросята, целый помет, заживо съедены крысами... Распространение крысами Клуни болезней среди домашних животных. Было даже такое сообщение — от городской собаки: армия крыс напугала стадо коров и загнала их в деревню, что вызвало беспорядок и разрушения. — На этом Мафусаил остановился и прищурился: — И вы дерзаете сомневаться в словах аббата, что Клуни Хлыст существует? Да вы просто глупцы.

Сказанное Мафусаилом вызвало всеобщее замешательство. Многие нервно покусывали лапы. Никто не сомневался в правдивости его слов: он был стар и мудр уже тогда, когда самые старые из присутствующих были еще писклявыми мышатами, слепыми и безволосыми.

— Веселенькие истории, оторви мне усы и хвост.

— Может, просто уехать отсюда?

— А может, Клуни нас и не тронет.

— Что же нам делать?

Матиас, сам немало удивленный собственной смелости, выпрыгнул на середину зала и стал размахивать дубинкой.

— Что делать? — крикнул он. — Я скажу вам, что мы сделаем. Мы подготовимся к встрече!

Аббат одобрительно закивал головой. Похоже, на юного Матиаса действительно можно положиться.

— Вот спасибо, Матиас, — поддержал он его. — Я сам не смог бы сказать лучше. Именно это мы и делаем. Мы подготовимся к встрече!

Клуни приснился кошмар. Пока подчиненные выполняли его приказы, он улегся в супружескую кровать Черчмаусов на заслуженный отдых. Обычно Клуни не ложился спать натошак, но сегодня усталость пересилила голод.

Весь этот приснившийся кошмар был подернут красным туманом. Горели дома; с кораблей, тонущих в багровом штормовом море, слышались крики гибнущих; раздавались вопли страдания и ужаса; а Клуни сам бился с противником, который лишил его глаза. Убив своего врага, он стал убивать всех, кто попадался ему на пути.

И вдруг перед ним возникла призрачная фигура.

На первый взгляд она была невзрачной — обыкновенная мышь в длинном балахоне с капюшоном. Но, едва увидев эту мышь, Клуни испугался — он и сам не знал почему. Фигура начала приближаться, и — впервые в жизни — неустрашимый Клуни повернулся к врагу спиной и бросился наутек.

Клуни бежал, словно за ним гналась сама смерть. Оглядываясь, он видел за спиной всю пролитую им когда-либо кровь, все содеянные преступления. Обезумев от ужаса, он бежал прочь, подальше от бедствий, виновником которых был он, Клуни Хлыст. Но незнакомая мышь упорно преследовала его. Клуни захлестывали страх и ненависть к преследователю, который с каждой секундой, казалось, увеличивался в размерах. Взгляд мыши был холоден. Почему-то Клуни знал, что он, внушавший ужас всему живому, не в силах устроить этого закутанного в нелепое одеяние воина; тот с силой размахивал длинным сверкающим мечом, и на грозном клинке мерцало какое-то слово, но Клуни не мог разобрать какое.

Весь в поту, Клуни спотыкался и чуть не падал, а незнакомая фигура, приближаясь, все росла и росла — теперь это был уже великан!

Клуни стал задыхаться. Он бежал все медленнее и медленнее. Противник настигал его. Клуни попытался ускорить бег, но ноги, словно налитые свинцом, отказывались служить ему. Казалось, он глубоко увяз в глине. Страх сковал его. Впервые он потерял голову. Клуни повернулся к своему врагу, но... поздно. Мститель нагнал его, занес над головой меч; смертоносный клинок сверкнул тысячами ярких огней.

Бом!

Далекий удар колокола разбудил Клуни, вернув его к действительности. Он поежился, отирая дрожащей лапой холодный пот. Жив! Спасен!.. Но что все это значит? Клу-

ни был озадачен. Он не верил в предзнаменования, но сон был настолько ярким, что Клуну стало не по себе.

Раздумья Клуну прервал робкий стук в дверь. В комнату, прячась друг за друга, вошли Рваноух и Шелудивый, посланные на поиски провианта. Понимая, что жалкие результаты их усилий не порадуют хозяина, и опасаясь его гнева, они старались уменьшиться в размерах, только бы избежать наказания.

Недобрый глаз Клуну так и сверлил их, его длинный гибкий хвост перебирал убогие приношения, выпавшие из их лап: несколько жуков, два больших червяка, какая-то кочерыжка и дохлый воробей...

Неожиданно Клуну улыбнулся.

Крысы облегченно вздохнули и ослабились в ответ. Хозяин, к счастью, в благосклонном расположении духа.

Но вдруг — в мгновение ока — Клуну метнулся вперед и крепко схватил их за уши. Незадачливые добытчики жалобно заскулили, Клуну поднял их в воздух и стал трясти. Он с силой стукнул их лбами, затем, оглушенные, они полетели к дверям, опережая крик хозяина:

— Жуки, черви, дохлый воробей? Я хочу мяса! Нежного, молодого, красного мяса! Еще раз принесете такую дрянь — насажу на вертел и зажарю в собственном соку. Ясно?

Шелудивый закивал на своего товарища:

— Хозяин, это все Рваноух. Если бы мы пошли через поле, а не по дороге...

— Не верь этому жирному лгуну, хозяин! Он сам хотел идти по дороге...

— Вон!

Крысы в панике рванули прочь и, пытаясь одновременно пролезть в дверь, застряли в проеме. Клуну откинулся на кровати и презрительно фыркнул.

Следующими явились Жабоед и Грязнонос.

Их доклад слегка приподнял настроение Клуни. Завербовано больше сотни новобранцев, в основном крысы. Охочие до грабежа, голодные и бездомные, они с превеликой радостью соглашались вступить в армию знаменитого Клуни. Им было лестно оказаться на стороне заведомого победителя. Но были среди новичков и хорьки, и ласки, и пара горностаев. Некоторые сначала упрямились, но увесистые тумачи Шабоеда, подкрепленные угрозами скорой мучительной смерти, оказались весьма убедительным доводом.

Краснозуб и Темнокоготь раздали оружие выстроившимся на церковном дворе новобранцам. Хозяин вышел взглянуть на них.

Проходя перед строем, Клуни одобрительно кивал: злобные крысы, прожорливые хорьки, хитрые ласки, вороватые горностаи — как раз то, что надо.

— Краснозуб! Зачитать устав! — рявкнул он.

Краснозуб, вперевалку расхаживая взад и вперед, принялся читать устав по памяти:

— Равняйсь! Смир-р-но! Отныне вы состоите на службе у Клуни Хлыста, разгильдяи! За дезертирство — смерть. За отступление в бою — смерть. За неподчинение — смерть. Я, Краснозуб, — первый заместитель Клуни. Вы будете подчиняться приказам своих командиров. Они подчиняются моим приказам, а я — намотайте себе на ус — получаю приказы от самого Клуни. Теперь, если один, двое или даже несколько из вас намерены побороться с Клуни, победить и возглавить шайку — можете попытаться сделать это прямо сейчас.

И тотчас Клуни набросился на новобранцев, разя их ударами мощного хвоста. Оскалив клыки и сощулив свой единственный глаз, он наносил удары направо и налево. Новобранцы в страхе разбежались и прятались за могильные камни. Клуни гордо вскинул голову и расхохотался:

— Что, кишка тонка? Не бойтесь, я вас убивать не буду. Мне сейчас не нужны покойники. Но будьте уверены, когда придет время — вам представится случай и подраться, и погибнуть. А теперь я хочу услышать: кто ваш хозяин?!

Новобранцы снова построились, и под безоблачным небом раздалось громкое и дружное:

— Клуни, Клуни, Клуни Хлыст!

Аббат Мортимер и Констанция не спеша шли по аллее. Оба были погружены в раздумье. Оба думали об одном и том же — как защитить аббатство.

Древнее аббатство веками было обителью мира и счастья, гостеприимным приютом для всех. Теперь, когда над ним нависла угроза нападения, двое старых друзей иными глазами смотрели на родные пенаты. Мелодичное пение птиц, разносившееся в неподвижном воздухе, наполняло сердце Констанции печалью и сожалением о том, что мирной жизни пришел конец. Она хрипло откашлялась, она чувствовала: слезы вот-вот хлынут из ее глаз. Аббат, понимая печаль Констанции, ободряюще похлопал ее по спине:

— Ну, ну, старушка, не отчаивайся. В истории аббатства не раз случались чудесные события, предотвращавшие несчастья.

Констанция только хмыкнула в ответ, не желая разочаровывать старого друга. Она была полна самых мрачных предчувствий. Над аббатством нависла черная тень, и это происходит сейчас, а не в давно минувшие дни сказочных чудес и подвигов.

Матиас сидел в Пещерном зале за столом, перед миской парного козьего молока с ореховым хлебцем и яблоками: было время завтрака. Василика поселилась вместе с родителями в комнатах, отведенных им мышами Рэдловла. За прошлую ночь Матиас повзрослел. Он чувствовал на своих плечах тяжелую ношу — защита аббатства от нападения врагов. Размышляя о свалившихся на Рэдловл напастях, Матиас совсем забыл о еде.

— Поешь как следует, Матиас, не стоит встречать беду на пустой желудок. Насыщая тело, питаешь ум.

Матиас только сейчас заметил, что за ним наблюдает старый брат Мафусаил, глядя сквозь стекла своих неизменных старомодных очков. Старик кряхтя присел к столу.

— Э-эх, для меня, старика, твое лицо — открытая книга.

Матиас выпил молоко из миски и тыльной стороной лапы вытер усы.

— Мне нужен совет, брат Мафусаил, — сказал он. — Что бы ты делал на моем месте?

Старик наморщил нос:

— Да то же самое, что и ты собираешься делать.

Матиас обрадовался, что обрел союзника:

— Дрался бы?

Мафусаил с силой стукнул костлявой лапой по столу:

— Конечно. Это единственно разумный выход. — Он пристально посмотрел на Матиаса. — А знаешь, в тебе, парень, есть что-то эдакое!.. Слыхал о том, как Мартин Воитель впервые появился в аббатстве?

Матиас весь так и подался вперед.

— Мартин? Расскажи, брат, я всегда готов слушать рассказы о Мартине Воителе.

Мафусаил понизил голос до таинственного шепота:

— В великой летописи Рэдволла записано: Мартин был тогда слишком молод, чтобы быть воином, — примерно твоего возраста. Когда он пришел в аббатство, он, как и ты, был непоседлив и по-юношески наивен. Но, несмотря на свой юный возраст, сказано в летописи, Мартин, как только пришла беда, сумел показать, что он — прирожденный вожак. Ему подчинились даже те, кто был намного старше и опытнее. В летописи сказано, что они смотрели на Мартина как на отца.

Матиас был восхищен и в то же время озадачен.

— Почему ты рассказываешь все это мне, брат Мафусаил?

Старик поднялся, вновь пристально посмотрел на Матиаса и, повернувшись, медленно пошел прочь. На ходу он бросил через плечо:

— Потому что... потому что он был очень похож на тебя, Матиас!

Матиас не успел задать нового вопроса, как раздался тревожный удар колокола Джозефа. Шлепая сандалиями, мышонок опрометью бросился наружу, чуть не столкнувшись с аббатом и Констанцией, которые уже спешили к сторожке.

Братья Руфус и Джордж докладывали о происшествии. У ворот аббатства появилась большая, злобная

крыса — покрытый татуировками, вооруженный заржавленным тесаком разбойник. Он просил, чтобы его выпустили в аббатство и оказали помощь. По его слонам, он ехал в телеге с сеном, которая опрокинулась в канаву, и уговаривал их пойти с ним, чтобы помочь его друзьям, многие из которых до сих пор лежат под опрокинутой телегой, взывая о помощи.

Но брата Руфуса было не так-то просто одурачить.

— А сколько вас было в телеге? — спросил он.

— Пара сотен, — прозвучал тотчас ответ.

— Почему же тогда, — спросил брат Руфус, — вы не помогли друг другу? Не могли же все две сотни крыс оказаться под телегой!

Разбойник не отвечал, изо всех сил растирая поврежденную лапу.

— Может быть, впустите меня и перевяжете мои раны? Или хотя бы дадите немного еды?

Брат Джордж согласился, но при условии, что крыса сдаст оружие.

Пришедший, кивнув в знак согласия, неожиданно бросился на брата Джорджа, но брат Руфус тотчас же повалил его ударом дубинки. Поняв, что ему одному не одолеть двух сильных и опытных воинов, тот разразился проклятиями.

— Ну, погодите! — в ярости кричал он. — Нас целая армия, мы стоим лагерем здесь неподалеку, в церкви. Я расскажу Клуни, как вы меня встретили, и — ох-хо-хо! — увидите, что с вами будет. Я еще вернусь, клянусь клыками, вернусь, вот увидите!

И он, осыпая проклятиями всех мышей на свете, скрылся в лесу.

Все собравшиеся выслушали скверные новости молча. В тишине послышались всхлипы миссис Черчмаус:

— Что же с нами теперь будет? Они, должно быть, поселились в нашем домике в церкви святого Ниниана. Ужасно, ужасно! Наш уютный маленький домик полон этих отвратительных крыс!

Мистер Джон Черчмаус утешал жену как мог:

— Ну ничего, милая, ничего — лучше лишиться дома, чем жизни. Нам еще повезло, мы здесь, в аббатстве, мы в безопасности.

— А как же все остальные, кто живет в окрестностях? — крикнул Матиас.

— Дело говоришь! — одобрила слова Матиаса Констанция. — А где Амброзий Пика? Надо, чтобы он обошел всех и срочно позвал их в аббатство. Крысы Пике ничего не сделают: стоит ему свернуться в клубок — и никто его не тронет.

Барсучиху поддержали все. И брат Альф тотчас отправился разыскивать ежа.

Аббат посоветовал всем вернуться в аббатство и ждать, как будут разворачиваться события дальше. Тут опять выступил вперед Матиас:

— Надо усилить охрану на стенах.

Сестра Клементия одернула его:

— Послушник Матиас, тебе следует молчать и беспрекословно выполнять распоряжения отца настоятеля.

К всеобщему удивлению, аббат встал на сторону Матиаса:

— Подожди, Клементия, ведь он дело говорит. Давайте выслушаем его предложения.

Все взгляды устремились на Матиаса, и он, удивляясь собственной смелости, кратко изложил, что, по его мнению, следует предпринять в первую очередь.

Было одиннадцать часов утра. По Лесу Цветущих Мхов и окрестным лугам разнесся звон колокола Джо-

зефа. Матиас и Констанция послали на колокольню Джона Черчмауса, и теперь тот изо всех сил раскачивал язык огромного, тяжелого колокола.

Бом! Бам! Бом! Бам! Даже самые маленькие обитатели лесов и полей хорошо знали, это значит: «Опасность! В убежище!»

Звери с чадами и домочадцами, собрав немудреные пожитки, со всех концов леса потянулись в аббатство. Тут были и белки, и мыши, и кроты, и выдры — все, кроме птиц небесных: им ничто не угрожало. По лесным дорогам тянулись вереницы звериных семейств, матери присматривали за детенышами, отцы шли сзади, постоянно оглядываясь.

Брат Мафусаил стоял в воротах вместе с аббатом, каждой группе вновь прибывших переводя слова аббата на их язык, а аббату — их благодарность и уверения в верности аббатству Рэдволл. Кто из лесных зверьков не получал помощи и мудрого совета от добрых мышей? Все хорошо помнили, сколь многим обязаны они аббату и братству.

Никому ни разу не отказали здесь в лечении, помощи, пище, крове и добром совете. Теперь настало время объединиться и отплатить услугой за услугу. Рэдволлу понадобятся силы и советы всех его союзников. И лесные звери не оставят аббатство в беде!

Со стены аббатства Матиас и Констанция смотрели на дорогу. Полуденное солнце стояло прямо над головой, но, несмотря на жару, Матиас распорядился, чтобы все мыши надели капюшоны — они защищали глаза от солнца и одновременно служили маскировкой. Защитники Рэдволла стояли на стенах, вооруженные крепкими дубинками. Высокие стены из красного песчаника были поистине неприступны. Матиас понимал: крепость стен укрепляет и дух их защитников.

Вдруг шерсть на загривке Констанции встала дыбом. Барсучиха потянула носом и вздрогнула, хотя с лугов — волнами — поднимался только знойный воздух. Она толкнула Матиаса:

— Послушай.

Матиас наострил уши и вопросительно взглянул на нее.

— Птицы молчат, — тихо сказала она.

Мышонок как можно крепче стиснул в руках дубинку.

— Да, тишина. И кузнечики тоже замолкли.

— Странновато для жаркого июньского дня, верно?

Констанция продолжала глядеть на дорогу.

Бом!

Это Джон Черчмаус вновь ударил в колокол и закричал с колокольни:

— Я их вижу! Они идут по дороге! Я их вижу!

Все стоявшие на стенах вздрогнули.

Услышав удар колокола, армия Клуни остановилась. Когда осела пыль, Черноклык подбежал к Клуни:

— Они опять звонят в колокол! Ха! Наверное, надеются испугать нас колокольным звоном!

Клуни смерил своего подчиненного ледяным взглядом:

— Заткнись, болван. Если бы ты выполнил приказ, как Сырокрад, мы бы сейчас уже сидели в аббатстве.

Черноклык скользнул обратно в строй. Он надеялся, что Клуни успел забыть о его промахе, но Клуни никогда ничего не забывал. Момент внезапности был упущен, теперь, значит, остается

другое — демонстрация силы. Одного появления вооруженной орды не раз бывало достаточно, чтобы сломить противника; это должно подействовать и на этот раз. Вид Клуни во главе его армии неизменно приводил мирных зверюшек в ужас. Клуни был искусным военачальником, за исключением тех случаев, когда он терял голову в приступе ярости, но стоит ли приходить в ярость от толпы бестолковых мышей?

Клуни не только хорошо знал, что страх — мощное оружие, но и умел его внушать.

Его длинный черный плащ, сшитый из крыльев летучих мышей, скрепляла у горла устрашающая булавка — кротовый череп. Над боевым шлемом возвышались перья черного дрозда и рога жука-оленья. Из-за опущенного забрала злобно сверкал единственный глаз.

И тут со стены раздался звонкий голос Матиаса:

— Стой! Кто идет?

Вперед с развязным видом выступил Краснозуб и прокричал в ответ:

— Эй, вы, разуйте глаза! Перед вами непобедимая армия Клуни Хлыста! Меня зовут Краснозуб, я говорю от его имени.

— Тогда говори быстрее, крыса, и проваливай отсюда! — раздался в ответ спокойный голос Констанции.

В наступившей тишине Краснозуб о чем-то пошептался с Клуни, затем вновь вернулся к стенам аббатства.

— Клуни Хлыст говорит, что не собирается иметь дело с барсуками. Он хочет говорить с предводителем мышей. Впустите нас, чтобы мой хозяин мог вести переговоры с вашим хозяином.

Краснозуб поспешил ретироваться, поскольку в ответ со стен зазвучали презрительные возгласы и полетели камни. Эти толстые маленькие мыши оказались

вовсе не такими мирными, какими казались на первый взгляд.

Крысы, ожидая приказа, смотрели на Клуни, но взгляд того был устремлен на аббата, показавшегося на стене рядом с Констанцией и Матиасом, — по видимому, он о чем-то тихо с ними советовался. Клуни смотрел во все глаза, — похоже, старик спорил со своими советниками. Они совещались довольно долго. Наконец Матиас подошел к парапету и, указав концом дубинки на Клуни и Краснозуба, произнес:

— Ты и ты. Наш настоятель будет говорить с вами двумя. Остальные останутся снаружи.

Щелчок хвоста Клуни заставил умолкнуть возмущенный ропот его банды. Клуни поднял забрало:

— Мы согласны, мыши. Впустите нас.

— А как же заложники, для безопасности? — прошипел Краснозуб.

Клуни презрительно сплюнул в ответ:

— Ты что, дурак? Думаешь, кучка нелепо одетых мышей может взять меня в плен?

Краснозуб нервно грыз расщепленный коготь.

— Мыши, может, и нет, а барсучиха? Ты хорошо ее рассмотрел?

— Не волнуйся, я за ней наблюдаю. Деревенщина неотесанная, хоть и здоровенная. Не трусь, это мыши честные, они скорее умрут, чем нарушат слово. Предоставь все мне.

Когда Клуни и Краснозуб подошли к воротам, Констанция прокричала:

— Крысы, в знак ваших мирных намерений оставьте оружие и снимите доспехи.

— Зубы ада! — взорвался Краснозуб. — Да как она смеет командовать!

Клуни остановил его суровым взглядом:

— Тихо. Делай что говорят.

Крысы сняли доспехи и оружие, сложив их в кучу на дороге. Матиас крикнул Клуни:

— Если ты и впрямь Клуни Хлыст, то твой хвост тоже оружие. Так что завяжи его потуже вокруг пояса, чтобы невозможно было им воспользоваться.

Сухо рассмеявшись, Клуни искоса взглянул на Матиаса и демонстративно щелкнул хвостом.

— О достопочтенный! — воскликнул он. — Ты поступаешь разумно, прося об этом, ибо воистину ты видишь перед собой Клуни Хлыста.

С этими словами он взял свой хвост в лапы и снял с его кончика отравленный боевой шип. Бросив его на кучу оружия, он обмотал хвост вокруг туловища и завязал его узлом.

— Теперь-то вы впустите нас, мыши? Видите, мы безоружны.

Массивные ворота тяжело приотворились, и крысы прошли в них сквозь лес поднятых дубинок. Ворота за ними тотчас гулко захлопнулись.

Покуда крысы, нагнув головы, шли сквозь длинный, похожий на туннель, коридор, Клуни смог по достоинству оценить толщину стен. Наконец они вышли на залитый солнцем двор аббатства, где их уже ждали Матиас и Констанция. Сзади за крысами, подталкивая их концами дубинок, шли защитники Рэдволла.

Матиас отрывисто командовал:

— Оставьте их, мыши. Возвращайтесь на стену, на свои посты.

Не желая оставлять аббата без охраны, мыши медлили исполнять приказ. Клуни насмешливо взглянул на Матиаса:

— Смотри, как надо командовать!

И он неожиданно бросился на оторопевших мышей. Оскалив клыки и выпустив когти, дико вращая единственным глазом, Клуни зарычал:

— Хар-р! Что-то у меня разыгрался аппетит! Убейтесь на стены, пока не поздно! Хар-р!

Он высоко подпрыгнул, и перепуганные мыши бросились врассыпную.

Констанция остановила Клуни злым окриком:

— Хватит, крыса! Ты пришел говорить с настоящим, так умей свою прыть.

Матиас был рад, что шел позади всех и никто не увидел его покрасневших от стыда щек. Клуни разметал защитников Рэволла, словно ураган — бабочек. Теперь враг знает, что имеет дело с необученными, не проверенными в бою воинами.

По дороге к Пещерному залу Клуни всей шкурой чувствовал враждебность, исходившую от этого мышонка, что шлепал за его спиной в своих слишком больших сандалиях. Ему казалось странным, что такого юнца выбрали командиром. Кроме того, этот сопляк, похоже, совсем не боится Клуни. Впрочем, что об этом думать сейчас — Клуни займется им, когда придет время. А пока он с восхищением смотрел по сторонам. Аббатство — просто пальчики оближешь!

Очень скоро это аббатство будет называться замком Клуни! Звучит недурно! Его владения будут необозримы, власть — неограниченна; конец скитаниям, исполнение мечты: Клуни — король!

При входе в здание аббатства все остановились, чтобы пропустить вперед хорошенькую полевую мышку с подносом в лапах.

— Матиас, я несу перекусить тебе и...

— Спасибо, Василика, поставь поднос на стол, — оборвал ее Матиас.

Краснозуб подтолкнул Клуни:

— Василика, а? Чертовски хороша — как раз для тебя.

Клуни молчал, нагло разглядывая Василику, которая накрывала на стол в Пещерном зале. Она и впрямь прехорошенькая.

Аббат указал на стулья, и все сели, кроме Клуни, который встал у стола, поставив лапу на стул. Он сверлил взглядом Краснозуба, пока тот не встал рядом с ним. Клуни нехотя взял чашку молока с медом и, отхлебнув, выплюнул молоко на пол.

Аббат спрятал лапы в широких рукавах своего облачения и, прищурившись, взглянул на крысу:

— Какая нужда привела тебя в аббатство Рэдволл, сын мой?

Клуни пинком отбросил стул и расхохотался. Когда эхо его хохота замерло под сводами зала, он злобно сказал:

— «Сын мой», ха-ха! Недурно! Я скажу тебе, что мне нужно. Мне нужно аббатство, все целиком, без остатка!

Кресло Матиаса со стуком отлетело в сторону. Вырвавшись из лап пытавшегося его удержать аббата, он бросился вперед.

— Я тебя не боюсь, крыса! Ты не получишь ничего! Ясно?

Сотрясавшегося от гнева Матиаса с трудом усадили в кресло, затем к Клуни обратился сам аббат:

— Прошу извинить Матиаса, он молод и горяч. Но что касается твоего предложения, полагаю, оно не подлежит обсуждению. Если ты со своей армией нуждаешься в пище, одежде, медицинской или какой-либо иной помощи, то мы будем рады предложить ее...

Клуни заколотил лапой по столу, и аббат умолк. Крысиный вожак ткнул лапой в Краснозуба:

— Ну-ка прочти наши условия.

Краснозуб развернул старый, потрескавшийся лист пергамента и откашлялся.

— Условия капитуляции, обязательные для всех, кто попадает в лапы Клуни Хлыста или его командиров. Первое: полная и безоговорочная капитуляция. Второе: Клуни предаст смерти всякого, кто осмелится оказать ему сопротивление. Третье: все захваченное имущество переходит в полную собственность Клуни Хлыста. Дома, запасы провизии, земли и все живые существа, населяющие их...

К-р-рак! Не в силах больше сдерживаться, Матиас ударил дубинкой по листу пергамента, разодрав его пополам. Не успели обрывки упасть на пол, как Краснозуб с рычанием прыгнул на Матиаса.

Массивная лапа тотчас схватила крысу и прижала к полу. Оглушенный Краснозуб затравленно смотрел на возвышавшуюся над ним Констанцию.

— Зачем связываться с мышпонком? Такой силач наверняка справится со старой барсучихой. Ну что, померяемся силой?

— Констанция, отпусти его, — вмешался аббат. — Не забывай, мы не вправе нарушать законы гостеприимства.

Краснозуб поднялся на дрожащих лапах и опасливо попятился подальше от барсучихи.

— Аббат, я жду твоего ответа до завтрашнего вечера, — сказал Клуни как ни в чем не бывало.

Обычно незлобивый, аббат рассердился не на шутку. Глядя Клуни прямо в его единственный глаз, он процедил сквозь зубы:

— Мне не требуется столько времени, крыса. Я отвечу тебе сразу. Ты посмел явиться сюда со своей шайкой и предъявить нам условия, угрожая смертью и раб-

ством? Запомни: пока мы живы, ни ты, ни твоя армия не ступите на землю Рэдволла! Мы будем обороняться до последнего — вот тебе мое слово.

Клуни презрительно ухмыльнулся и пошел прочь. На лестнице между Пещерным и Большим залами он остановился и обернулся. Его голос разнесся по обоим залам:

— Тогда умрите все до последнего. Вы отвергли мои условия. Теперь узнаете, что такое гнев Клуни. Вы будете молить о скорой смерти, но придется долго мучиться, прежде чем я убью вас!

И тут случилось такое, о чем еще долго будут рассказывать в аббатстве Рэдволл.

Собрав всю свою силу, Констанция обхватила лапами огромный обеденный стол Пещерного зала — со стола посыпалась на пол посуда вперемишку с едой. Подняв его высоко над головой, Констанция проревела:

— Убирайтесь, крысы! И торопитесь, не то я нарушу законы гостеприимства, хотя потом придется просить прощения у аббата. Вон отсюда, пока целы!

Клуни быстро зашагал вверх по лестнице, за ним, нервно хихикая, поспешил Краснозуб. И тут Клуни как вкопанный остановился перед гобеленом.

— Кто это? — еле выдавил он из себя.

Матиас проследил за его взглядом и, подойдя к гобелену, указал лапой:

— Ты имеешь в виду его?

Клуни тупо кивнул.

— Это Мартин Воитель, основатель нашего Ордена. Мартин был храбрейшим воином. Будь он здесь сегодня, он давным-давно выхватил бы свой меч и тебе с твоими приятелями сильно бы не поздоровилось.

Ко всеобщему изумлению, Клуни, не усмехнувшись, не сказав ни слова, пошел прочь. И до самых ворот он шел словно слепой.

Закрывая за Клуни и Краснозубом ворота, мыши притихли.

— Стройся! Марш назад, в лагерь, — скомандовал Краснозуб.

Клуни недоуменно покачивал головой.

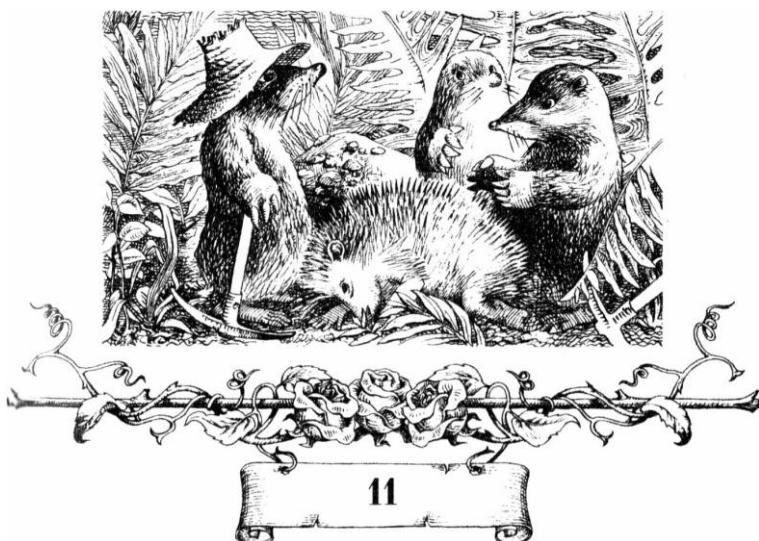
Мартин Воитель! Его преследователь из кошмарного сна! Что бы это значило?

Краснозуб не успел отойти далеко, как его окликнули со стены аббатства. Он обернулся и поднял голову. Комок гнилых овощей, завернутых в остатки условий капитуляции, угодил ему прямо в морду. Яростно смахивая зловонное месиво, он увидел свесившуюся со стены Констанцию — ее полосатая физиономия расплылась в довольной улыбке. С издевательской усмешкой барсучиха прокричала:

— Заходи, крыса, не забывай! Я всегда рада тебя видеть. Мы с тобой не договорили, я жду не дождусь, когда мы закончим разговор.

Пока Краснозуб собирался с мыслями, чтобы достойно ответить, Констанция уже исчезла со стены.

Вечером того же дня брат Альф, стоя в карауле на стене аббатства, заметил, что в зарослях папоротника на опушке Леса Цветущих Мхов что-то шевелится. Сразу же послали за Матиасом и Констанцией. Они стали всматриваться туда, где брат Альф заметил подозрительное движение.

— Вон там, справа от осины. Смотрите, папоротники опять шевелятся.

Матиас видел в темноте лучше остальных и первым разглядел катавшегося по траве ежа.

— Это Амброзий Пика, он ранен. Быстрее! Надо спуститься к нему.

— Постой, а вдруг там засада, — остановила его Констанция.

— Не можем же мы бросить бедного Амброзия, ведь он умрет! Мы должны что-то придумать.

Барсучиха легла, положив голову между передними лапами.

— Да, надо подумать.

Мыши, размышляя, что же делать, уселись на пол, но Матиас тут же вскочил:

— Придумал! Ждите меня здесь, я мигом.

Брат Альф со вздохом посмотрел вслед Матиасу, быстро шлепающему своими огромными сандалиями.

— Не опоздать бы. Амброзий уже не шевелится.

Но Матиас уже возвращался и вел за собой полдюжины кротов.

Их старший выглянул за стену, прикидывая расстояние до Амброзия, и, царапая когтем по стене, сделал какие-то подсчеты. Затем он повернулся к Матиасу:

— Сдается мне, твоего дикобраза можно вытащить. Ты только за ворота нас выведи и стой на стреме.

Повернувшись к своей артели, Кротоначальник — это был его официальный титул — принялся обсуждать ширину хода, твердость грунта и прочее, что нужно знать любому землекопу, прежде чем начинать работу.

Матиас прошептал Констанции и брату Альфу:

— Кротам часто приходится выручать тех, кого завалило в норе. Нам остается только стоять на страже у юго-восточного прохода в стене.

— Чего же мы ждем? Идем скорее! — устремилась вперед Констанция.

Они бесшумно выскользнули через маленькую, выкрашенную в зеленый цвет железную дверь. Еж по-прежнему лежал примерно в сотне мышиных шагов от них.

Кроты размотали веревку. Под наблюдением Кротона начальника двое его подчиненных принялись копать.

Через минуту на том месте, где они только что стояли, появился холмик, а сами землекопы пропали из виду.

Вскоре из ямы высунулся влажный нос:

— Все в ажуре, начальник. Ни тебе корешков, ни камушков. Можно двигать дальше.

Кротона начальник с остальными землекопами двинулся к норе.

— Значит, так, я впереди, Десятник с Опушкой — за мной.

Почтительно опутив нос, он повернулся к Матиасу и Констанции:

— А вы, господа хорошие, здесь обождите.

Констанция ловила своим чутким носом ночной ветер, Матиас прислушивался к ночным звукам. На поверхности земли образовался продолговатый холмик, продвигавшийся все ближе к Амброзию. Ночь была тиха и спокойна, но Матиас и Констанция все время были начеку, понимая, что, если они потеряют бдительность, все их предприятие может плохо кончиться.

Матиас прошептал взволнованно:

— Смотри, уже исчез! Должно быть, они втащили его в туннель.

Землекопы вернулись на удивление быстро. Они вылезли из норы, волоча ежа на перекинутых через плечо веревках, и отказались от помощи, которую им предложили Констанция и Матиас.

— Не, не надо, только лапы понапрасну замажете, — сказал Кротона начальник, сморщив нос.

Раненого доставили в лазарет аббатства, где ежом занялся аббат Мортимер. У Амброзия была длинная рваная рана, она тянулась от уха до кончика передней лапы.

Аббат промыл рану и приложил к ней припарку из трав.

— Нет никаких оснований для беспокойства, брат Альф. Амброзий Пика — это кожа да иглы. Старик крепок, словно булыжник. Смотри, он уже приходит в себя.

Еж и впрямь забавно хрюкнул, несколько раз свернулся и развернулся, потом открыл глаза и огляделся.

— Ой, как ухо болит! Отец настоятель, не дайте страждущему помереть от жажды, принесите орехового эля, — взмолился Амброзий.

Видя, что их старый друг вне опасности, все присутствующие с облегчением расхохотались.

— Ох-хо-хо, так-то лучше, — заметил Амброзий, выдув несколько кружек эля. — Ну что ж, я сделал все, как мне было велено, обошел всех, кого только мог. Короче говоря, около полудня пришел я к дому Полевкинсов. Только я сообщил им скверную новость — тут, чтоб мне лопнуть, этот маленький плакса Колин Полевкинс забежал по дому с воплями, причитая, мол, теперь всех их перережут прямо в постелях. Хотите верьте, хотите нет, но Колин словно свихнулся, никак было его не унять. Ну и вот, на шум в доме примчалась стая крыс, — должно быть, промышляли неподалеку. Не успели мы и рты открыть, как они набросились на нас, так что мне оставалось только свернуться и выставить иглы. Крысы схватили плаксу Колина и его родителей, но старого Амброзия Пику им было не сцапать, нет! Тогда один из разбойников ткнул меня железным прутком от церковной ограды. Решили, что я мертвый, и

бросили — слишком колючий, говорят, нельзя жрать. Семейю Полевкинсов они утащили, а я подождал, пока все утихнет, и пополз в аббатство... Эй, а не осталось ли чего в кувшине? Мне для поправки эль нужен, отец настоятель, а то меня от ран лихорадка бить начнет.

Матиас с грустью склонил голову: семья Полевкинсов в плену, их ожидает смерть или рабство. Правда, спасение ежа воодушевило Матиаса, и он уже собирался открыть рот и сказать, что они с Констанцией добровольцами идут в церковь святого Ниниана — спасать пленников, но барсучиха словно прочла его мысли:

— Матиас, даже не думай об этом. Не надейся, что сумеешь увести Полевкинсов из-под самого носа Клуни. Ты храбр, но постарайся быть благоразумным, не теряй голову и побереги свою жизнь.

Поразмыслив, Матиас понял, что барсучиха права. Все уже разошлись спать, а он еще долго сидел и думал. Потом он побрел в Большой зал и встал перед гобеленом. Матиас не сразу осознал, что вслух разговаривает с Мартином Воителем.

— О Мартин, что бы ты сделал на моем месте? Я знаю, что еще очень молод, я еще только послушник, даже не член Ордена, но ведь и ты был молод. Я знаю, как бы ты поступил! Ты бы надел доспехи, взял свой меч и бился с разбойниками, и они бы отпустили Полевкинсов или погибли все до одного. Но, увы, те времена миновали. У меня нет волшебного меча — только советы старших.

Матиас опустился на холодный каменный пол. Он грустно смотрел на величественную фигуру Мартина Воителя — такого храброго и непреклонного. Потом он посмотрел на свою мешковатую одежду и огромные сандалии и почувствовал свою беспомощность.

Легкое прикосновение мягкой лапки заставило его обернуться. Это была Василика.

— Не грусти, Мартин. Я знаю, ты храбр и благороден. Ты станешь великим полководцем. Придет время, и Рэдволл будет восхищаться тобой. Ты — настоящий Воитель.

Матиас высоко поднял голову, словно став выше ростом. Он помог Василике подняться и поклонился ей:

— Василика, как мне отблагодарить тебя за твои слова? Ты ведь и сама необыкновенная мышка... Но уже поздно, иди отдыхать. Я, пожалуй, побуду здесь еще немного.

Мышка сняла со своей головы ленту, это была ее любимая — бледно-желтая лента с узором из васильков. Она повязала ее на правую лапу Матиаса, чуть выше локтя. Лента дамы для ее рыцаря!

Затем она бесшумно выскользнула из зала. Матиас чувствовал, как сильно бьется в его груди сердце. Он повернулся к Мартину:

— Спасибо тебе, Воитель. Ты говорил со мной ее устами и дал мне совет, которого я просил.

Клуни сидел в церкви святого Ни-
ниана на куче хлама, оставшегося
от кафедры. Краснозуб, Темноко-
гть, Сырокрад и Черноклык развалились у
его ног на рваных подушечках для колено-
преклонения. Клуни опять был в странном
настроении. Он не проявил никакого инте-
реса к пленникам, просто приказал сторо-
жить их, пока не найдет времени подумать,
что с ними делать.

Почти все крысы, кроме караульных,
спали на церковных хорах.

Командиры с опаской смотрели на
Клуни. Его длинный хвост нервно дергался
из стороны в сторону, единственный глаз
был устремлен на резного орла, крыльями
поддерживавшего прогнивший пюпитр.

Наконец Клуни взглянул на командиров и заговорил:

— Найти Призрака. Привести его сюда.

Темнокоготь и Черноклык бросились выполнять приказ.

У хозяина есть план! Как всегда, гениально простой и безупречно коварный.

Призрак служил Клуни много лет, но никто не знал, крыса он, ласка или нечто среднее. Он был мускулист и гибок, гладкий мех, покрывавший его длинное жилистое тело, был чернее безлунной ночи. Его черные, без блеска, как у мертвеца, глаза сильно косили.

Он бесшумно встал перед своим начальником. Клуни был одноглаз, но очень зорок, однако даже он едва сумел различить в церковном мраке неясный силуэт.

— Это ты, Призрак?

Ответ прозвучал словно шелест шелка по гладкому камню:

— Это я, Клуни. Зачем ты звал меня?

При звуке этого голоса крысы вздрогнули. Клуни подался вперед:

— Ты видел стены аббатства?

— Я был там. Призрак видит все.

— Можешь ли ты на них забраться?

— Я не знаю зверя, который мог бы на них забраться.

— Кроме тебя?

— Кроме меня.

Клуни сделал хвостом приглашающий жест:

— Подойди поближе. Я скажу тебе, что мне от тебя нужно.

Призрак уселся на верхней ступеньке кафедры, и Клуни заговорил:

— Залезешь на стену аббатства, только будь осторожен, там полно часовых. Ты не должен попасть в плен. Тебе не нужно нападать на сторожку и пытаться открыть ворота — они слишком хорошо охраняются, так что можешь о них забыть.

Призрак ничем не показал, что Клуни, сам того не зная, словно бы читает его мысли; он оставался неподвижен и безмолвен.

Клуни продолжал:

— Как только залезешь на стену, пробирайся к главному входу в сам монастырь. Если дверь заперта — открой, не нужно тебе объяснять как, но бесшумно. Ты должен попасть внутрь. Первая комната, сразу за дверью, — главная, мыши называют ее Большим залом. Войди в нее, повернись налево, на стене перед собой увидишь длинный гобелен. А теперь слушай внимательно. В правом нижнем углу гобелена изображена мышь в доспехах, опирающаяся на большой меч. Вот эта мышь мне и нужна! Вырежи, вырви, отгрызи — и принеси мне. Эта мышь должна быть у меня в лапах! Без нее не возвращайся.

Крысы, подслушавшие разговор, были сильно озадачены.

Мышь с гобелена?!

Черноклык еле слышно шепнул Сырокраду:

— Зачем хозяину понадобился портрет мыши?

Клуни услышал шепот. Он подошел к кафедре и, взявшись за края пюпитра, оглядел своих подчиненных, словно служитель сатанинской церкви — паству:

— Черноклык, выслушай меня. Ты видел этих мышей? Одно упоминание о Мартине Воителе поднимает их боевой дух. Разве ты не видишь, что он —

их символ? Его имя для них то же самое, что мое — для вас, разве что на другой лад. Мартин — своего рода ангел, а я, пожалуй, наоборот. Так вот, пошевели мозгами. Если со мной что-то случится, вы превратитесь просто в сброд, в бестолковую толпу. Так же и мыши. Если они лишатся своего драгоценного знамени — изображения Мартина, — что у них останется?

Краснозуб хлопнул себя по ляжкам и радостно захихикал, раскачиваясь взад и вперед:

— Гениально, хозяин, дьявольски гениально! Без своего распрекрасного Мартина они превратятся в жалкую толпу трусливых мышей.

Хвост Клуни ударил по кафедре, и она разлетелась на мелкие кусочки.

— Вот тут-то мы и пойдем на штурм!

Мускулистый хвост Клуни вытянулся, обвил тело Призрака и притянул его к своему хозяину. Обдавая Призрака смрадным дыханием, Клуни слово за словом медленно и четко проговорил:

— Достань мне эту картину. Достанешь — получишь щедрую награду, когда я усядусь в кресло аббата. Не достанешь — твои жуткие вопли будут слышны на всю округу!

Ведва приоткрытые ворота зари хлынул поток солнечных лучей, но обитатели Рэдволла давно уже были на ногах. После завтрака аббат распорядился: всем, кроме караульных, собирать плоды и наполнять кладовые на случай длительной осады. Молодые выдры рвали водоросли жерушника и ловили рыбу. Василика с группой мышек таскала зерна; другие собирали овощи.

Амброзий Пика, уже почти поправившийся, занимался в кладовой подсчетом припасов: орехов и ягод, яблок и груш, заготовленных еще прошлой осенью. Еж с вожделием думал о погребах: вот бы произвести переучет там! Но ключи были только у брата Эдмунда и монаха Гуго.

— Здорово, дикобраз. Показывай, куда валить вершки да корешки. Да поскорее, тяжело держать-то!

Амброзий тяжело вздохнул, глядя на двух кротов, согнувшихся под тяжестью мешков с клубнями.

Он поправил повязку на ране — работе не видно ни конца ни края.

Под сводами галереи Матиас и Констанция производили смотр защитников Рэдволла. В дни мира военные были нужны только для праздников или спортивных состязаний, но теперь пришла им пора показать, кто на что способен.

Выдры принесли мешки с гладкой галькой. С большой силой и точностью они метали камни сделанными из выюнка пращами. Отряды полевоклучников пускали из своих длинных луков стрелы, оперенные пухом чертополоха, — этими стрелами в мирное время обычно прогоняли с огородов вороватых птиц.

Под стенами аббатства кроты, руководимые Кротона начальником, вырыли траншею; единственный в аббатстве бобер утыкал бруствер заостренными кольями. С помощью веревок и блоков на стену подняли корзины с камнями и землей из траншеи.

Матиас обучал отряд мышей Рэдволла искусству боя длинной дубинкой, к чему у него обнаружился врожденный дар.

В этот день все обедали под открытым небом. Встав в очередь вместе с остальными обитателями леса, Матиас получил миску парного молока, ломоть пшеничного хлеба и немного козьего сыра. Василика, раздававшая еду, дала Матиасу лишнюю порцию сыра. Он закатал рукав своего балахона и показал ей край ленты:

— Смотри, это мне подарила вчера вечером одна подружка.

Василика рассмеялась:

— Иди и ешь свой обед, воин, пока я не продемонстрировала тебе искусство прицельного метания кусков сыра.

В саду Матиас увидел старого Мафусаила — тот сидел с закрытыми глазами, прислонившись спиной к стволу сливы. Плюхнувшись рядом со стариком, Матиас стал есть. Не открывая глаз, старик спросил:

— Ну, как идут учения?

Глядя на муравьев, растаскивавших упавшие на землю крошки, Матиас ответил:

— Неплохо. Можно даже сказать, прилично. А как твои научные изыскания?

Мафусаил прищурился, глядя поверх очков:

— Знаний никогда не бывает достаточно. Плод мудрости следует вкушать с наслаждением и как следует усвоить — не то что твой обед, который ты, юноша, глотаешь не жуя. Ну так что еще ты желаешь узнать о Мартине Воителе?

— Откуда ты знаешь, что я собирался спросить о Мартине? — с удивлением спросил Матиас.

В ответ Мафусаил только сморщил нос:

— Откуда пчела знает, что в цветке есть пыльца?

— Брат Мафусаил, а где похоронен Мартин?

— Твой следующий вопрос мне уже известен: как найти легендарный меч Мартина?

— Но как ты догадался? — пробормотал Матиас.

Старый привратник пожал костлявыми плечами:

— Меч скорее всего лежит рядом с Мартином. Вряд ли тебя интересуют истлевшие кости усопшего героя.

— Но где же похоронен Мартин?

— Этого не знает ни одна живая душа. Многие годы я ломал голову над древними рукописями, переводил, искал утаенные нити, но все впустую. Я разговаривал с пчелами и мелкими тварями, которые способны проникнуть туда, куда не можем пролезть мы, но в итоге одно и то же: слухи, предания, сказки.

Матиас покрошил муравьям хлеб.

— Значит, меч Мартина — всего лишь предание?

Мафусаил возмущенно ответил вопросом на вопрос:

— Кто тебе это сказал? Я тебе этого не говорил. И честно говоря, у меня есть предчувствие, что эти важные сведения я берег именно для тебя.

Матиас весь обратился в слух.

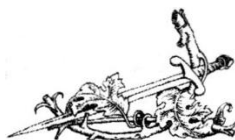
— Года четыре назад я вправлял вывихнутую ногу одному ястребу-перепелятнику... Гм, помнится, я заставил его поклясться никогда больше не охотиться на мышей. Знаешь, они умеют взглядом своих золотистых глаз гипнотизировать мелких зверьков. Так вот, этот ястреб рассказал мне кое-что интересное. О воробьях. Он еще называл их крылатыми мышами. По его словам, много лет назад воробьи украли что-то из нашего аббатства, какое-то принадлежавшее нам сокровище. Но так и не сказал, что именно, — улетел, только его и видели, едва я вылечил его. Впрочем, разве можно ожидать благодарности от ястреба-перепелятника?

— А ты когда-нибудь говорил об этом с воробьями? — перебил старика Матиас.

— Я слишком стар, — покачал головой Мафусаил, — и уже не могу залезть на крышу, где они гнездятся. Воробьи — очень странные птицы, вечно чирикают. Они легкомысленные и очень воинственные. Прежде

чем ты подберешься к их гнездам, скинут тебя с крыши в два счета и слушать не станут. Кроме того, я не уверен, что ястреб говорил правду. Некоторые птицы, если им вдруг взбредет в голову врать, начинают нести жуткую околесицу.

Матиас стал расспрашивать брата Мафусаила дальше, но теплые лучи солнца и мирная тишина июньского дня сделали свое дело: старый привратник уже крепко спал.

Несшумно ступая в ночи, Клуни, Рваноух и Призрак продвигались к Рэдволлу. Клуни считал задание настолько важным, что решил проверить все лично. Тело Призрака было обмотано кожаным мешком, в котором лежал его обычный воровской инструмент: веревка, обвязанная войлоком железная кошка, пузырек с маслом, отмычки и кинжал.

Рваноух выступал позади, донельзя гордый тем, что, отправляясь на столь важное дело, хозяин взял в помощники именно его. Он и не подозревал, что Клуни прихватил его на всякий случай: если придется туго, Рваноухом всегда можно пожертвовать, а самому ускользнуть.

Они подобрались к самым стенам аббатства. Подняв хвост, Клуни дал знак оставаться на месте и скрылся в темноте. Наедине с Призраком Рваноух почувствовал себя неудобно. Пытаясь завести разговор, он зашептал:

— Приятный дождичек, а? Для травы полезно... Ну и высоченные же у аббатства стены, чтоб мне лопнуть. Хорошо, что лезть на них придется тебе, а не мне. Я бы не смог — слишком уж растолстел, ха-ха-ха!

Встретив гипнотизирующий взгляд мертвенных глаз Призрака, Рваноух осекся и, сникнув, замолк.

Клуни вернулся минут через десять. Он кивнул в сторону аббатства:

— Прошелся вдоль стены. Часовые дрыхнут без задних лап. Им раньше никогда не приходилось стоять в карауле, они засыпают, как только стемнеет. Вот к чему приводит мирная жизнь!

Рваноух, соглашаясь, закивал головой:

— Если бы они служили у нас и старина Краснозуб застал их спящими, он бы...

— Заткнись, — прошипел Клуни. — Призрак, ты готов? Смотри ничего не перепутай.

Призрак оскалил желтые клыки и начал карабкаться на стену. Медленно, словно черная змея, он полз вверх, нащупывая когтями углубления и трещины в камнях. Время от времени он застывал, распластавшись, и обдумывал следующее движение, затем снова лез вверх. Никто в армии Клуни не отважился бы на подобное восхождение, но Призрак был непревзойденным специалистом: повисая иногда только на одном когте, он все равно умудрялся не упасть.

Внизу Клуни и Рваноух, напрягая глаза, с трудом различали на стене его темный силуэт, приближавшийся уже к вершине стены.

На стене мирно похрапывал брат Эдмунд. Завернувшись в теплое одеяло и накрывшись от дождя капюшоном, он примостился на куче земли и не видел, как за край стены уцепились длинные острые когти. Мгновением позже над стеной возникла узкая черная голова, и на спящего глянули два темных обсидиановых глаза.

Призрак беззвучно пробирался между спящими часовыми и кучами мусора. Вот монах Гуго заворочался во сне, и капюшон соскользнул у него с головы, — на круглое лицо Гуго упали капли моросящего дождя. Легко, как ночной бриз, Призрак поправил капюшон — пусть Гуго спит спокойно. Приостановившись на мгновение и оглядевшись по сторонам, лазутчик стал бесшумно спускаться к главному дому аббатства. Время от времени он замирал и прислушивался, затем вновь скользил дальше, словно тень от облака в лунном свете.

Двери Большого зала были не заперты. Рассудив, что дверные петли наверняка старые и скрипучие, Призрак достал пузырек с маслом и смазал их, затем осторожно отворил дверь. Она бесшумно открылась. Лазутчик проскользнул внутрь и, забывшись, отпустил ее. Порыв ночного ветра со стуком захлопнул дверь.

Призрак выругался про себя и, юркнув за ближайшую колонну, замер, стараясь не дышать. Он стоял так одну, две, три минуты. Но на шум никто не явился, и ночной вор, успокоившись, направился к гобелену.

Лампа Призраку не требовалась: от его глаз не ускользнул бы и черный мотылек в безлунную ночь. Увидев изображение мыши-воина на гобелене, столь желанное Клуни, он впился своими бритвенно острыми когтями в ветхую ткань и разодрал ее снизу вверх.

Несмотря на усталость, Матиас долго ворочался в постели без сна. В голове его мелькали меч, могила Мартина, оборона аббатства, Василина. Наконец он начал засыпать. Во сне Матиас увидел, что находится в длинной пустой комнате, похожей на Большой зал.

— Матиас! — раздался голос.

— Оставь меня в покое, — сонно пробормотал во сне мышонок. — Я устал.

— Матиас, ты мне нужен, — не отступал голос.

Мышонок стал вглядываться в темноту зала.

— В чем дело, зачем я тебе понадобился?

Матиас пошел на голос. Неожиданно раздался зловеший хохот, затем — отчаянный крик:

— Матиас, на помощь! Не дай им меня забрать!

Мышонок побежал, но зал как будто все удлинялся и удлинялся.

— Кто ты, как тебя найти?

Далеко впереди, во мраке, Матиас, с трудом различил у стены фигуру мыши в доспехах.

— Матиас, помоги мне, скорее!

Запутавшись в смятых простынях, Матиас упал с кровати на пол. Ничего не понимая, он сел и протер глаза. Что за странный сон: длинный зал, крик о помощи, мышь в доспехах?..

Как же он сразу не догадался!

Большой зал. Мартин Воитель. В Большом зале происходит что-то скверное, нужно спешить!

Матиас вскочил и побежал в Большой зал. Он посмотрел на гобелен. Мартин был, где ему и надлежало быть, но... он двигался!

Сквозняк? Нет, никакого сквозняка не было. Фигура Мартина подергивалась, как будто кто-то ее тянул. И тут Матиас увидел тень. Но кто ее отбрасывает?

Мышонок вскочил и подбежал к гобелену как раз в тот момент, когда фигура Мартина отделилась от стены.

Мартина волокла из зала какая-то крыса!

Да, несомненно: это крыса, черная от кончика носа до кончика хвоста, почти не различимая в темноте.

Призрак услышал шаги за спиной и в тот момент, когда Матиас бросился на него, отскочил в сторону. Он подумал, что без труда справится с маленьким мышонок, но у него был приказ украсть картину, а не драться с мышами; кроме того, если мышонок, вцепившись в него, позовет на помощь, он поднимет на ноги все аббатство. Извернувшись, Призрак бросился Матиасу под ноги, сбил его, словно кеглю, и, не останавливаясь, выкатился за дверь, захлопнул ее за собой и бросился наутек по галерее.

Матиас вскочил на ноги и закричал что было мочи:

— Держи крысу! Держи крысу!

На стенах аббатства поднялся переполох. Увидев, что Констанция встала у той лестницы, по которой он спускается, Призрак, проклиная про себя барсучиху, рванул к другой.

В это время из здания аббатства выбежал Матиас. Заметив бегущего по двору врага, он бросился ему наперерез и догнал возле лестницы. Прыгнув, Матиас схватил Призрака за задние лапы, и тот, не удержавшись, упал.

Не выпуская из лап кусок гобелена и пытаясь оторвать от себя противника, Призрак извивался ужом. Он перевернулся на спину и принялся бить Матиаса по голове свободной лапой. Тот держался изо всех сил, но его более крупный противник все бил и бил его своей тяжелой когтистой лапой. Вскоре силы оставили Матиаса, и он потерял сознание.

Констанция тем временем взобралась на стену и побежала по ней, лавируя между кучами мусора. Она видела, что Матиас упал, и побежала быстрее, стараясь не наступить на мышей, а те, решив, что крысы пошли на приступ, суетливо и бестолково шныряли повсюду. Самообладания не потерял разве что мистер Филдмаус, отец Василики. Он оказался ближе Констанции к Призраку и не раздумывая бросился на врага, стоявшего на стене и искавшего в мешке веревку.

— Сдавайся, крыса, я тебя поймал! — крикнул мистер Филдмаус, хватая вора.

Но Призрак нащупал в мешке рукоять кинжала. Он выхватил кинжал и дважды вонзил его в бедного мистера Филдмауса. Тот рухнул на землю, но тут появилась Констанция. Призрак, держа в лапе кинжал, повернулся к ней. Передняя лапа Констанции описала широкую дугу, и ее удар пришелся Призраку прямо в челюсть. Сила удара была такова, что Призрак взмыл над стеной и, прежде чем Констанция успела схватить его, перелетел через край и с душераздирающим воплем рухнул вниз. Было слышно, как его тело несколько раз ударилось о выступы стены, а затем упало на краю дороги.

К Призраку быстро подбежал Клуни, следом за ним спешил Рваноух. Несмотря на ужасные раны и переломы, Призрак был жив и сумел приподняться на одной лапе.

— Клуни, больно, помоги, — прохрипел он.

Клуни схватил кусок гобелена, лежавший на дороге. Слыша за спиной яростные крики мышей и скрежет отодвигаемых засовов, он походя пнул искалеченное тело Призрака:

— Встань и беги сам, недоумок, мне не нужны растяпы и калеки.

И Клуни пустился наутек. Одним прыжком перескочив канаву, он побежал через луг. И радостно захохотал, размахивая гобеленом.

Рваноух совершенно растерялся. Он не сумел перепрыгнуть широкую канаву и побежал прочь по дороге.

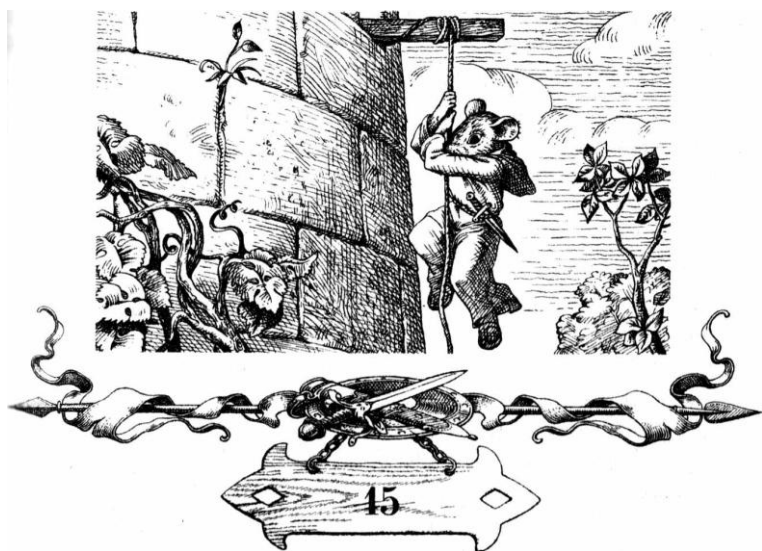
Мыши во главе с братом Альфом попытались перебраться через канаву, но она раскисла от дождя, и они застряли. А Клуни, унося кусок гобелена, уже скрылся из виду.

— Гобелен должен быть где-то здесь! — крикнул Матиас.

Он бросился к Призраку и стал рыться в его мешке. Глядя на Матиаса затуманенными глазами, Призрак тихо заговорил. Его голос был странно спокоен:

— Напрасно ищешь. Мартин теперь у Клуни. Сказав это, Призрак в последний раз дернул лапами и выпустил дух.

Утро, казалось, узнало о событиях предыдущей ночи: над Рэдволлом повисли унылые, серые тучи, сеял нескончаемый дождь.

Аббат Мортимер, собравший мышей в Пещерном зале, выглядел постаревшим и непривычно строгим.

— Спать на посту — это, по-вашему, дисциплина?

Аббат устало ссутулился. Ответом ему было виноватое молчание. Старик покачал головой и поднял лапу в примирительном жесте:

— Простите, друзья, я был резок. Но сегодня утром я заметил, что розовый куст увядает, бутоны чахнут. Мартина Воителя больше нет с нами, он оставил нас.

Мы теперь одни. Наступают дни бедствий и скорби.

— Есть и добрые вести, — сказал Матиас. — Я только что из лазарета. Мистер Филдмаус вне опасности, он будет жить.

Все с облегчением вздохнули, заулыбались, и даже аббат на какое-то время забыл свои мрачные предсказания.

— Спасибо, Матиас, — промолвил он. — Это действительно добрая весть. Но тебе надо подумать и о себе, сын мой. После боя с черной крысой у тебя вся голова распухла.

— Да что там! Просто царапина.

Констанция встала рядом с Матиасом:

— Вот это я и называю храбростью! А теперь все по местам отныне мы будем начеку. И я не позавидую этим грязным крысам, если они еще раз посмеют приблизиться к Рэдловлу.

С воинственными криками, столь не подобающими мирным мышам, все схватили дубинки и вышли из зала. Констанция и аббат отправились проводить мистера Филдмауса, а Матиас с Мафусаилом двинулись в Большой зал — осмотреть разорванный гобелен.

— Знаю, каково тебе сейчас, Матиас, — сказал старый привратник, — Ты храбрился, чтобы подбодрить других. И правильно. Ты становишься мудрым вождем, учишься скрывать свои чувства и помогаешь остальным обрести надежду.

Матиас грустно потрогал свое распухшее лицо:

— Может быть, но ты не хуже меня видишь, что Мартина у нас уже нет. Боюсь, без него нам не победить Клуни.

Мафусаил, соглашаясь, кивнул:

— Ты прав, мой юный друг, но что же тут поделаешь?

Матиас пошел в спальню. На лестнице он столкнулся с Василикой.

— Привет, — бодро сказал он. — Как отец?

— Спасибо, ему лучше, — ответила Василика. — Аббат попросил меня найти для него кое-какие лечебные травы. А тебе, по-моему, лучше лечь.

Матиас поморщился и прислонился к перилам.

— Да, я как раз иду к себе, чтобы как следует отдохнуть. Но не беспокойся — крысы дорого заплатят за то, что сделали твоему отцу.

Стараясь казаться очень усталым, Матиас пошел к себе в комнату, но, закрыв за собой дверь, мгновенно преобразился. С горящими глазами он вытащил из-под кровати мешок Призрака. Заткнув вражеский кинжал за пояс и перепоясавшись веревкой, он пробормотал:

— Мы еще сочтемся, Клуни!

Прячась от стоявшего на часах брата Руфуса, который, к счастью, смотрел в другую сторону, Матиас бесшумно перекинул веревку через стену, к которой вплотную подходил лес.

Спускаться со стены по веревке оказалось не так уж и трудно. Вскоре Матиас бесшумно скользнул в заросли папоротника. Он повторял про себя, что ему обязательно надо пробраться через лес к церкви святого Ниниана, узнать, где хранится кусок гобелена с Мартином, затем как-то отвлечь внимание противника, в суматохе забрать гобелен и бежать в Рэдволл.

В лагере Клуни Хлыста крысы готовились к штурму аббатства. Одни точили кинжалы о камни фундамента церкви, другие, под наблюдением Краснозуба, выламывали прутья из церковной ограды, кое-кто собирал камни для пращей, а иные обматывали себя веревками.

Клуни, словно какой-нибудь восточный царек, важно восседал на церковных хорах. Одной лапой он держал свой грозный хвост, другой — боевой штандарт с хорьковым черепом, украшенный теперь изображением Мартина Воителя. Оруженосец облачал вожака в боевые доспехи.

У ног Клуни стояли крепко связанные веревками Полевкинсы. Он щелкнул хвостом и оскалился:

— Посмотрите на меня, вы, жалкие твари. Я — неустрашимый воин Клуни Хлыст! Скоро все будут ползать передо мной на коленях.

Авраам Полевкинс смело посмотрел в глаза Клуни:

— Ты просто грязная корабельная крыса...

— Заткнись! — рявкнул Клуни. — Придержи язык, или я займусь тобой и твоим семейством прямо сейчас, не дожидаясь, пока моя армия возьмет ваше аббатство. Видишь мое новое знамя? Это Мартин Воитель — тот самый, что должен был защищать дряхлого аббата и толпу его безмозглых мышей. Теперь Мартин со мной — ему больше подобает быть впереди настоящих воинов. И он приведет нас к победе. — Сверкая единственным глазом, Клуни распалялся все больше. — Разорение и смерть ждут всех, кто осмелится встать у Клуни на пути. В живых останутся только те, кто сгодится мне в рабы.

Миссис Полевкинс попыталась встать, но Грязнонос и Черноклык швырнули ее обратно на пол. Она бесстрашно прокричала:

— Никогда тебе не подчинить Рэдволл! Добро победит зло, вот увидишь! Пусть мы связаны, но дух наш свободен.

Щелк!

Клуни взмахнул своим длинным хвостом, и семья Полевкинсов покатилась по полу. Хвост вновь взвился в воздух — мистер Полевкинс прикрыл жену и детей своим телом.

— Трогательная речь, миссис мышка, но ты меня не поняла. Я не собираюсь подчинять дух Рэдволла, я хочу его убить! Эй, вы, уберите с глаз моих этих писку-

нов. Заприте их в хижину за церковью. Пусть поразмышляют о том, что я с ними сделаю, когда вернусь.

В церковь вошел Краснозуб и отсалютовал Клуни:

— Армия готова к бою, хозяин.

Оруженосец водрузил на голову Клуни шлем. Тот опустил забрало, затем пинком отбросил в сторону оруженосца, уже надевшего на его хвост отравленный шип.

Выйдя во двор, Клуни взобрался на покосившийся столб. Своим единственным, сверкающим злобой глазом он оглядел могучую армию: черные крысы, коричневые крысы, серые крысы, пегие крысы, ловкие ласки, вороватые горностаи и юркие хорьки — все выстроились перед ним. Их мокрое от дождя оружие холодно поблескивало. Клуни что есть мочи заорал:

— Куда идет Клуни?

— На Рэдволл, на Рэдволл! — грянула банда в ответ.

— Закон Клуни?

— Убей, убей, убей!

— Кто победит?

— Клуни, Клуни, Клуни Хлыст!

Прыгнув со столба в гущу солдат, Клуни высоко поднял знамя. С громкими криками банда устремилась по дороге к аббатству.

Рваноух безнадежно заблудился. Думать самостоятельно, без приказов Клуни, он не умел. Поняв, что бежит не в ту сторону, он встал как вкопанный, но напуганный внезапным криком птицы, сломя голову бросился в Лес Цветущих Мхов и бежал всю ночь не разбирая дороги. Только когда забрезжил бледный рассвет, он остановился и сел под кустом. Усталый и насквозь промокший, удрученный случившимся, он свернулся мокрым облезлым комком и заснул.

Проснулся он только поздним утром от чьих-то шагов. Открыв глаза и увидев шагавшего мимо Матиаса, он мысленно поздравил себя. Вот это удача — мышонок! О, Рваноух возьмет его в плен и доставит

к Клуни. Так он покроеет себя славой, а хозяин, возможно, забудет о его позорном бегстве.

Матиас незаметно оглянулся. За ним, неумело прячась в траве, кралась толстая неповоротливая крыса. Враг выглядел довольно жалко. Матиас спокойно двинулся дальше — он был уверен, что справится с таким противником...

Хрустя сучьями, Рваноух неуклюже перебежал от дерева к дереву и, глядя на мышонка, представлял себе будущий разговор с Клуни.

Бац!

Длинная упругая ветка лиственницы распрямилась и с силой ударила Рваноуха по лбу. Он тотчас упал без чувств.

Потирая лапы, Матиас вышел из засады. Пришлось попотеть, оттягивая ветку! Размотав веревку, он привязал Рваноуха к стволу толстого дуба. Ждать, пока крыса придет в себя, было некогда: Матиасу предстоял дальний путь, и, сделав дело, он, не теряя ни секунды, побежал дальше.

Днем дождь прекратился, и жаркое июньское солнце, как бы извиняясь за долгое отсутствие, затопило лес ярким светом. От мокрой земли поднимались облака пара, отсвечивая золотом в пробивающихся сквозь листву косых лучах.

Солнце отогрело Матиаса, он почувствовал прилив сил. Напевая вполголоса, он бежал сломя голову и чуть не выскочил из-под защиты леса на открытый луг, но вовремя остановился. Перед ним лежал заросший бурьяном пустырь, что некогда принадлежал церкви святого Ниниана.

Притаившись на опушке леса, Матиас видел заднюю стену церкви — ее охраняло около дюжины крыс. Задумавшись, Матиас сказал вслух:

— Гм, однако небольшие трудности.

— Да, трудности, небольшие трудности, — ответил ему незнакомый голос. — Хорошо, что они пока не переросли в большие.

Матиас вскрикнул от неожиданности и огляделся по сторонам, пытаясь понять, откуда раздался голос. Но вокруг никого не было. Набравшись храбрости, Матиас приосанился и крикнул:

— Сейчас же выйди и покажись!

— Покажись! Сколько ж тебе нужно глаз, а? Слепой ты, что ли?

Матиас прищурился и всмотрелся в траву перед собой... Никого.

— Последний раз говорю: выйди и покажись! — раздраженно прокричал он. — Мне не до игр.

Словно по волшебству, перед Матиасом предстал заяц. Его мех был пепельно-серым с темными пятнами, а на брюхе — белым со светло-коричневыми подпалинами. Заяц был очень высоким, с мускулистыми задними лапами, а его забавную круглую физиономию венчали длинные уши, жившие, казалось, собственной жизнью, — они то и дело поворачивались из стороны в сторону. Заяц, изящно отставив лапу в сторону, ответил Матиасу изысканный поклон. Его голос слегка подрагивал.

— Бэзил Олень к вашим услугам, сэр! Опытный разведчик, боксер задними лапами, проводник через чащи и специалист по маскировке, гм, а также освободитель заблудших морковок, салата и тому подобных блуждающих существ. Умоляю, скажите, с кем имею честь беседовать, а также просветите меня относительно характера ваших небольших трудностей.

Матиас решил, что этот заяц или не вполне нормален, или слегка пьян, но в его старомодной вежливости

не было ничего угрожающего, и мышонок, решив отплатить ему той же монетой, низко поклонился в ответ:

— Приветствую тебя, Бэзил Олень! Мое имя — Матиас, я — послушник из Рэдволла. В настоящий момент мои трудности связаны с тем, что я намереваюсь преодолеть открытое пространство между мной и вон той церковью и при этом остаться не замеченным крысами.

Бэзил Олень тихонько постучал своей огромной лапой по земле.

— Матиас, — засмеялся он. — Ну и имечко!

Мышонок тоже засмеялся в ответ и сказал:

— Я вот тоже никогда не слышал, чтобы зайца звали Бэзил Олень.

Заяц мгновенно исчез и появился снова, уже совсем рядом с Матиасом.

— Что ж тут такого? Бэзилем меня нарекли родители, хотя, честно говоря, мать хотела назвать меня Колумбиной-Агнессой. Мамаша, видишь ли, думала, что родится дочка.

— Но почему же Олень? — настаивал Матиас.

— Нет существа благороднее оленя, — ответил заяц. — Разве я тебе еще не сказал, что всегда хотел быть благородным оленем, с восхитительными царственными рогами! И вот в одну прекрасную ночь я спустился к нашей старой реке и был крещен под именем Олень. Две жабы и тритон тому свидетели. Так я и стал Оленем.

Матиас, не в силах сдержать смех, громко рассмеялся. Бэзил рассмеялся в ответ и присел рядом с Матиасом.

— А знаешь, у меня такое впечатление, что ты мне нравишься, — сказал он. — Значит, тебе надо помочь

добраться до той церкви? Нет ничего проще. Но куда нам спешить, мой друг? Не расскажешь ли ты пока о причине своего появления здесь? Обожаю слушать разные истории. Да, кстати, ты, я полагаю, любишь овсяное печенье и укроп? Впрочем, кто ж этого не любит! И разумеется, ты сегодня обедаешь со мной.

В лапах зайца, как по волшебству, появился ранец, из него Бэзил Олень стал выкладывать на траву различную провизию. В ближайшие полчаса Матиас, набивая рот едой, рассказал ему о себе все. Бэзил внимательно слушал, только изредка перебивая, чтобы что-либо уточнить.

— Гм, крысы, — сказал заяц. — Я предполагал, что рано или поздно они пожалуют. Слухи уже давно ходят, а уши мои кое-что слышат. Что же касается Рэдволла, то это аббатство мне знакомо, и аббат Мортимер тоже. Ваш колокольный трезвон я тоже слышал. И еще какой-то еж говорил мне, чтоб я шел в убежище, в аббатство. Но я, само собой, не пошел. О нет, никогда Бэзил Олень не был трусом. Солдат, бросающий свой пост, — это ведь несколько некрасиво, а? К тому же я, видишь ли, предпочитаю собственное общество чужому. Хотя твое вполне приемлемо.

— Спасибо на добром слове, — ответил Матиас.

Заяц ему чрезвычайно понравился. Бэзил ловко вскочил и отсалютовал на военный манер:

— Ну что ж, пора и за дело браться! Значит, нужно переправить тебя к церкви, мой юный друг? А эта твоя зеленая одежда, говоришь, облачение послушника? Отличная маскировка. Ты вот ляг где-нибудь в тени. Можешь мне поверить, ты с трудом найдешь сам себя. Лучшей маскировки не придумаешь!

Бэзил на мгновение задумался. Его уши вытянулись в стороны, поднялись вверх, затем развернулись в разных направлениях и застыли.

— Так вот, — продолжал он, немного помолчав, — как только добудешь свой кусок гобелена или что там тебе еще надо, сразу же возвращайся на пустырь. Я буду тебя ждать, не сомневайся. Все получится как нельзя лучше! Ну что же, дружок, мы не можем сидеть здесь весь день, словно жирные кролики на грядке сельдерея. Вперед! Меньше слов — больше дела!.. Забирай влево, уклоняйся вправо. Пригибайся, изгибайся и ползи вперед. В общем, это совсем просто.

Матиас поспешил за Бэзилом, стараясь в точности повторять его движения. Вскоре друзья преодолели почти три четверти расстояния до церкви. Матиас мог бы уже пересчитать щетинки усов у крыс-сторожей. Прикрыв лапой рот и стараясь не рассмеяться, он прошептал:

— Это и впрямь просто, Бэзил! Ну как, я умею маскироваться?

Заяц высунулся из травы рядом с ним:

— Превосходно! Отпади мои уши, если ты не лучший мой ученик. Кстати, не могу ли я быть тебе полезен чем-нибудь еще?

— Да, Бэзил, мне бы очень пригодилась твоя помощь. Но мне не очень хочется втягивать тебя в свои дела.

— Чушь. «Свои дела» — скажешь тоже! — фыркнул заяц. — Ты что же думаешь, я буду сидеть здесь, пока какой-то грязный грызун со своей бандой оборванцев завоевывает мою страну? Ха, никто не сможет сказать, что Бэзил Олень прячется за чужие спины! Говори, что от меня требуется, чертяка ты этакий.

— О доблестный Заяц, спасибо тебе за отзывчивость! — благодарно произнес Матиас. — Бэзил, пока я добываю гобелен, не мог бы ты устроить какую-нибудь заварушку, чтобы отвлечь крыс?

— Ни слова больше, мой друг. — Заяц понимающе дернул ушами. — Перед тобой тот самый олень, который тебе нужен. Слушай внимательно. Двигай на левый фланг, туда, где из забора выдернута доска, и проскользни в дыру. Потом, когда достанешь, что тебе надо, уходи тем же путем. А я буду поблизости и прикрою тебя.

Матиас побежал, не забывая пригibasь, как его научил Бэзил. Без труда добравшись до забора, он оглянулся на своего спутника.

Бэзил, рванувшись с места в карьер, в мгновение ока оказался у самого забора и ударил по плечу ближайшую к нему крысу:

— Эй, старина, где ваш предводитель? Как его там — Клуни? Плюни?

У остолбеневшей крысы прямо-таки челюсть отвисла, а Бэзил уже исчез и тут же появился рядом с другой крысой.

— Фу! Вы, что же, никогда не моетесь, а? Послушай, грязнуля, ты разве сам не чувствуешь, что от тебя смердит? Тебя родители никогда не называли вонючкой? Или от них воняло еще хуже?

Крысам-часовым потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя, затем они, яростно вопя, попытались поймать наглого зайца. Но это было все равно что ловить дым! Бэзил носился кругами, беспрестанно отпуская шуточки по адресу крыс, что еще больше распаляло преследователей.

Они злобно выкрикивали:

— Хватай этого тощего кролика, ребята!

— Сам ты тощий кролик! Кошачий корм! — кричал в ответ Бэзил.

— Я намотаю твои вонючие кишки на пику!

— Полегче, полегче! Что за выражения? Слышала бы тебя твоя покойная матушка!

Матиас тихо рассмеялся. Крысы, а их было около дюжины, натыкались друг на друга, сталкивались лбами — зайца было не поймать. Время от времени Бэзил останавливался и становился в позу «гордого оленя». Он подпускал крыс на расстояние кончиков усов, а затем молниеносно выбрасывал вперед свои мощные задние лапы, и преследователи кубарем катились на землю. Развеселившийся заяц скакал вокруг поверженных врагов и забрасывал их ромашками, а крысы, осыпая его проклятиями, с трудом поднимались с земли и кряхтя возобновляли погоню.

Осторожно Матиас пролез сквозь разбитый витраж в церковь и спрыгнул на хоры. От отвращения он тотчас сморщил нос: старая церковь уже успела насквозь пропитаться тяжелым крысиным духом.

Где же гобелен? Где Клуни и его шайка?

Матиас мгновенно догадался, почему церковь пуста, и ощутил в животе свинцовую тяжесть. Крысы отправились на штурм Рэдволла, Клуни забрал гобелен с собой! От одной этой мысли Матиасу стало тошно. Он поспешно выбрался тем же путем, что и влез. На полдороге к забору он увидел сарай. Кто-то колотил изнутри в закрытые двери и громко звал Матиаса по имени:

— Матиас, мы здесь!

Через щель в дверях Матиас разглядел семейство Полевкинсов. Их лапы туго стягивали веревки, но, завернувшись в грязную мешковину, Авраам Полевкинс и его жена всем телом бились о дверь.

— Перестаньте колотить! Тихо! — прокричал Матиас в щель. — Я вас сейчас выпущу, вот только замок собью.

Матиас заметил неподалеку железную пику, кто-то из крыс метнул ее в Бэзила, но, разумеется, не попал. Просунув пику в ушко замка, он потянул ее на себя.

— Нет, не поддается, — пробормотал он.

С досады Матиас сильно ударил пикой в замок. Она отскочила и глубоко вошла в щель между щеколдой и дверью. Матиас фыркнул и, пытаясь вырвать пику, с силой дернул ее на себя. Потеряв равновесие, он полетел кувырком, а щеколда вместе с ржавыми кривыми гвоздями отскочила от двери. Ура! Дверь распахнулась.

Матиас быстро перерезал кинжалом веревки на лапах Полевкинсов и приказал:

— Идите за мной и делайте, что я скажу. Только как можно быстрее и тише.

Все вместе они осторожно проскользнули через дыру в заборе и пошли по пустырю. Крыс часовых и след простыл — они, вероятно, все еще пытались поймать неуловимого зайца.

Была уже середина дня. На пустыре тихо и солнечно, над цветами чертополоха порхали бабочки, кузнечики пели друг другу свои бесконечные серенады. Авраам Полевкинс крепко пожал Матиасу лапу:

— От всего сердца благодарю тебя, Матиас, за спасение моей семьи.

Но их юный освободитель был мрачен.

— Нам еще предстоит добраться до аббатства, мистер Полевкинс, и я даже боюсь подумать о том, что мы там увидим, если, конечно, попадем гуда.

Миссис Полевкинс кивнула:

— Да, мы видели, как они уходили из церкви на штурм Рэдволла. Во главе банды шел Клуни с портретом Мартина, привязанным к палке. Ох, милые мои, за всю свою жизнь не видела я столько отпетых мерзавцев.

Матиас озабоченно нахмурился:

— Я уже сожалею, что утром тайком ушел из аббатства. Надеюсь, Констанция держит всех в боевой готовности.

Несколько секунд спустя Матиас пожалел о том, что он сам не был достаточно бдителен.

Крысам-часовым надоело гоняться за Бэзиллом, они устало брели из леса на пустырь. За небольшим холмиком они присели отдохнуть.

Матиас и семья Полевкинсов направлялись напрямиком к ним в лапы.

Рэдуолл сосредоточил свою армию в придорожной канаве напротив аббатства. Сам он стоял позади, на лугу, окруженный своими помощниками. Отсюда, оставаясь в безопасности, он мог руководить всей операцией.

С самого начала все пошло не совсем так, как ему хотелось. В первую очередь в его армии не хватало лучников. Крысы, как известно, не сильны в изготовлении луков и стрельбе из них.

А со стен Рэдуолла полевые и зерновые мыши залпами посылали вниз тучи маленьких стрел, которые, хотя и не обладали большой убойной силой, ранили крыс и приводили их в замешательство.

Стоя позади своего воткнутого в землю штандарта, Клуни щелкал хвостом по земле:

— Краснозуб, Темнокогть, прикажите пращникам приготовиться. Когда я подам сигнал, они должны обрушить на стену град камней. Это заставит мышей залечь. Грязнонос, Жабоед, соберите команды со штурмовыми лестницами и крюками.

Командиры отправились в канаву делать приготовления. Клуни поднял хвост, чтобы подать сигнал.

Со стены мыши-лучники продолжали засыпать канаву стрелами. Констанция, с увесистой дубиной в лапах, расхаживала взад и вперед за спинами лучников, подбадривая их:

— Не жалейте стрел, наддайте!

Помня, что запасы стрел не бесконечны, барсучиха взглянула на кучи камней и мусора, наваленные вдоль парапета:

— Брат Руфус! Кротоначальник! Будьте готовы сбросить эти кучи в любой момент.

Клуни взмахнул хвостом. Град камней обрушился на парпет, стуча по каменной кладке, и сбил с ног нескольких зазевавшихся мышей и крота.

— Пригнись! Ложись! — скомандовала Констанция.

Защитники мгновенно повиновались, тем более что град камней усиливался. Аббат Мортимер, пригнувшись, бежал по парпету и кричал:

— Носилки! Сюда! Помогите мне отнести раненых в лазарет.

Выдра Винифред, лежавшая рядом с Констанцией, прошептала:

— Слышишь скрежет? Разбойники приставляют что-то к стене. Думаю, они держат нас в укрытии, чтобы тем временем забраться на стену.

Винифред не успела договорить, как две кошки с привязанными к ним веревками перелетели через парапет и зацепились за стену.

— Не поднимайтесь, друзья, — прошептала Констанция. — Подождите, пока они заберутся повыше. Надо, чтобы побольше крыс успело забраться на лестницы, прежде чем мы сделаем ответный ход. Передайте по цепочке.

Внизу, на луту, Краснозуб дико хохотал, размахивая палашиком:

— Твой план удался, хозяин! Смотри, старина Черноклык и его ребята уже почти на стене.

Клуни поднял забрало, чтобы лучше видеть. То, что случилось затем, он был не в силах предотвратить.

Целая лавина земли и камней обрушилась со стены прямо на главную штурмовую лестницу. Громко визжа и отчаянно размахивая лапами в поисках опоры, крысы посыпались на дорогу. Лестница отлетела в сторону и сбила другую, стоявшую рядом. Обе рухнули на землю, на головы мечущихся в панике крыс. Израненные и оглушенные, оставшиеся в живых пытались отползти обратно в канаву, но там на них обрушился летящий со стены мусор. Воздух наполнился воплями и стонами.

Клуни разразился проклятиями. Бросив штандарт, он устремился вперед, через луг. Одним прыжком перемахнув канаву, он перебежал через дорогу и, ухватившись за свисающую со стены веревку, полез вверх. В это время единственный среди защитников Рэдволла бобер перегрыз последнее волокно веревки, и Клуни, упав с изрядной высоты, бесславно шлепнулся в дорожную пыль.

Клуни бросился в канаву. Перегруппировав своих пращников и лучников, он приказал им быть наготове и ждать команды.

Со стены упала последняя веревка, и раздался радостный клич защитников Рэдволла, высунувшихся из укрытий, чтобы взглянуть на плоды своих усилий.

— Пли! — заорал Клуни.

Камни и стрелы устремились вверх, и несколько мышей, вскрикнув, упали. Это подняло настроение разбойника. Не все еще потеряно. У него уже зрел новый план.

В Лесу Цветущих Мхов Рваноух сражался с опутывавшей его толстой веревкой. Издалека до него доносились звуки, которые могли означать только одно: приступ аббатства начался.

Рваноух извернулся и достал зубами до веревки. Если он освободится, то еще есть время пробраться к аббатству и незаметно присоединиться к орде. Он может смешаться с остальными и сделать вид, что был с ними все время. К тому же, если он сумеет проявить себя в битве, Клуни будет к нему снисходительнее.

— Никакой веревке не удержать Рваноуха надолго, хе-хе,— бормотал он, перегрызая веревку.

Рваноух на мгновение поднял голову, чтобы размять шею. Смех застыл у него на губах, из горла вырвался стон ужаса. Ледяные когти страха стиснули сердце.

В полушаге от него гипнотизирующе раскачивался самый огромный и злобный аспид, который когда-либо появлялся на свет.

Рваноух окаменел, дыхание, казалось, замерзло в его легких. Зловещая тупая голова покачивалась перед ним в медленном ритме, мелькал, появляясь и исчезая, тонкий раздвоенный язык, неподвижный взгляд черных, блестящих, словно бусины, глаз не отрывался от него ни на миг. Голос змея зашуршал, как сухие листья на осеннем ветру.

— Асмодеус, Асмодеус-с-с-с-с, — прошипел он. — Сам перегрыз веревки, как любезно с твоей стороны, крыса! Пойдем, я покажу тебе вечность! Асмодеус, Асмодеус-с-с-с-с.

Змей ударил с быстротой молнии. Рваноух почувствовал легкий укол в шею, его лапы ослабли, глаза заволокло черным туманом. Последнее, что он услышал, было шипение змея:

— Асмодеус, Асмодеус-с-с-с-с!

Клуни нетерпеливо рвал когтями дно канавы. Новый план уже окончательно созрел в его голове: внезапная атака на аббатство со стороны леса.

Краснозуб в его шлеме и доспехах останется на лугу — со стен мыши примут его за Клуни, а сам он с небольшим отрядом отборных бойцов зайдет в тыл и застанет противника врасплох. Оставшимся в канаве крысам было приказано продолжать приступ, пока Клуни со своим отрядом не заберется по стене с тыла и не откроет изнутри ворота аббатства.

Во главе небольшого отряда крыс, ласок и хорьков Клуни, крадучись, отправился в путь по дну канавы. Они тащили с собой доску, вырванную из церковной ограды. Отряд бесшумно продвигался на север, пока не оказался за пределами видимости со стен. Выкарабкавшись из канавы, крысы углубились в лес.

Клуни сел на лежащий в траве ствол дерева и отдал приказ:

— Я буду ждать здесь, а вы разделитесь и ищите дерево поближе к стене аббатства. И помните: дерево должно быть выше стены и чтоб на него можно было взобраться.

Клуни надеялся на то, что, отбив первый приступ, мыши станут самоуверенными и допустят ошибку. Клуни умеет ждать. Пусть сделают только одну ошибку — этого будет достаточно.

Клуни потянул воздух. Он чуял, что разведчики возвращаются. Сырокрад и хорек Кроликобой с треском проломились через подлесок и выбежали на поляну. Они дрожали с головы до лап и выглядели до смерти перепуганными.

Клуни потребовалось время, чтобы вытрясти из них сколько-нибудь вразумительное объяснение. Сырокрад говорил запинаясь, поминутно оглядываясь через плечо:

— Мы, это... мы немного заблудились, хозяин.

— Заблудились? Где?

Кроликобой вытянул дрожащую лапу:

— Вон там, ваша честь, и мы нашли огромный раскидистый дуб, правда, Сырокрад?

— Ближе к стене?

— Нет, хозяин, это в лесу, — покачал головой Сырокрад. — Вот погляди, что я нашел. Она была обвязана вокруг дерева. — Он протянул перегрызенную веревку.

Клуни выхватил ее у него из лап:

— Похоже на веревку Призрака. Он уже мертв.

— Рваноух, ваша честь, — жалко взвизгнул Кроликобой.

— Видел бы ты его, хозяин, — вмешался Сырокрад. — Он там лежал. У него вся морда распухла, язык высунился наружу. И он был фиолетовый. Ух! Весь раздулся... Просто страх!

Кроликобой энергично закивал, подтверждая его слова:

— Так оно и было. Мы видели его собственными глазами, сэр. Правда, Сырокрад? Бедный Рваноух, он пятился.

— Пятился? — переспросил Клуни.

— Точно, пятился, — подтвердил хорек. — А Сырокрад мне и говорит, мол, кто-то тянет Рваноуха. Ну, мы не могли разглядеть, что это такое, из-за всех этих кустов, так что мы отогнули кусты в сторону, и мы увидели...

— Что еще вы там увидели? — раздраженно рявкнул Клуни.

Кроликобой остановился и задрожал. Он заговорил неуверенно, как будто боялся поверить своим словам:

— Мы увидели самого огромного змея, какие только бывают. Отец всех змей! Он схватил беднягу Рваноуха за задние лапы и волочил его по земле.

Единственный глаз Клуни расширился.

— И что он сделал, когда увидел вас?

— Змей бросил Рваноуха и посмотрел на нас, — взвизгнул Сырокрад. — Он только смотрел и все повторял: «Асмодеус, Асмодеус».

Клуни поскреб голову грязными когтями:

— Асмодеус?

— Разве вы не знаете? Это же проклятое имя самого дьявола, сэр, — провыл хорек. — Мне мамаша всегда говорила, что нельзя смотреть змеям в глаза. Вот я и говорю своему приятелю: «Сырокрад, — говорю я ему, — не смотри. Беги, если жизнь дорога». Ну и бежали же мы, сэр! Вы и представить себе не можете, какого страху натерпелись. Пусть лучше меня запрут в горящем сарае, чем отправят туда снова.

— Заткнись, болван, — оборвал его Клуни. — Остальные уже возвращаются. Никому ни слова об этом змее, а то по нашим спинам прогуляется мой змей.

Длинный хвост Клуни угрожающе взметнулся перед их физиономиями, и незадачливые разведчики мгновенно усвоили, что от них требуется.

К ним подбежал Доходяга, ласка, и обстоятельно доложил:

— Высокое дерево рядом со стеной, хозяин. Гораздо выше стены, много веток, удобно будет залезть.

— Далеко?

— Десять минут хода на восток.

Дерево оказалось старым вязом с покрытой узловатыми наростами корой и раскидистой кроной. Клуни прикинул его высоту — как раз то, что нужно, и подходящее расстояние до стены. Он повернулся к своему ударному отряду:

— Слушайте, вы! Сейчас мы залезем на это дерево и перебросим доску на стену. Если делать все осторожно, мыши ничего не заподозрят. Не успеют они опомниться, как Рэдволл будет наш!

Трудно сказать, кто был больше огорошен — Матиас или крысы. После секундного замешательства беглецы бросились врассыпную. Крысы легко нагнали Колина Полевкинса и его мать и схватили их.

Матиас вырвался, метнулся в сторону и, повалив крысу, собиравшуюся схватить Полевкинса-старшего, бросился наутек. Он бежал, толкая его перед собой, и кричал:

— Бегите, бегите, мистер Полевкинс! Постарайтесь добежать до леса и спрятаться.

— А моя жена и Колин? Крысы схватили их!

Матиас бесцеремонно толкал его в спину:

— Если не поторопитесь, они схватят и вас. Лучше пошевеливайтесь. В качестве пленника от вас будет мало толку семье.

Вняв наконец совету Матиаса, Авраам Полевкинс бросился бежать во всю прыть. Матиас остановился и, подняв с земли тяжелый сук, повернулся к приближающимся крысам.

— Всего дюжина, — усмехнулся он. — Становись в очередь.

Матиас взмахнул суком, который загудел в воздухе, заставив нападавших остановиться. Он наступал на крыс, размахивая своей дубиной и крича во все горло:

— Бэзил, Бэзил Олень, где ты?

Крысы пытались окружить Матиаса. Одна из них подошла слишком близко, и тяжелый удар сбил ее на землю.

— Прекрасный удар, сэр! Просто сердце радуется!

Это был заяц.

Он приближался вприпрыжку, улыбаясь во весь рот, словно ученик воскресной школы на пикнике. За ним, хромая, торопились Колин и миссис Полевкинс. Матиас с облегчением вздохнул:

— Бэзил, куда ты запропастился?

Заяц ловко уклонился от крысы, развернулся волчком и нанес ей сокрушительный удар обеими лапами в живот. Крыса, из которой мгновенно улетучился весь боевой дух, скорчившись, покатилась по земле.

— Ты уж извини, старина, — усмехнулся Бэзил. — Когда эти парни отстали от меня, я вернулся к себе в нору. Весенняя уборка, сам понимаешь. Немного запоздал, но ведь я холостяк!

Матиас потерял дар речи от изумления. Он был один против дюжины крыс, пытаясь освободить семью Полевкинсов, а Бэзил наводил чистоту у себя в норе!

— О, как мило с вашей стороны, мистер Заяц. Я так рад, что вы наконец нашли время присоединиться к нам, — саркастически произнес он, пока они, отбиваясь от крыс, торопили Полевкинсов. — Быть может, вы и чайник поставили?

Бэзил галантно поклонился миссис Полевкинс и протянул ей лапу:

— Позвольте, мадам. Конечно, я поставил чайник — почему бы и нет?

— Не думаешь ли ты, что я собираюсь весь день провести у тебя в норе за чаем?

Бэзил поднял крысу над головой и, раскрутив, бросил ее на двух других. Он подмигнул Матиасу:

— Честно говоря, надеюсь, что нет, старина. Видишь ли, это будет крайне неудобно, поскольку у меня чайный сервис только на четыре персоны. Впрочем, я охотно приму у себя Полевкинсов, а потом провожу их в аббатство. У меня складывается такое впечатление, что тебе срочно нужно в Рэдволл. Семейство Полевкинсов только задержит тебя.

Матиас с облегчением улыбнулся:

Приношу свои извинения, сэр. С благодарностью принимаю помощь и прошу прощения за неучтивость.

Они уже достигли края пустыря. Крысы отстали.

Бэзил и Матиас пожали друг другу лапы.

— Поторопись, Матиас. Увидимся в аббатстве, когда я доставлю туда своих подопечных.

Оставшись один, Матиас пустился бегом в лес. Напрягая усталые лапы, уже на бегу он сообразил, что ему придется пробираться в аббатство со стороны леса, поскольку главные ворота скорее всего штурмуют крысы. Выстоят ли защитники? Смогла ли Констанция организовать оборону без него? Начеку ли часовые? В безопасности ли Василика?

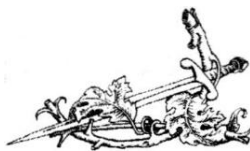
Терзаясь такими мыслями, Матиас пробирался через подлесок. Осмотревшись, он понял, что немного сбился с пути. По его расчетам, на северо-западе уже должны были показаться красные стены аббатства. Неужели он заблудился?

Впереди послышался плеск ручья. Матиас вспомнил, что прошло уже немало времени с тех пор, как он последний раз ел и пил. Свернув в сторону, он пошел на шум воды и вскоре вышел к ручью.

Он лег на спускающуюся к воде глыбу красного песчаника и напился ледяной воды. На берегу росло несколько одуванчиков. Набрав нежных листьев и бутончиков, Матиас лег на нагретый солнцем камень, не спеша смакуя еду и глядя вверх, в открывающееся между кронами деревьев безоблачное июньское небо.

Закрыв на мгновение глаза, он подумал о Мартине Воителе. Случалось ли ему уставать? Должно быть, случалось. Он бился с врагами тяжелым мечом, в доспехах. Где же его меч теперь? Он не мог пропасть. Легендарное оружие не ржавеет и не рассыпается в труху, иначе оно никогда бы не стало легендой...

С этими мыслями Матиас погрузился и сладкий сон.

ень клонился к вечеру. Несмотря на некоторые задержки, Клуни со своим отрядом в конце концов взобрался на вяз.

Доходяга оказался толковым солдатом: подбадривал крыс, которые боялись высоты, и умело руководил подъемом доски. Клуни мысленно сделал заметку на будущее. Кандидат в офицеры. Пока, несмотря на все усилия, они все еще не поравнялись с верхним краем стены. Верхние ветви вяза оказались гибкими и недостаточно крепкими, чтобы выдерживать доску. Клуни оценил положение. Подниматься выше было опасно, и он скомандовал:

— Ладно, пока отдыхайте. Примоститесь где-нибудь, чтобы не упасть. Через час или два начнет смеркаться — больше тени и меньше света. Мыши к тому времени немного утомонятся, и мы застанем их врасплох. Доходяга, смотри, чтобы эти парни вели себя смирно.

Доходяга лихо отсалютовал и поспешил проявить инициативу:

— Эта ветка, на которой я сижу, хозяин, — я только что проверил, она крепкая. С нее можно перебросить доску на стену, она дотянется. Придется, правда, карабкаться по доске наверх, но это не так уж трудно. Те ветки, что выше, мне не нравятся — слишком тонкие.

Клуни вскарабкался повыше и, усевшись рядом с Доходягой, прошептал:

— Молодец, соображаешь. Ветка подойдет. Держись рядом со мной, Доходяга, ты хороший солдат. Мне скоро понадобится новый офицер, а вокруг одни тупицы. Ты знаешь, что означает пост офицера: больше еды, большая доля добычи. Проявишь себя — получишь повышение.

— Спасибо, хозяин. Не волнуйся, я не подведу, — ответил Доходяга.

Сидевший под ними Сырокрад, подслушавший разговор, усмехнулся про себя. «Да, хозяин. Нет, хозяин. Что угодно, хозяин?» Что этот Доходяга возомнил о себе? Если Клуни хочет продвинуть ласку в офицеры, пренебрегая своими собратьями крысами, — что ж, Краснозуб и Темнокоготь этого так не оставят. Этот выскочка присоединился к армии только пару дней назад. Представься только случай — Сырокрад проучит этого Доходягу.

Аббат Мортимер с благодарностью взглянул на небо. Наконец-то вечер. Они продержались, крысам не удалось преодолеть стену. Сражение постепенно затихало. Орда Клуни лишь изредка делала вылазки из канавы. Воспользовавшись передышкой, защитники натащили побольше камней и мусора на парапет. Василика и ее помощницы, пригибая головы, сновали по стене от поста к посту, раздавая миски с тушеными овощами, дикий виноград и маленькие ореховые хлебцы с медом.

— Какая Василика спокойная, рассудительная мышка, — сказал аббат Констанция.

Барсучиха вручила Амброзию Пике пучок стрел для раздачи лучникам и ответила:

— Да, отец настоятель, это верно. Но она как будто чем-то обеспокоена. Как вы думаете, это из-за Матиаса?

— Без сомнения, — задумчиво ответил аббат. — Этот мышонок не идет у меня из головы, так же как и у тебя.

— Не похоже на Матиаса — так исчезать. — Констанция покачала своей большой полосатой головой. — Я обыскала все аббатство, но его нигде нет.

Друзья, поблагодарив Василику и ее помощниц за принесенную еду, недоуменно смотрели, как выдра Винифред и Кротоначальник поднимают на стену детские качели.

Их смастерили когда-то на потеху малышам, и они с незапамятных времен стояли около грядки с клубникой.

Винифред и Кротоначальник установили качели на парапете. Согнувшись в три погибели, два крота волокли за ними огромный камень.

Валун установили на сиденье качелей. Затем Винифред и Кротоначальник обхватили друг друга лапами и, кивнув друг другу, прыгнули на второе сиденье.

Выброшенный катапультой камень взвился над парапетом. Мгновение спустя раздался гулкий удар, а за ним — вопли боли и ужаса из набитой крысами канавы. Винифред и Кротоначальник церемонно пожали друг другу лапы.

— Ага, сдается мне, что у наших незваных гостей разболелась головка, — усмехнулся Кротоначальник, пока остальные прятались от ответных стрел нападавших.

Битва вспыхнула с новой силой.

Мыши-лучники пускали в канаву стрелы, выдры-пращники без устали метали камни, а снизу в них летели длинные копыя крыс. Появилась еще и новая опасность. Какие-то изобретательные крысы придумали смертоносное оружие: куски железа от могильных оград с церковного двора, привязанные к бечевкам. Раскручивая железяку на бечевке, крысы метали их на стену. Снаряды со зловещим свистом падали с высоты на парапет. Попад в кого-нибудь, такой снаряд мгновенно убивал или калечил, а когда попадал в стену, кругом разлетались острые осколки камня.

Осознав всю опасность этих снарядов, Констанция приказала большинству защитников покинуть стены. Однако вскоре оказалось, что новое оружие крыс было обоюдоострым.

Констанция бесстрашно стояла на парапете вместе с отрядом отборных воинов. Если кусок железа падал на кучу мусора, она подбирала его и, встав во весь рост, раскручивала снаряд в воздухе и посылала его обратно в канаву. Констанция метала намного сильнее и точнее любой крысы.

Сидя в ветвях вяза у северной стены аббатства, Клуни следил за удлиняющимися тенями. На западе небо окрасилось пурпуром заката. Скоро они перекинут дос-

ку на парাপет, и тогда пусть эти жалкие мыши пеняют на себя! Им не устоять против мощи Клуни Хлыста.

Привратник Мафусаил стоял перед изуродованным гобеленом в Большом зале Рэдволла. Слишком старый, чтобы участвовать в обороне, он решил, что принесет больше пользы Ордену, если заставит работать свой ум.

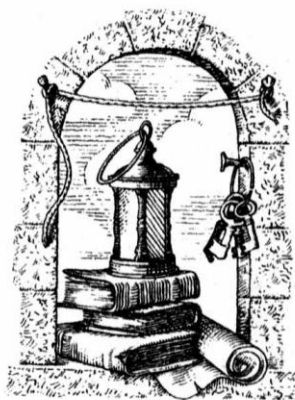
Где же место последнего упокоения Мартина Воителя, где искать древний меч, чтобы вернуть его аббатству? Должна же быть хоть какая-нибудь ниточка, хотя бы намек. Но как найти эту ниточку?

Мафусаил уже не раз обыскивал все аббатство в поисках гробницы Мартина и его меча. Теперь он возобновил поиски, но, увы, опять безуспешно. Ему нужен был помощник — помоложе, со свежим умом. Какая жалость, что Матиаса нигде нет. Старик привратник устало покачнулся и, чтобы не потерять равновесия, оперся о стену, как раз там, где раньше висело изображение Мартина.

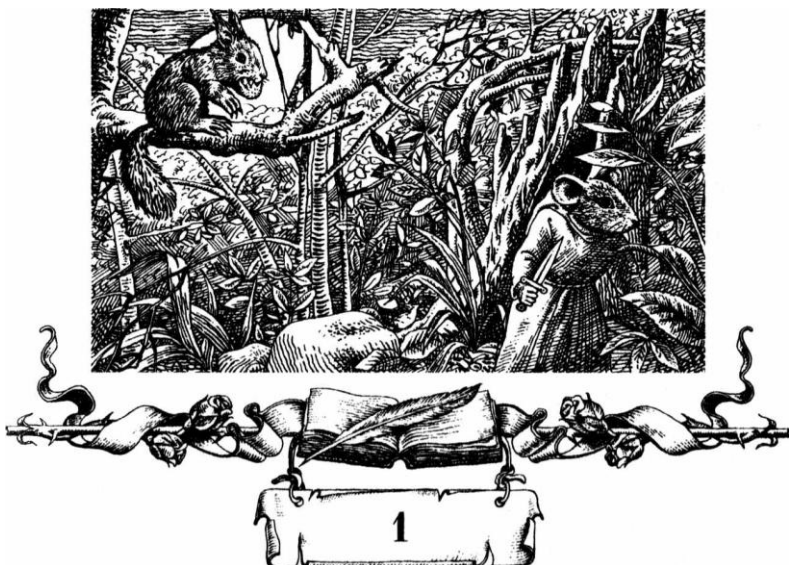
Мафусаил удовлетворенно вздохнул, по его губам пробежала легкая улыбка. Его лапа нащупала вырезанные на запыленных камнях буквы.

ПОИСК

КНИГА
ВТОРАЯ

Матиас открыл глаза, зевнул и окончательно проснулся. В лучах заходящего солнца ручей казался потоком расплавленного золота в черной рамке. Матиас лежал, наслаждаясь тишиной и покоем летнего вечера. И вдруг, словно пораженный ударом грома, он вскочил, мгновенно забыв о красотах природы. Спокойно спать, словно безмозглый лентяй, когда друзья в осажденном аббатстве отбиваются от крыс!

Все больше и больше злясь на себя, Матиас быстро шагал по темнеющему лесу. Некоторое время он шел через кусты напролом, но вскоре понял, что и впрямь заблудился. Лес вокруг был ему совершенно незнаком. Суждено ли ему вновь увидеть Рэдволл?

Наступала ночь, а крутом была непролазная чаща Леса Цветущих Мхов. В сумерках сновали зловещие тени, неподвижный воздух наполнялся таинственными звуками.

Матиас устроился на ночь в стволе старой, выжженной молнией березы. И вдруг над его головой послышалось тихое царапанье. Собрав все свое мужество и вынув кинжал, Матиас выбрался из дупла и громко крикнул:

— Эй, кто там скребется? Если ты друг — выйди и покажись. А если крыса — спасайся, если не хочешь иметь дело со мной, Матиасом, воином Рэдволла.

Прокричав эти слова, Матиас сразу почувствовал себя увереннее. Он прислушался, но никакого ответа не последовало, лишь эхо насмешливо передразнило его в лесной чаще.

Вдруг за спиной Матиаса послышался легкий шорох, он обернулся, выставив кинжал. Перед ним стоял маленький рыжий бельчонок и, глядя на него с любопытством, шумно сосал лапу. От смеха Матиас чуть оружие не выронил. Вот оно, неведомое чудовище, гроза ночного леса!

Матиас наклонился к бельчонку и негромко, чтобы не напугать его, сказал:

— Привет. Я — Матиас. А ты кто? Твои родители знают, что ты пошел погулять?

Бельчонок кивнул.

— А может быть, ты заблудился, малыш?

Бельчонок отрицательно покачал головой.

— И часто ты гуляешь по ночам?

Бельчонок кивнул.

Матиас улыбнулся и широко развел лапы в стороны.

— А я вот заблудился! — признался Матиас. — Я из аббатства Рэдволл.

Малыш не вынимал лапу изо рта.

— Ты знаешь, где это?

Бельчонок кивнул.

Матиас обрадованно заулыбался.

— Дружок, а ты мог бы показать мне дорогу? — спросил он.

Бельчонок кивнул, подпрыгнул и побежал в лес. Оглянувшись, он вынул лапу изо рта и сделал приглашающий жест. Матиас не стал дожидаться повторного приглашения и побежал за бельчком.

Аббат Мортимер сидел на траве во дворе аббатства. Вокруг дремали спустившиеся со стен мыши. Не зная, когда крысы прекратят штурм и прекратят ли его вообще, аббат посоветовал защитникам немного отдохнуть.

Шаркающей походкой к нему подошел Мафусаил. Вздыхая и охая, он опустился на траву.

— Добрый вечер, отец настоятель, — сказал он, улыбнувшись.

— Добрый вечер, брат Мафусаил. Но почему ты улыбаешься? Скрываешь от меня какой-нибудь секрет?

— Ты читаешь мои мысли, как открытую книгу. У меня и впрямь есть секрет, и в надлежащее время ты узнаешь его.

— Пожалуй, будет лучше раскрыть его поскорее. Мы ведь с тобой далеко не молоды.

— По сравнению со мной ты еще в самом расцвете сил, — сказал Мафусаил. — И все-таки, как и многие из тех, кто считает меня слепым и глухим, ты не замечаешь и половины того, что вижу я.

— Например? — спросил аббат.

Мафусаил важно потер лапой нос:

— Например, заметил ли ты, что ветер нынче с юга? А теперь взгляни на вершину вон того вяза, что возвышается над стеной возле маленькой двери.

— Я вижу верхушку старого вяза над стеной. Что в ней особенного?

Мафусаил укоризненно покачал головой:

— Если ветер дует с юга, то верхушка вяза должна клониться к северу. А это дерево почему-то раскачивается с востока на запад. Это означает одно — на нем кто-то сидит.

Ничем не проявив своего беспокойства, аббат молча поднялся, не спеша подошел к стене и жестом подозвал Констанцию. Барсучиха тотчас спустилась по лестнице, и они зашептались, время от времени кивая в сторону вяза. Не прошло и минуты, как Констанция, выдра Винифред, Амброзий Пика и еще несколько воинов бесшумно поднялись на восточную стену.

По другую сторону стены Клуни шепотом отдавал приказы своим солдатам, пытавшимся перекинуть доску на стену:

— Осторожнее, Сырокрад. Поднимай другой конец! Поднимай, а не опускай, тупица!

Сырокрад старался изо всех сил. Хозяину-то хорошо: сиди себе и приказывай, ему не надо, держась за ветку одной лапой, другой пихать вперед тяжелую дос-

ку. Не закончив своих невеселых размышлений, Сырокрад поскользнулся и, взвизгнув от страха, выпустил доску из лап. Доска с громким стуком ударилась о ветку.

Однако Доходяга был настороже и, вцепившись в доску, удержал ее. Сырокрад всеми четырьмя лапами обхватил ветку, а Клуни яростно зашипел на него:

— Шут гороховый! Проваливай отсюда! Дай пройти Доходяге.

Перепуганный Сырокрад переполз на другую ветку, а Доходяга занял его место.

Он двигался ловко и осторожно, отдавал приказы тихо, но уверенно. Длинная доска постепенно продвигалась вперед и наконец бесшумно легла на стену. Доходяга прошептал Клуни:

— Все готово, хозяин.

Сырокрад испепелял ласку ненавидящим взглядом.

Клуни вскарабкался на доску и попробовал ее на прочность. Затем он обернулся к своему отряду:

— Я иду первым. Перебираемся по одному. Когда заберусь на стену, то как следует закреплю доску. Доходяга идет вторым, за ним остальные.

Держась за ветки, Клуни пошел по доске. Но ветки доходили только до середины доски, и шаг Клуни сделался неуверенным. Стараясь не смотреть вниз, он дюйм за дюймом приближался к стене.

Клуни был почти у цели, когда над стеной выросла Констанция и мощным ударом лапы сбросила его с доски. С истошным воплем, ударяясь о сучья, Клуни полетел вниз.

Винифред тут же метнула из пращи большой камень и сбила с ветки хоряка. Доходяга, все еще держа конец доски и пытаясь рассмотреть, куда упал Клуни,

резко наклонился вперед. Воспользовавшись представившимся случаем, Сырокрад сильно толкнул его в спину, и Доходяга наперегонки с доской полетел в тартарары. Остальные крысы, толкаясь и вопя, бросились к стволу и поползли вниз.

Перевесившись через край стены, Констанция и ее друзья пожелали крысам «счастливого пути». Винифред ускоряла их спуск метко пущенными из пращи камнями. Защитники аббатства с мрачным удовлетворением смотрели, как крысы шлепаются на землю.

Амброзий Пика, близоруко щурясь, вглядывался в темноту под стенами.

— Скольких это мы скинули? — спросил он.

— А кто его знает, — ответила Винифред. — Но готова поклясться, что Констанция сбросила с доски самого Клуня.

Барсучиха искоса взглянула на выдру:

— Ты его тоже узнала? А то я уж было решила, что у меня со зрением не в порядке. Не может же он быть одновременно в двух местах? Ведь еще десять минут назад Клуня стоял на лугу с другой стороны аббатства.

Винифред пожала плечами:

— Будем надеяться, что это был все-таки Клуня.

Констанция посмотрела вниз:

— Трудно сказать. Их там с полдюжины валяется. Невозможно разглядеть, слишком темно.

— Может, спустимся и глянем? — предложил Амброзий.

— Не стоит, — задумчиво произнесла барсучиха. — Боюсь, это только хитрость, чтобы отвлечь нас от ворот. Нет смысла считать трупы. Вернемся-ка скорее назад.

Защитники аббатства во главе с Констанцией поспешили на свои посты.

Сырокрад осторожно выглянул из кустов. Опасность миновала — стена опустела. За Сырокрадом, хромая и охая, из кустов выползли остальные оставшиеся в живых крысы. Не обращая на них внимания, Сырокрад направился к неподвижно лежащим четырем крысам, хорьку и ласке. Три крысы и хорек были мертвы. Они лежали с переломанными лапами и разбитыми головами. И тут Сырокрад окаменел, пригвожденный к месту взглядом единственного глаза. Клуни жив!

Рядом стонал и подергивался придавленный доской Доходяга. Сырокрад подивился его живучести. То, что выжил хозяин, его не удивило — ведь все были уверены: Клуни убить невозможно.

— Эй, тащите сюда доску. Нужно унести хозяина.

Используя доску в качестве носилок, крысы осторожно положили на нее Клуни. Зная, что хозяин зорко наблюдает за ним, Сырокрад бережно поднял свисавший на землю хвост Клуни и уложил его вдоль тела.

— Постарайся не шевелиться, хозяин. Лежи спокойно, мы живо доставим тебя в лагерь.

Крысы двинулись в путь. Сырокрад старательно избегал взгляда Клуни: в его голове зрел коварный замысел.

— Бедный Доходяга! — всхлипнул он притворно. — Какой был замечательный солдат! Думаю, он еще жив. Несите хозяина в лагерь, а я вернусь и посмотрю, нельзя ли Доходяге помочь.

Радостно хихикая, Сырокрад подождал, пока крысы с носилками не исчезли в темноте...

Матиас бежал за бельчонком через подлесок. Время от времени он пытался заговорить со своим проводником, но в ответ малыш только кивал. Когда забрез-

жил первый бледный луч зари, Матиас засомневался: действительно ли его проводник знает дорогу?

Неожиданно бельчонок вытянул лапу — там, вдалеке, виднелись стены аббатства.

— Что может быть лучше дома! — воскликнул Матиас. — Ты замечательный следопыт, дружок!

Когда Матиас наконец добрался до аббатства, ему нестерпимо захотелось погладить старые красные камни.

— Ну вот мы и пришли, — сказал он бельчонку.

Какой-то шум невдалеке заставил их обоих замереть. Кажется, кто-то стонет. Матиас и бельчонок, не раздумывая, юркнули в заросли папоротника и осторожно поползли на стоны.

Бесшумно раздвинув папоротники, они увидели, что у корней старого вяза, среди крысиных трупов, лежит, стоная и судорожно подергиваясь, искалеченная ласка.

Прежде чем друзья успели что-то предпринять, из кустов показалась толстая крыса. Они замерли.

Сырокрад был в прекрасном настроении. Радостно мурлыкая что-то себе под нос, он пнул ногой ласку:

— Доходяга, это я, Сырокрад. Ты что, забыл меня? Я тот самый болван, на чье место ты метил.

Доходяга с трудом приоткрыл глаза. Сырокрад с силой наступил на горло ласки и навалился всей своей тяжестью.

— Вот так-то лучше. Спи, Доходяга. Пусть тебе приснится офицерский мундир.

Доходяга издал последний стон и затих навсегда. Удовлетворенно хихикая, Сырокрад отправился восвояси.

Когда все стихло, Матиас, выйдя с бельчком из-под защиты папоротников, повернулся к стене аббат-

ства и, сложив лапы рупором, крикнул, но ответом ему была тишина.

Тогда бельчонок с головокружительной быстротой и ловкостью понесся вверх по стволу вяза и мигом оказался на одной из верхних веток, подходивших к самой стене. Раскачавшись на ней, он перепрыгнул через зубцы стены и исчез.

Матиасу не пришлось долго ждать: маленькая дверь неподалеку от него со скрипом приоткрылась, из нее осторожно выглянула Констанция. Увидев Матиаса, она выбежала ему навстречу; бельчонок сидел у нее на спине. Констанция не стала дожидаться объяснений, уже готовых сорваться с губ Матиаса. Она побыстрее втолкнула его в дверь и захлопнула ее за собой.

— Потом расскажешь, Матиас. Сейчас отправляйся к главным воротам — там есть на что посмотреть.

Вскоре они стояли на стене над воротами, в густой толпе защитников Рэдволла. Орда Клуни отступала к церкви святого Ниниана. Мыши торжествующе кричали.

В середине колонны крысы несли носилки с телом своего командира. Краснозуб, все еще в доспехах предводителя, накрыл хозяина одеялом — мыши не должны знать, что на носилках лежит сам Клуни. Но никого обмануть не удалось. Мыши отлично знали о том, что случилось на старом вязе и что одетый в доспехи предводителя был вовсе не Клуни Хлыст.

Тем не менее Краснозуб гордо шагал в доспехах хозяина. Как знать, поправится ли Клуни? Кроме того, Краснозуб наслаждался роскошью командирских доспехов. Пусть сейчас они не его, но кто знает, как обернутся дела дальше?!

На стене царило ликование, хотя были и недовольные, так как аббат строго-настрого запретил обстрели-

вать отступающего противника. Он считал, что торжество победы должно сочетаться с милостью к побежденным. По мере того как колонна крыс, поднимая облако пыли, удалялась от аббатства, крики радости стихали. Конечно, побежденные крысы уносили своего раненого вождя, в арьергарде ковыляли раненые и искалеченные, спотыкаясь и глотая горечь поражения вместе с дорожной пылью. Но победители постепенно стали осознавать, что победа досталась недешево. Свежие могилы и переполненный лазарет молчаливо свидетельствовали об ужасах войны.

Неожиданно Матиас почувствовал на своем плече мягкую лапку. Это была Василика. Ее глаза светились радостью.

— Матиас, как я рада, что ты вернулся! Я все время беспокоилась: где ты, что с тобой случилось? Я боялась, что ты уже не вернешься!

— Ну, я как неразменный пятак — всегда возвращаюсь, — весело шепнул ей в ответ Матиас. — Кстати, как твой отец?

Василика вся прямо засияла:

— Уже выздоровел. Даже бежал из лазарета и сражался с крысами.

Матиас не успел разговориться с Василикой, как его позвали на совет в покои аббата.

За столом рядом с Матиасом сидели Констанция, Амброзий, Винифред, Кротоначальник и сам аббат. Его новый друг — бельчонок, — то и дело опуская лапу в миску, полную молока с медом, и шумно обсасывая ее, стоял у стола на табурете.

— Без Молчуна Сэма тебе пришлось бы туго, — заметил аббат.

Матиас кивнул:

— Это уж точно, отец настоятель. Значит, его зовут Молчун Сэм? Что ж, это имя подходит ему как нельзя лучше.

— Он и впрямь настоящий молчун, — заметил аббат. — Я давно знаю его родителей и уверен, что они найдут его по следам и придут за ним. Представь себе, он от рождения не сказал еще ни слова! Я пробовал его лечить, но тщетно, так что в конце концов его и прозвали Молчуном.

Матиас, протянув свою лапу, пожал крошечную лапку бельчонка:

— Благодарю тебя, Молчун Сэм. Ты поистине великий следопыт.

Члены совета попросили Матиаса рассказать обо всем, что с ним произошло. Матиас поведал об освобождении семьи Полевкинсов и о своей встрече с диковинным зайцем.

— Это наверняка Бэзил Олень! — вскричала Констанция. — Невероятно! Старый чудак остался в лесу! Не сомневаюсь, он появится здесь вместе с Полевкинсами как раз к обеду. Раньше никогда не случалось, чтобы Бэзил упустил возможность закусить.

Потом Матиас слушал рассказы о сражении. Но главное: что сулит им будущее? Поправится ли Клуни?

Аббат считал, что банда Клуни оставит Рэдволл в покое, а часы самого Клуни сочтены.

— Нет, нельзя сбрасывать Клуни со счетов, — возразила барсучиха. — Он намного сильнее и крепче, чем мы можем себе представить. Скорее всего он поправится и снова пойдет на штурм. — Для вящей убедительности Констанция стукнула по столу мощной лапой.

Над столом повисло тягостное молчание. Аббат поднялся. Он принял решение:

— Ну что же. Я выслушал ваши мнения и советы. Мне дорог мир, но я чувствую, что вы правы. И я целиком и полностью в вашем распоряжении. Если Клуни снова нападет на нас, я хочу, чтобы командование Рэдволлом приняли на себя Констанция, Матиас, Винифред, Амброзий и Кротоначальник. Моей же обязанностью будет ухаживать за ранеными и кормить голодных. А теперь, друзья мои, я распускаю совет, поскольку должен заняться другими делами. Да, чуть не забыл. Матиас, брат Мафусаил хочет поговорить с тобой. Он сейчас в Большом зале.

Дерзаемый мучительной болью, Клуни Хлыст лежал в постели. Его офицеры молча стояли в углу комнаты. Сломанные лапы и ребра, вывихнутый хвост, обломанные когти! Такие раны оказались бы роковыми для любой крысы, но только не для Клуни.

Краснозуб и четверо других офицеров могли бы втихомолку и прикончить его, но страх перед легендарной силой Клуни был слишком велик.

Быть может, Клуни и впрямь невозможно убить?! Глядя на его тяжело вздымающуюся грудь и судорожно подергивающийся, но все еще грозный хвост, Краснозуб невольно восхищался силой хозяина. Он не был даже уверен,

что раны Клуни на самом деле так уж серьезны. Возможно, хозяин просто притворяется, чтобы испытать верность своих подчиненных.

Двенадцать крыс-часовых были заперты в том самом сарае, который еще утром охраняли сами. Им досталась хорошая взбучка за то, что они упустили семью Полевкинсов. А за дурацкие сказки о неуловимом зайце и мыши-воине Краснозуб приказал морить их голодом.

Во дворе церкви оставшаяся без предводителя орда являла собой жалкое зрелище. Зализывая раны, крысы сидели и лежали на земле. Ждать, когда поправится хозяин и станет ими командовать, — это все, на что они были сейчас способны.

Воин со сверкающим мечом вновь преследовал Клуни в его лихорадочном сне.

Клуни снилось, что он снова и снова падает с доски под стены аббатства. Внизу его ждали призрачные фигуры: Рваноух с безобразно распухшей, посиневшей мордой, скелет крысы в его собственных доспехах, огромный длинноногий заяц и толстая полосатая змея. А кроме них, внизу его ждал, сверкая глазами, воин с поднятым мечом. Клуни хотел закричать, но горло сжалось, словно его душили, и он не мог выдать из себя ни звука.

Острый меч пронзил его грудь.

Бам!

Донесшийся из Рэдволла удар колокола Джозефа снова разбудил Клуни. Черноклык, пытавшийся вытащить застрявший в груди Клуни сучок, испуганно отскочил, когда увидел внезапно открывшийся единственный глаз хозяина.

— Прочь, — прохрипел Клуни.

Черноклык попятился, бормоча извинения. Клуни проводил его подозрительным взглядом — он не доверял никому из своих подчиненных.

— Если хочешь помочь, приведи ко мне новобранцев, хорошо знающих здешние места.

Через несколько минут Черноклык втолкнул в комнату несколько новобранцев.

— Где Доходяга? — прорычал Клуни.

Сырокрад подошел к постели хозяина.

— Разве ты не помнишь, хозяин? Он свалился с дерева. Сначала я отправил тебя в лагерь, а потом вернулся к нему, но бедняга был уже мертв.

— Сдох, и ладно, — раздраженно оборвал его Клуни. — А вы, новобранцы, подойдите поближе и слушайте внимательно.

Те покорно приблизились. Клуни немного приподнялся на локте:

— Где тут можно найти знахаря? Только не такого, как эти мыши. Мне нужен настоящий, потомственный знахарь.

Хорек Кроликобой почтительно поклонился:

— Я отлично знаю этих лис.

— Каких таких лис?

— Ну да, ваша честь, лис, — повторил хорек. — Моя матушка, бывало, говаривала: «Лучше лисицы знахаря нет». Там, за лугом, их живет целое племя. Старуха Села как раз то, что вам нужно. Да еще ее сын Куроед. Они, если посулить им щедрую мзду, вылечат вас в два счета. Если угодно, ваша честь, я их позову.

Хвост Клуни медленно обвился вокруг шеи хорька и притянул его поближе к постели.

— Найди их, — произнес Клуни. — Найди этих лис и приведи ко мне.

Горло Кроликобоя сжала судорога.

— П-приведу, если только вы отпустите мою бедную шею.

Клуни отпустил хорька и со стоном откинулся на кровать. Сейчас у него достаточно времени, чтобы все как следует обдумать. Больше поражений не будет.

— Краснозуб! — позвал он. — Возьми нескольких солдат и отправляйся на разведку. Постарайся найти крепкое бревно, чтобы можно было сделать таран.

Брат Мафусаил, вооружившись щеточкой и банкой чернил, сметал вековую пыль с вырезанных на стене букв и обводил их чернилами.

— А, Матиас, вот и ты наконец! — воскликнул Мафусаил. Помаргивая, он посмотрел на мышонка поверх очков: — Гляди, хочу тебе кое-что показать. Совершенно случайно я обнаружил эту надпись на том месте, где совсем недавно был портрет Мартина.

Матиас еле сдерживал волнение.

— Что же там написано?

— Всему свое время. Смахивай пыль, а я буду обводить буквы чернилами. Вдвоем работа пойдет вдвое быстрее.

Матиас старательно взялся за дело. Он так яростно замахал щеткой, что вскоре пропал в облаке пыли. Мафусаил, чихая, еле поспевал обводить буквы.

Час спустя они сели рядышком на каменный пол и, утоляя жажду октябрьским элем, стали смотреть на плоды трудов своих.

— Написано старинными буквами, — сказал Мафусаил, — но я могу их прочесть.

Матиас нетерпеливо подтолкнул его:

— Что же там написано? Читай скорее!

— Терпение, — вымолвил старец. — Сиди тихо и слушай. Это стихи.

Кто говорит, что мертв я,
Тот прав едва ли.
Я — аистам.
Одним два стали.
Меж Залом и Пещерой
Спит герой.
Я — аистам.
Он долг исполнит мой.
Ищите меч,
Где луч луны скользит,
В ночи, в дня первый час,
Что север отразит.

Узри с порога
При луне:
Я — аистам.
Мой меч послужит мне.

Матиас, почесав голову, глянул на Мафусаила:

— Ну и как же это понимать? Головоломка какая-то.

— Именно, — ответил старик. — Именно головоломка. Но не беспокойся, вдвоем мы сумеем ее разгадать. Я по-

просил принести еды и питья, и мы не выйдем отсюда, пока не найдем разгадку.

Вскоре появилась Василика с подносом, на котором стоял завтрак: хлеб, салат, молоко и пирог с айвой — творение монаха Гуго. Она заговорила было с Матиасом, но Мафусаил зашипел на нее:

— Ш-ш! Уходи, мышка. Мне нужна свежая голова твоего друга, так что лучше не отвлекай его и уходи.

Василика, подмигнув Матиасу, покачала головой и удалилась с видом оскорбленного достоинства. Матиас провожал ее взглядом, пока Мафусаил не дернул его за ухо.

— Внимание, мы должны изучать надпись слово за словом. Начнем с первых двух строчек:

Кто говорит, что мертв я,
Тот прав едва ли.

Матиас взмахнул лапой и с набитым салатом ртом проговорил:

— Но ведь Мартин мертв. Разве мы не правы?

Мафусаил отпил молока, сморщился и потянулся к кружке эля.

— Если верить стихам, получается, что он жив.

— Неужели Мартин жив и находится среди нас?! — воскликнул Матиас. — Но ведь мы бы его сразу узнали! То есть, конечно, если он не преобразился в кого-нибудь другого.

Мафусаил поперхнулся элем, залив себе все облачение.

— Я бы никогда не догадался посмотреть на это таким образом. Отлично! Возможно, разгадка кроется в следующих двух строчках. Что там говорится?

Я — аистам.
Одним два стали.

Матиас несколько раз повторил за Мафусаилом эти слова, но их смысл оставался для него совершенно неясен.

— При чем тут аисты? И кто эти два, которые стали одним? Да еще зачем-то тут тире между «я» и «аистам». Оно повторяется в стихах трижды: здесь, здесь и здесь, — указал он лапой.

Мафусаил поправил очки и всмотрелся в надпись:

— Да, похоже, в этом что-то есть. Это может быть ключом ко всему стихотворению. «Я — аистам».

— Все как-то перемешано, — пробормотал Матиас.

Мафусаил пристально посмотрел на него:

— Что ты сказал?

— Что сказал? Все как-то перемешано.

Мафусаил издал тихий радостный возглас. Затем он ударил по стене лапой и крикнул:

— Точно! Как я сам не догадался? Конечно, перемешано!

Старик с наслаждением сделал большой глоток эля. Радостно хихикая, он показал лапой на Матиаса:

— Я уже понял кое-что, чего ты еще не понимаешь... «аистам»... Матиас!

Матиас нахмурился. Похоже, старик тронулся умом или впал в детство.

— Мафусаил, — мягко заговорил он, — может, тебе пойти прилечь, хоть ненадолго?

Но привратник никак не мог успокоиться, он продолжал указывать лапой на Матиаса и при этом распевал:

Матиас, аистам,
Матиас, аистам.

Матиас с досадой ударил хвостом по полу.

— С чего ты так развеселился? Почему повторяешь мое имя? — спросил он строго.

Мафусаил утер слезы, выступившие от смеха у него на глазах, и объяснил:

— Когда ты сказал, что там все перемешано, я задумался. Мартин говорил о двоих, о себе и о ком-то еще. Следовательно, Мартин представлен словом я. Имя другого — *аистам* — перемешано. Теперь понимаешь?

— Боюсь, не совсем, — ответил Матиас, устало прислонившись к стене.

— Эх ты, дурачок, — засмеялся Мафусаил. — Я смешал буквы и поменял их местами: «аистам» — это твое собственное имя, Матиас!

— Ты уверен? — недоверчиво спросил Матиас.

— Конечно.

— Мафусаил, а ты понимаешь, что это значит?

— Как тут не понять. Это значит, что Мартин каким-то образом знал, что придет день и он оживет в тебе!

Матиас был поражен:

— Он знал обо мне? Мартин Воитель знал мое имя? Разве это возможно?

Несколько минут они сидели в молчании. Внезапно Матиас вскочил на ноги:

— Хорошо, пойдем дальше. Взгляни на эти строки:

Меж Залом и Пещерой
Спит герой.
Я — аистам.
Он долг исполнит мой.

— Что ж, последние две строчки вполне ясны, — заметил Мафусаил. — Они означают, что Мартину, то есть тебе, предстоит великая миссия.

— А как насчет первых двух строчек? — спросил Матиас. — Они тоже, кажется, вполне ясны. Между Большим залом и Пещерным есть лестница. Идем туда!

Несмотря на свой преклонный возраст, Мафусаил схватил Матиаса за лапу и побежал так быстро, что тот еле поспевал за ним.

Между Большим залом и Пещерным — семь каменных ступеней. Но какая из них таит в себе разгадку?

— Надо как следует поразмыслить, — сказал старик привратник. — Давай повнимательнее осмотрим ступени.

Они вдвоем тщательно осмотрели все семь ступеней.

Опустившись на нижнюю, Матиас пожал плечами и сказал:

— Это просто семь обычных широких каменных ступеней, в них нет ничего особенного, самая обычная лестница, как и любая другая.

Посидев немного, Матиас заметил:

— Смотри, а ведь здесь название аббатства вырезано на стенах так, что, когда поднимаешься по ступеням, оно слева, а когда спускаешься — справа. И в обе стороны читается «Рэдволл».

Мафусаил прошел вверх и вниз по ступеням и убедился, что Матиас прав:

— Да, так и есть. Видишь, на каждую ступень приходится одна буква. Семь букв и семь ступеней.

И снова двое друзей задумались над тайной. На этот раз уже Матиас внезапно развеселился и показал лапой на своего друга:

— Теперь уже я понял кое-что, а ты еще нет.

— И что же ты понял? — спросил Мафусаил.

— Если слово *Рэдволл* идет в обе стороны, то только одна буква дважды попадает на одно место, буква в.

— Ну, чтоб у меня усы выпали! У тебя голова на месте. Значит, четвертая ступень, средняя.

Ступень оказалась такой же крепкой, как и все остальные. Как ни пытались, они не смогли сдвинуть ее с места ни на волосок.

Матиас утер пот со лба:

— Передохнем. Я знаю, кто может с этим справиться. Кротоначальник и его артель.

Кроты не заставили себя долго ждать. Столпившись около ступени, они принялись обнюхивать и скрести ее. Но Кротоначальник властно отодвинул всех в сторону. Он шагами измерил длину ступени, потом, потоптавшись, измерил ее ширину, постукал по ней своими мощными лапами, понюхал, лизнул и, наконец, потерся о нее своей покрытой бархатной шерстью головой.

— Х-рр, ну и что же вы, добрые мыши, можете сказать об этой вашей ступени?

Матиас и Мафусаил рассказали внимательно слушавшему Кротоначальнику все, что узнали и поняли. Близоруко прищурившись, тот задумался:

— Х-рр, четыре вира, четыре майна. Эй, Уолт, Доби, эта, кажись, смахивает на ту, что нашла ваша бабка в ветхом остроге?

— О чем это он? — спросил Матиас.

Мафусаил шепотом растолковал ему слова крота:

— Он сказал, что четвертая ступенька сверху — одновременно четвертая и снизу. Потом он обратился к двум другим кротам — Уолту и Доби. По всей видимости, их бабушка когда-то нашла такую же ступеньку в какой-то старой крепости. Да, кроты очень сообразительные, и, думаю, они сумеют нам помочь.

Прежде чем что-либо сказать, братья кроты почти полностью поклонились Кротоначальнику:

— Пр-рава, сэр-р.

— Наша бабка таких много открыла.

— Да, откр-рыла. Не надо ни ковыр-рять, ни долбить, только подчистить, подмазать да повер-рнуть.

Мафусаил объяснил Матиасу:

— Их бабушка, похоже, считалась знатоком подобных тайников. Она не раскапывала и не долбила их, а каким-то образом поворачивала.

Кротоначальник извлек из своего чемоданчика с инструментами широкую щетку и принялся чистить ею стыки между ступенями. Вскоре обнаружилось, что средняя ступень не составляет единого целого с остальными, но искусно пригнана к ним. Когда пыль была сметена, все увидели тонкий, не толще волоса, шов.

Затем Кротоначальник, порывшись в своих инструментах, вынул жестянку с жиром и тонкий лом, один конец которого был расплюсчен. Обильно обмазав третью ступень жиром, крот вставил плоский конец лома в стык между пятой и четвертой ступенями и сильным ударом загнал лом между плитами. Используя лом как рычаг, он одним быстрым движением выдвинул четвертую ступень на дюйм вперед — под ней открылся черный проем.

Удовлетворенно хмыкнув, Кротоначальник подозвал своих помощников:

— Кроты, возьмем-ка за эту ступеньку.

Вонзив мощные когти между ступенями, артель кротов дружно потянула и запела в такт:

Подналяжем, нам не лень, —
Э-э-эх! — по маслицу ступень!

На глазах пораженных мышей каменная плита плавно выдвинулась вперед, скользя по смазанному жиром камню. В глубину темного проема уходила лестница.

Старая лисица Села нараспев бормотала свои заговоры и заклинания, время от времени приплясывая вокруг постели больного. Но Клуни было не так-то легко одурачить.

Он наблюдал, как лисица, приговаривая заклинания, брызгает на подушку отваром «волшебных трав», и думал: «Обычный обман: пляски и бессмысленные заклинания. Для чего ей нужны все эти глупости, ведь она и без того хороший лекарь?»

Села смазала раны Клуни целебными мазями и наложила припарки из трав. Аккуратно перевязав раны, она приготовила снотворное зелье.

Клуни не раз прибегал к услугам лекарей и сразу понял, что Села из лучших, а нелепое бормотание, приплясывание и ужимки служат лишь для того, чтобы вызвать большее уважение, произвести более сильное впечатление на пациентов.

Селу никогда не пускали в ворота аббатства, но она не сомневалась: когда армия Клуни возьмет Рэдловл, там найдется столько сокровищ, что хватит до конца жизни.

Зелье Селы быстро подействовало, и Клуни, убаюкиваемый ее пением и бормотанием, начал засыпать. Знай он, что у старой лисы на уме, он вскочил бы как ошпаренный!

Села была предателем по натуре. С того самого момента, как она вошла в лагерь, ее зоркие желтые глаза не переставая бегали по сторонам. Села уже успела сосчитать всех годных для боя крыс, ласок, горностаев и хорьков. От ее глаз не укрылся и отряд крыс, подгрызающих высокий тополь. И дураку ясно: это будущий таран. Кроме того, Села понимала, что день штурма наступит не раньше чем через три недели — ведь она сама назначила Клуни такой срок выздоровления.

Лисица увидела, что единственный глаз Клуни закрылся — зелье подействовало. Она обернулась к вооруженным крысам, стоявшим на страже у постели больного, и зашептала повелительным тоном:

— Вашему хозяину нужен полный покой. И не решайте ему вставать, когда он проснется. А теперь, прошу прощения... — И она быстро пошла к дверям.

Черноклык и Краснозуб тотчас преградили ей путь:

— Куда это ты направилась, лисица?

Села облизнула губы, стараясь говорить вежливо, но убедительно:

— В свою нору — пополнить запасы трав, если, конечно, вы хотите, чтобы я и дальше лечила вашего предводителя.

Краснозуб легонько ткнул ее копьём:

— Клуни приказал, чтобы ты все время оставалась здесь, пока он не пойдет на поправку.

Села изобразила недоуменную улыбку:

— Но, уважаемые крысы, что же я могу сделать без моих трав и корней?

Черноклык грубо отпихнул ее от двери:

— Сядь. Никуда ты не пойдешь.

Лисе волей-неволей пришлось подчиниться. Она задумалась.

— Хорошо, тогда позвольте выйти хотя бы во двор. Мне нужно подышать свежим воздухом, а за нужными мне травами я могу послать своего помощника.

Краснозуб был непоколебим:

— Хозяин сказал, что ты должна все время оставаться здесь.

Села хитро улыбнулась. Она знала, чем их пронять. Состроив озабоченную мину, лиса сокрушенно покачала головой:

— Тогда скажите мне ваши имена, чтобы я могла сообщить их Клуни, когда он проснется от боли, с воспаленными ранами. Он, без сомнения, захочет выяснить, кто помешал мне его лечить.

Уловка сработала. Две крысы пошептались между собой, и Краснозуб обернулся к Селе:

— Можешь выйти во двор и дать поручение своему помощнику, но Черноклык со своим палашом все время будет рядом с тобой. Одно неосторожное движение — и одной знахаркой станешь меньше. Ясно?

Села благодарно улыбнулась:

— Безусловно. Пусть ваш друг идет со мной, мне нечего скрывать.

Сын Селы, Куроед, сидел на могильной плите во дворе церкви и грелся на солнышке.

Черноклык не заметил, как лисы тайком перемигнулись. Куроед был искушен в искусстве шпионажа не меньше своей матери. С невинной физиономией выслушивал он поучения Селы:

— Слушай внимательно, сын мой. Предводитель крыс очень болен, ему необходимы мои особые снадобья. Беги скорее в нашу нору и принеси немного ухвертки, кукушкиной слюны, шкурку угря, три полоски ивовой коры... боюсь, всего тебе не запомнить. Лучше я напишу. — Села обернулась к Черноклыку: — Не найдется ли у вас письменных принадлежностей, сэр?

Черноклык презрительно плюнул ей под ноги:

— За кого ты меня принимаешь?

— Я так и думала. Что ж, обойдусь куском коры и угольком.

Через несколько минут Села вручила Куроеду испсанный кусок коры.

— Вот это все ты мне и должен принести. А теперь поторопись, сынок, по дороге нигде не задерживайся. Я правильно говорю, капитан?

Черноклык выпятил грудь колесом, гордый тем, что даже лисице известно его звание, и ткнул когтем в Куроеда:

— Слушай, что тебе мать говорит, парень. Чтоб одна нога здесь, другая там. И смотри, ничего не позабудь. А теперь проваливай, да побыстрее!

Молодой лис в мгновение ока исчез в лесу.

— Пожалуй, нам пора возвращаться, — сказал Черноклык. — Приказ есть приказ.

Едва лагерь Клуни скрылся из виду, Куроед развернул кору и прочел написанное:

«Настоятелю аббатства Рэдволл.

Мне точно известно, когда, где и как орда Клуни нападет на ваше аббатство. Какую цену вы можете дать мне за эти важные сведения?

Лисица Села».

Куроед громко расхохотался. Теперь он точно знал, что за снадобье нужно было его матери. Он вспомнил слова, которые мать часто повторяла: «Мне случалось продавать курицам их собственные яйца и срезать усы у сторожевых псов».

Хитро хихикая, молодой лис направился по дороге к Рэдволлу.

Василики выдался трудный день. Помимо прочих ей пришлось готовить еду для семьи Полевкиных, для пришедших в аббатство родителей Молчуна Сэма, а также для зайца Бэзила Оленя.

Глядя, как ест Бэзил, Василика своим глазам не поверила: она никогда не видела, чтобы кто-либо мог столько слопать! Даже такие известные едоки, как Констанция и Амброзий Пика, не шли ни в какое сравнение с ним.

Деликатно промокнув губы — заяц отличался не только неутолимым аппетитом, но и утонченными манерами, — Бэзил Олень разразился похвалами:

— Превосходно! Божественно! Я, признаться, уже начал забывать, как хорош добрый старый полдник в аббатстве! Будьте добры, принесите еще кружку вашего дивного октябрьского эля и порцию этого замечательного летнего салата. Пожалуй, я осилю также и несколько кусочков айвового пирога. Восхитительно! Да, и не забудьте козий сыр с орехами.

Василике помогали прислуживать еще две мышки. Сегодня им приходилось ходить на кухню кружным путем: аббат Мортимер запретил всем, кроме тех, кто помогал Матиасу и Мафусаилу, входить в Большой и Пещерный залы.

В проеме две лампы вырывали из чернильной темноты два золотых круга. Матиас и Мафусаил стали спускаться по потайной лестнице; кроты остались наверху, готовые, если понадобится, прийти на помощь.

Воздух в подземелье был холоден и сух. Двое друзей спускались все ниже и ниже, пока лестница не закончилась наклонно уходившим вниз извилистым ходом, укрепленным деревянными стойками. Матиас вздрогнул: сколько же времени прошло с тех пор, как здесь ходили в последний раз! Паутина, которую он отодвигал в сторону, тут же рассыпалась в прах. Мафусаил шел рядом, держась за его рукав. Туннель то и дело поворачивал.

Друзья шли все дальше и дальше. Они сами не смогли бы сказать, как долго они шли по этому древнему извилистому ходу. Мафусаил вырвался немного вперед и вдруг остановился.

— Ага, вот и конец! — воскликнул он.

Перед ними была дверь. Друзья внимательно рассмотрели обитую железом и украшенную фигурными гвоздями дверь. Она казалась незапертой, но никак не поддавалась.

Матиас поднял лампу повыше.
— Смотри, на косяке что-то написано.
Мафусаил прочитал громко и медленно:

Сокровенное найдут
В середине середин.
Рэдволл — мой пароль и тут.
Аистам, входи один.

Старик не стал скрывать своего разочарования:
— Хм! И это после всего, что я сделал, после бессчетных дней размышлений и поисков! Вот она, благодарность!

Но его слова остались неслышанными: Матиас уже пересчитывал вбитые в дверь гвозди.

Мафусаил сделал вид, что ему все равно, но вскоре любопытство победило досаду, и он поинтересовался:

— Может, тебе помочь?

— Сорок два, сорок три, помолчи! Разве не видишь, я считаю.

Старик привратник надел очки:

— Что ж, значит, ты уже разгадал эту загадку самостоятельно.

Матиас подмигнул другу:

— По крайней мере мне так кажется. В этом четверостишии две подсказки: середина середин и пароль — Рэдволл. В слове «Рэдволл» семь букв. Если посмотреть внимательно на эти старинные гвозди...

— Это скрепы, — поправил Мафусаил.

Матиас продолжал:

— Ладно, если присмотреться к этим самым скрепам, то видно: их семь рядов — столько же, сколько букв в слове «Рэдволл». Семь рядов сверху вниз и семь справа налево, всего сорок девять. Таким образом, двадцать пятый

гвоздь оказывается точно в середине середин.

С этими словами Матиас надавил лапой на центральный гвоздь, и дверь со скрежетом отворилась. Матиас положил лапу на плечо Мафусаила.

— Давай войдем вместе, — предложил он.

— Но сказано, что войти можешь только ты один, — возразил старый привратник.

Матиас ответил ему каким-то новым, властным голосом. Здесь, в подземелье, он вдруг показался Мафусаилу старше и выше ростом.

— Я — аистам. Мартин — это Матиас, — промолвил мышонок. — Как своему другу и верному спутнику, я позволяю тебе войти со мной.

Мафусаил неожиданно почувствовал, что рядом с ним находится некто, кто много старше его. Высоко подняв лампы, друзья вошли в открытую дверь.

За дверью оказалась небольшая, с низким потолком комната, в центре которой возвышалась каменная плита. Это была гробница Мартина Воителя!

Боковые стенки гробницы покрывала резьба, изображающая сцены из жизни

Мартина: ратные подвиги и исцеление больных. Сверху на плите лежало изваяние Мартина в натуральную величину, одетое в знакомое им облачение Ордена Рэдволла — скромное, без всяких украшений.

Матиас благоговейно созерцал лицо легендарного героя.

Тишину прервал шепот Мафусаила:

— А вы с Мартином очень похожи.

Как только старик заговорил, дверь за ними со скрипом захлопнулась.

Матиас, ничуть не испугавшись, обернулся к двери. На внутренней ее стороне висели щит и перевязь для меча.

Круглый стальной щит, какими пользовались в старину, несмотря на все прошедшие годы, сверкал как новый, в центре его была выгравирована буква М.

Перевязь из блестящей черной кожи, с петлей для ножен, тоже выглядела совсем новой: мягкая и гибкая, она словно только что вышла из мастерской кожевника. Большая серебряная пряжка ярко сверкала в свете лампы.

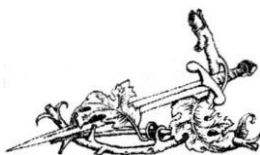
Не говоря ни слова, Матиас развязал свой пояс послушника и, отдав его Мафусаилу, перепоясался перевязью. Та словно была сделана по его мерке. Матиас осторожно снял с двери щит и примерил его.

Под щитом на двери открылась надпись. Мафусаил прочел:

При луне в урочный час
Щит над порогом возложи.
Соедини с оружием нас,
О луч, дорогу укажи.
Я — аистам, иди на бой,
Великий Рэдволл за тобой!

Как во сне, Матиас слегка потянул дверь на себя.
Она легко отворилась.

Освещая себе путь лампами, Мартин и Мафусаил
вернулись из потайной комнаты к теплу и свету жаркого
июньского дня.

Со стены аббатства Констанция увидела, что к Рэдволлу идет молодой лис с палкой в лапах, на конце которой, в знак его мирных намерений, болталась белая тряпка.

Барсучиха обеспокоилась. Она знала этого лиса из семьи старухи Селы. За таким нужно смотреть в оба!

— Стой, лис! Что тебе нужно? — крикнула Констанция.

— Я хочу видеть вашего настоятеля! — прокричал Куроед. — У меня есть очень важные сведения, которые я готов продать!

Барсучиха и бровью не повела.

— Мне все равно, что у тебя есть. В аббатство ты не войдешь, а если тебе есть что

сказать — скажи мне. А если тебе это не нравится, можешь убраться туда, откуда пришел.

Куроед развернул кусок коры и показал его Констанции:

— Это важное послание лично настоятелю.

— Бросай его мне, я передам.

Ни лезть, ни уговоры не помогли. Барсучиха оставалась непреклонной. В конце концов Куроеду не осталось ничего другого, как бросить ей послание Селы.

— Я буду ждать ответа здесь! — прокричал лис.

Барсучиха только фыркнула. Пригнувшись, чтобы лис не мог ее видеть, она прочитала письмо. Подождя, пока пройдет достаточно времени, она встала, для вида тяжело дыша, словно после быстрого бега.

— Скажи Селе, что аббат встретится с ней через два дня в десять часов вечера в Лесу Цветущих Мхов, у большого пня. И чтоб никаких фокусов!

Куроед радостно взмахнул флагом:

Отлично, я понял, толстуха. Только пусть аббат захватит с собой побольше золота!

Рассерженная Констанция свесилась со стены:

— Проваливай, да побыстрей, а то я сейчас спущусь и задам тебе хорошую трепку!

Она пригнулась и громко затопала лапами. Когда она выглянула, перепуганный Куроед в облаке пыли уже неся по дороге.

Пожалуй, не стоит беспокоить аббата. Констанция и сама справится с коварными лисами.

Проголодавшийся Матиас обедал вместе с Молчуном Сэмом и его родителями, а также с Полевкипсами и зайцем Бэзилем Оленем. Ел он машинально, не проронив ни слова. Последнее найденное ими четверостишие о луне, севере и каком-то пороге не шло у него

из головы. Мафусаил, быстро поев, удалился в свою келью, где, как он утверждал, ему думалось лучше всего.

За столом было шумно. Матиас в задумчивости улыбался и кивал, но не вслушивался в болтовню Полевкинсов и белок.

Наконец Матиас отвлекся от своих раздумий и, оглядевшись, увидел, что маленький Сэм с интересом рассматривает его перевязь.

— Что, Сэм, нравится? Это перевязь знаменитого воина. У меня пока нет меча, но скоро, очень скоро он обязательно будет!

Тогда Сэм, склонив голову набок, указал на себя. Матиас шутливо ткнул его в животик:

— Ты тоже хочешь меч, Сэм? Даже не знаю, что тебе сказать. Наверное, твоим маме и папе не очень-то понравится, если ты начнешь разгуливать по дому вооруженный до зубов.

Выручил Матиаса Бэзил Олень. Он достал красивый маленький нож в искусно сделанных из ивовой коры ножнах и подозвал к себе Сэма:

— Иди сюда, маленький разбойник! У меня кое-что для тебя есть. Это настоящий заячий кинжал — такой есть у каждого зайца. Иди ко мне, юный пират, сейчас примерим его на тебя, а?

Бэзил подобрал с пола старую, брошенную кем-то сандалию и, вынув из нее ремешок, надел на него кинжал и опоясал ремешком бельчонка.

— Теперь ты самый настоящий разбойник! — усмехнулся заяц.

Сэм в восторге расхаживал взад и вперед по столу, он размахивал кинжалом, словно сражаясь с невидимым врагом, и не переставал при этом шумно сосать другую лапу.

Матиас рассмеялся, а родители Сэма сердечно поблагодарили зайца за столь щедрый подарок. Забыв о своих заботах, Матиас повеселел. Особенно он обрадовался, когда появилась Василика и присела рядом с ним. Бэзил тихонько толкнул Матиаса в бок:

— Замечательная мышка! Знаешь, она может в мгновение ока принести столько еды, что сразу и не съешь! Попомни мои слова, мой юный друг: она будет отличной женой. Заметил, как она на тебя смотрит? Так оленихи смотрят на оленей. Эх, олени, что за благородные животные! Думаю, ты мог бы стать ее оленем. Почему бы и нет!

Василика смутилась, и Матиас уже собирался заткнуть Бэзилу рот какой-нибудь ватрушкой, но в это время в дверях появился Мафусаил и поманил к себе Матиаса. Тот извинился перед гостями и поспешил к старику.

Крайне взволнованный, Мафусаил вел своего молодого друга к воротам.

— Матиас, я знаю, что такое порог!

Больше старик не сказал ничего до тех пор, пока они не пришли в его келью над главными воротами аббатства и не закрыли за собой дверь. Но даже и после этого он поначалу не сказал ничего вразумительного, а принялся рыться в старых манускриптах и книгах.

— Куда они подевались? Пять минут назад я держал их в руках. А это что еще такое?.. А, договор с пчелами Рэдволла. — Мафусаил отбросил пыльный свиток в сторону, чуть не угодив в своего друга. — Подожди немного. Наверное, я положил его вон туда.

Матиас с любопытством разглядывал тесную, захламленную келью Мафусаила, забитую книгами, свитками и старинными манускриптами. Старик с грохотом выдвинул несколько ящиков письменного стола

и стал перебирать бумаги. Наконец он с торжествующим видом извлек пожелтевший том.

— Эврика! Нашел! Чертежи аббатства, составленные Мартином Воителем, перевод сестры Жермены.

Он принялся торопливо листать книгу.

— Так: «Сады», «Кельи», «Колокольни»... А, вот, вот оно: «Главная стена и ворота».

Старик заговорщически подмигнул Матиасу и поправил очки.

— Слушай: «В западной стене будут устроены главные ворота, чтобы звери могли свободно входить в аббатство Рэдволл и выходить из него. Этот вход должен охраняться днем и ночью, ибо это есть главные врата в аббатство, его порог». Значит, ворота — это и есть порог!

Двое мышей крепко обнялись. Они заплясали среди разбросанных по полу бумаг.

— Теперь нам известно немного больше, чем раньше, — сказал Мафусаил, — но все же мы еще мало что знаем. Ведь остаются еще неразгаданные строчки:

Где луч луны скользит,
В ночи, в дня первый час,
Что север отразит.
Узри с порога...

Матиас перебил старого привратника:

— Первые две строчки наводят на мысль о том, что разгадку следует искать ночью: «Ищите меч в лучах луны, в ночи».

— Согласен, — ответил Мафусаил. — Но следующая строчка важнее, в ней точно говорится, когда следует искать: «в дня первый час».

Они вместе медленно повторили: «В дня первый час».

Мафусаил ссутулился в своем кресле:

— К сожалению, я пока ничего не понимаю.

— Стой! — вскричал Матиас. — В полночь истекает последний час суток, так что, если исходить из этого, час ночи — это первый час нового дня, хотя это еще и ночь. Так и сказано: «В ночи, в дня первый час».

— Пожалуй, ты прав, — отозвался старик. — «Дня первый час» — это не час после рассвета, а час ночи, когда еще темно.

Матиас устало прислонился к высокой стопке книг.

— Но если ворота — это порог, то где все-таки мы должны встать, чтобы что-то увидеть оттуда в час ночи?

— Это легко, — усмехнулся Мафусаил. — Там же сказано: «Узри с порога». Все ясно! Что, по-твоему, сейчас у нас над головой?

— Думаю, стена, — пожал плечами Матиас.

Мафусаил с силой ударил лапой по подлокотнику кресла:

— Вот именно! Где же можно стоять на стене, кроме ее верха?

И тут Матиасу тоже стало все ясно.

— Понял! — радостно воскликнул он. — Значит, мы должны стоять на стене прямо над воротами.

Они бросились к лестнице, что вела на стену. Выбежав наверх и остановившись прямо над воротами, Матиас ударил лапой по камням:

— Это где-то здесь. Как думаешь, Мафусаил?

Старый привратник ответил с грустью:

— «Где-то» — это слишком приблизительно.

Матиасу не оставалось ничего другого, как согласиться. Расстроенный, он сел на кучу камней и мусора, поднятых на стену во время осады.

— Ну и что же теперь делать? Ждать здесь до полуночи и надеяться на чудо?

Старик привратник предупреждающе поднял лапу:

— Терпение, мой юный друг, терпение. Давай еще раз вспомним, что нам известно. Дай мне на минуту свой нож.

Матиас вынул из ножен кинжал Призрака и протянул его другу. Кончиком клинка старик принялся писать на покрытых пылью камнях:

«Первое: Мартин — это Матиас.

Второе: мы обнаружили гробницу Мартина.

Третье: мы нашли его щит и перевязь.

Четвертое: наша задача — найти меч Мартина.

Пятое: откуда начать поиски? Отсюда, со стены над воротами.

Шестое: когда? В час ночи, при лунном свете.

Седьмое: в каком направлении? В северном».

— Предположим, мы смотрим на север, — сказал Матиас.

Оба повернули головы к северу.

— Ну и что же ты видишь? — поинтересовался Мафусаил.

Матиас ответил разочарованно:

— Аббатство, пасеку, северную часть стены и деревья над ней. А ты что видишь?

— То же самое, что и ты, только, пожалуй, немного хуже. Однако не стоит отчаиваться. Посмотрим еще разок, может быть, в конце концов что-нибудь интересное и увидим.

Они снова стали смотреть на север. Забыв убрать кинжал в ножны, Матиас сидел неподвижно, пока не

заболела шея и не заслезилась глаза. Мафусаил тем временем пригрелся на солнце и заснул.

Матиас с досадой воткнул кинжал в кучу мусора:

— Я же говорил, что мы зря сейчас теряем время. Ты что, не можешь не засыпать каждые пять минут?

Старик проснулся и захлопал глазами:

— А? Что? Я, кажется, задремал. Прости, это больше не повторится.

Но Матиас не слышал его: он уже копал кинжалом кучу мусора. Мафусаил с интересом взглянул на него:

— Что это ты делаешь?

Матиас яростно расшвыривал мусор:

— Кажется, я нашел то, что нам нужно! Здесь в камне что-то вырезано. Вон видишь, вроде бы буквы? Только из-за мусора невозможно прочитать всю надпись. Придется опять звать на помощь кротов.

Пыхтя, на стену взобрался Кротоначальник со всей своей артелью. Тяжело дыша, кроты первым делом повалились на кучу мусора.

— У нас, кротов, лапы коротковаты. Смекаю, вам, мышам, опять наша помощь понадобилась?

— Да, уважаемый Кротоначальник, — тотчас ответил Матиас. — Не могли бы вы со своей артелью сдвинуть эту кучу камней и мусора? Под ней находится кое-что, до чего мы хотим добраться.

Кротоначальник развел в стороны свои мощные лапы и улыбнулся:

— Что ж, ребята, сбросим эту кучу туда, где взяли.

Артель принялась за дело. Кряхтя, кроты стали сгребать огромную кучу к краю стены, и вскоре земля кусками посыпалась вниз, в траншею, откуда она и была поднята.

Куча таяла прямо на глазах, и привратник сказал:

— Кроты передают свое ремесло из поколения в поколение. Они могут справиться с чем угодно, будь то земля, песок, булыжники или корни. Знаешь, ведь именно кроты сделали фундамент нашего аббатства. А нынешний Кротоначальник ведет свой род по прямой линии от того крота, который руководил строительством. И за это Мартин Воитель дал ему титул Кротоначальника.

Пока мыши разговаривали, кроты закончили сбрасывать мусор и принялись подметать плиты.

Когда все было сделано, Кротоначальник тотчас попрощался:

— Х-рр, все готово, бывайте здоровы.

И кротов со стены как ветром сдуло.

— Кроты не особенно-то любят высоту, — заметил Мафусаил. — Ну, давай посмотрим, что они расчистили.

На плитах стены был вырезан круг.

Одна его сторона была глубже другой, в середине находилась куполообразная выпуклость с двумя прорезами. В центре ее — буква М, окруженная тринадцатью маленькими кружками в виде улыбающихся лиц.

На стену поднялась барсучиха.

— Собираетесь сидеть здесь целый день, да? Если не поторопитесь, останетесь без чая.

Разглядывая вырезанные на камне изображения, Матиас ответил:

— Спасибо, Констанция, мы скоро спустимся.

Барсучиха подошла поближе. Мельком взглянув на изображение, она комически всплеснула лапами:

— Батюшки! Никак опять загадки да головоломки!

Мафусаил строго посмотрел на нее поверх очков:

— Дорогая Констанция, не смейся над тем, чего не понимаешь. Предоставь это специалистам. — Повер-

нувшись к Матиасу, старик продолжал: — Весьма любопытно, не правда ли, мой юный и ученый друг? Как думаешь, что означают эти тринадцать кружков с улыбающимися лицами?

Матиас только покачал головой. Он понятия не имел, что это могло бы означать.

Констанция, посмотрев на тринадцать кружков, переспросила:

— Ты имеешь в виду эти кружки? Да это же тринадцать полнолуний — тринадцать лунных месяцев года.

Самолюбие Мафусаила было явно задето.

— Почему ты так решила?

Констанция насмешливо передернула плечами:

— Почему? Да каждый уважающий себя барсук знает о луне все. Хочешь, я назову тебе все ее фазы?

Матиас снова обрел почву под ногами. Он принял считать луны и остановился на шестой.

— Вот это шестой месяц, июнь. Констанция, когда в июне будет полнолуние?

— Завтра ночью, — не задумываясь, ответила та. — А что должно случиться в полнолуние? Какое-нибудь чудо?

Мафусаил как будто не заметил ее иронии.

— Если мы встанем здесь в полнолуние в час ночи, то мы, возможно, найдем меч Мартина Воителя, — строго произнес он.

— Видишь ли, это связано со стихами на стене Большого зала, с гробницей Мартина и с тем, что мы там нашли: перевязь, щит, другой стих... — добавил Матиас.

Не дослушав, Констанция перебила его:

— Какой щит?

— Обычный, какой бывает у воинов. Такая круглая стальная штука с петлями на обратной стороне.

Барсучиха понимающе кивнула:

— Я видела такие, смотреть особенно не на что. Такой щит очень напоминает вот этот вырезанный в камне круг. Видите прорези для петель? Кроме того, если сюда положить щит, то он будет лежать наклонно, — наверное, чтобы отражать лунный свет...

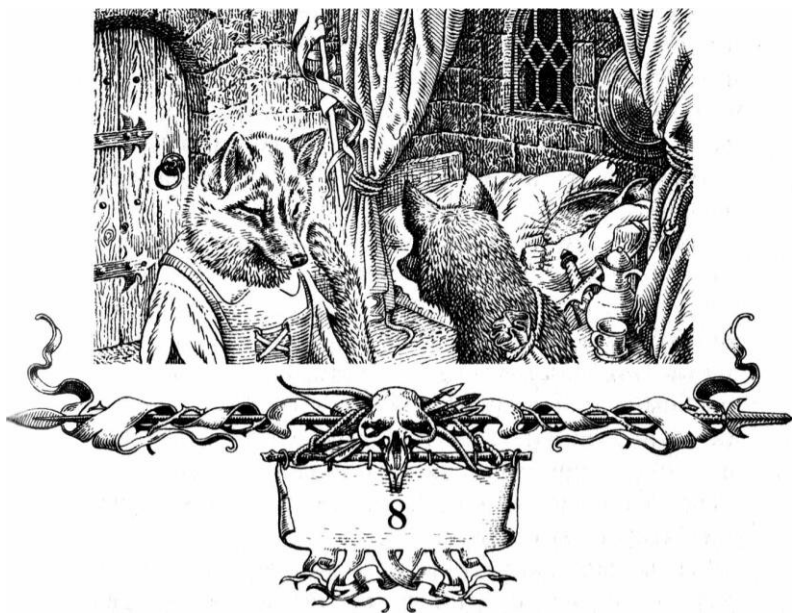
Мыши смотрели на барсучиху с изумлением и уважением.

Матиас церемонно пожал ей лапу:

— Констанция, старый верный друг! Ты говорила о чае. Хочешь, я принесу тебе сюда самую большую чашку самого вкусного чая, который когда-либо подавался в стенах аббатства.

Нагретые солнцем каменные зубцы стены, казалось, задрожали от хохота троих друзей.

Клуни лежал, полуоткрыв свой единственный глаз, и наблюдал за Селой.

Он не сомневался, что старая ведьма что-то замышляет.

После того как Клуни подробно расспросил Черноклыка о ее разговоре с сыном, он не сомневался, что лисы собираются его обмануть, но пока решил ничем не выдавать своих подозрений. Даже если Села ведет двойную игру, сейчас она нужна ему как опытная знахарка.

Нет, Клуни не так-то просто обмануть! Он позволил Селе ухаживать за его ранами, но перестал принимать снотворное зелье.

Куроед вернулся на следующее утро с целым мешком целебных снадобий. Прикинувшись спящим, Клуни исподволь наблюдал за лисами. Он ни с кем из офицеров не поделился своими подозрениями. Молчать — это единственный способ соблюсти тайну. Пока Клуни просто наблюдал и выжидал, с каждым днем здоровье его улучшалось.

Наконец у него созрела замечательная по своей простоте идея. Он приказал всем удалиться и оставить его одного в полном покое, чтобы он мог как следует отдохнуть. Убедившись, что никто не подсматривает, Клуни взял перо и кусок пергамента и начертил подробный план штурма аббатства Рэдволл — с великим множеством стрелок, линиями атаки и обороны, а также с примечаниями. Из плана явствовало, что успех нападения всецело зависит от того, удастся ли пробить тараном ворота.

Начертив план, Клуни положил пергамент под подушку так, чтобы один уголок немного высовывался наружу. Его офицеры слишком тупы и ненаблюдательны, они его не заметят, но лисица!..

Через час Краснозуб и Черноклык привели знахарку. Клуни лениво потянулся в постели и громко зевнул:

— Славно же я поспал, пока никто не суетился вокруг меня. Как продвигается работа над тараном?

Краснозуб, опершись на копьё, сказал:

— Осталось совсем немного, хозяин. Я уже приказал запалить костер, чтобы обжечь бревно и сделать его потверже.

Клуни слегка согнул свой перебитый хвост.

— Хорошо. Спилите большие сучья у самого ствола, так вам будет легче нести его. А теперь, лисица, переменяй повязки и дай мне чего-нибудь, чтобы я снова уснул.

От того, что ты дала вчера, толку было мало: я проворочался несколько часов — все никак не мог заснуть.

Села склонилась в низком поклоне:

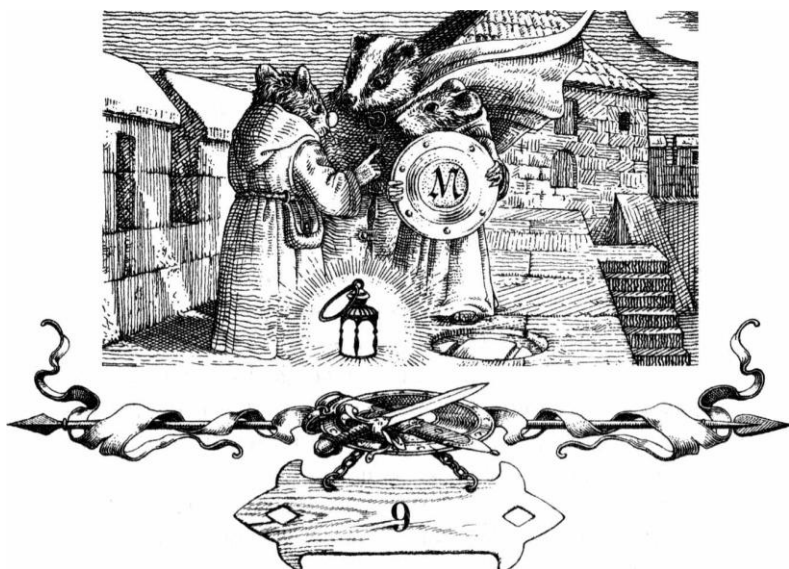
— Теперь, когда мой сын принес необходимые травы, я смогу дать вам хорошее снотворное, сэр. Спать будете без задних лап, извините за выражение.

— Давай что хочешь, лишь бы заснуть, — ответил Клуни.

Вечером Клуни разрешил Краснозубу и Черноклыку напиться вдоволь ячменного пива, что нашлось в церковном погребе. Он позволил пить также и Селе. О да, она сумела ловко притвориться, что пьет наравне с крысами. Пока они пили пиво, сам Клуни сделал вид, что выпил сонное питье. Ни лисица, ни Клуни не выпили на самом деле ни капли.

Ночью Клуни старательно вторил храпу своих пьяных подчиненных. Внезапно он почувствовал, что его подушка слегка шевелится. Села проглотила наживку! Он не сомневался, что наутро его план как ни в чем не бывало снова будет лежать под подушкой, а у Селы будет где-нибудь спрятана его точная копия. Что ж, теперь можно и поспать. А пока мыши укрепляют ворота, Клуни подкопается под юго-западный угол стены аббатства!

Без четверти час три фигуры пересекли сад аббатства. Луна выглянула из-за туч, и пруд, отбрасывая на стены мерцающие голубоватые блики, засиял серебром. Констанция и Мафусаил несли лампы, Матиас — щит. Друг за другом они поднялись по лестнице, кивками приветствуя часовых, а те желали им удачи.

Матиас не хотел устанавливать щит на место до назначенного времени. Он считал, что они должны точно следовать написанному и ждать, пока не наступит первый час дня полнолуния.

Трое друзей молча стояли у вырезанного на камне круга. Матиас крепко сжимал щит. Вы соко над Рэдволлом висела луна,

казавшаяся на черном бархате ночи золотой монетой.

Но вот раздался удар колокола. Наступил час ночи — первый час дня. Матиас благоговейно положил щит Мартина на каменный круг, много лет ожидавший этого момента. Щит, звякнув, лег в выемку, точно совпав с ней по размерам.

— Смотрите! Щит отражает лунный свет прямо в небо! — воскликнул Матиас.

Полированная поверхность щита отбрасывала в ночное небо яркий белый луч.

Мафусаил, приложив лапу к глазам, пристально смотрел в небо, пытаясь проследить направление отраженного луча.

— Поистине прекрасное зрелище! — выдохнул он. — Но, увы, мои глаза уже не те, что раньше. Я вижу только луч света, устремляющийся в бесконечность.

— Постой. Посмотри на крышу аббатства, — сказала Констанция. — Видишь, луч освещает конек крыши. Я вижу флюгер ясно, как днем.

— Не может быть, — сказал Матиас, но, присмотревшись, воскликнул: — Да, ты права! Луч указывает прямо на флюгер.

— Север! — крикнул Мафусаил. — Флюгер — это север. Меч должен быть там!

Трое друзей торжественно пожали друг другу лапы. Тайна наконец разгадана: теперь они знали, где уже несколько веков спрятан меч Мартина.

В стрелке флюгера!

Однако, когда, поспав несколько часов, они собрались к раннему завтраку, их приподнятое настроение несколько упало. Как же достать меч с крыши?

— Жаль, что у нас нет полусотни длинных лестниц, тогда мы могли бы связать их вместе... — пробормотала Констанция.

Мафусаил отодвинул в сторону тарелку с овсяной кашей.

— Ты способна помочь только в двух случаях. Во-первых, если будешь молчать. Во-вторых, если превратишься в какого-нибудь зверя, который способен забраться на эту крышу. Ну, скажем, в птицу, белку или еще в кого-нибудь.

Матиас и Констанция одновременно обернулись к нему. Решение было найдено, и такое простое!

— Очень надеюсь, что белки не любят спать долго, — сказал Матиас. — Очень-очень надеюсь!

Белка Джесс была рада оказать услугу своим друзьям из Рэдволла.

Выслушав Матиаса, она подошла к стене главного здания аббатства и сначала исполнила нечто вроде замысловатого танца, а потом несколько раз прошлась колесом.

— Это она разминается, — пояснил Матиасу ее муж.

Целая толпа собралась во дворе аббатства посмотреть на небывалое восхождение. Даже в самых древних хрониках нет упоминаний о попытках взобраться на крышу аббатства. Такое восхождение казалось невозможным, ведь крыша аббатства почти вдвое выше колокольни!

Джесс с трудом протолкалась через собравшуюся толпу. Она поцеловала мужа, погладила по голове сына Сэма и пожала лапы Констанции, Матиасу и Мафусаилу. Затем она натерла землей все четыре лапы, чтобы они меньше скользили, и тотчас полезла вверх по массивному фасаду.

Нижняя часть стены с изогнутыми арками окон не представляла для Джесс никаких затруднений, белка легко и быстро поднималась все выше и выше. Вот, изящно взмахнув хвостом, она преодолела карниз и оказалась на боковой черепичной крыше.

Задрав головы, мышцы наблюдали снизу за восхождением бесстрашной Джесс — она казалась теперь маленькой букашкой на стене аббатства.

Кротоначальник, никогда не отличавшийся любовью к высоте, прикрыл лапой глаза:

— Г-рр, просто страх берет. Разве она птица? Нет, не могу больше смотреть, страшно делается.

Мафусаил принялся протирать очки.

— Где она теперь?

— На коньке крыши, приближается к шпилю! — сказал аббат Мортимер.

Муж Джесс радостно захлопал лапами:

— Она уже там, моя Джесс, уже там!

Толпа снова разразилась радостными криками, лишь Матиас молча продолжал смотреть вверх. Флюгер слегка колеблется, значит, отважная Джесс уже пытается достать меч. Ее восхождение наверняка войдет в летопись аббатства Рэдволл.

Отец Сэма поднял его на вытянутых лапах:

— Смотри, сын, мама забралась на самый верх. Вот она уже спускается.

Матиас пристально всматривался, силясь разглядеть: есть ли у нее меч? Не успела Джесс спуститься до половины, как толпа забеспокоилась:

— Смотрите, на нее напали воробы!

Действительно, вокруг Джесс закружились задиристые птицы. Они старались побольнее клюнуть ее, скинуть со стены, заставить отмахиваться от них. Ведь стоит ей ослабить лапы — и она упадет.

Матиас не растерялся и немедленно скомандовал:

— Шесть самых метких лучников, сюда, скорее!
Надо отогнать воробьев!

Но стайка воробьев продолжала нападать на Джесс — той оставалось только продолжать спуск, стараясь не обращать на них внимания.

Построившись, лучники вскинули луки.

— Не цельтесь в птиц! Просто отпугните их, — крикнул аббат.

— Стреляйте! — крикнул Матиас.

Стрелы взмыли вверх и едва не задели воробьев. Те бросились врассыпную. Джесс соскочила на боковую крышу, но неугомонные птицы напали на нее снова. Лучники опять вскинули луки.

— Самое трудное уже позади! — воскликнул Амброзий Пика. — Только бы воробьи ей не навредили.

— Целься, пли! — скомандовал Матиас.

Стрелы вновь взвились в воздух, и воробьи в панике заметались. Одна из стрел все-таки попала в птицу, и та с торчащей из лапы стрелой, скатившись по крыше, камнем упала на землю. Громко чирикая, воробьи наконец-то улетели.

Констанция взяла сплетенную из прутьев бельевую корзину, затем подняла с земли воробья, ухватила ее зубами за кончик стрелы и вытащила ее из лапы птицы. После этого барсучиха, перевернув корзину вверх дном, накрыла ею воробья.

Криками радости встретили Джесс мыши, когда она устало спрыгнула на траву.

— Уф! — выдохнула она. — Ну и наглецы же эти воробьи!

Не успела бесстрашная белка обнять своих родных, как к ней подбежал Матиас:

— Джесс! А где же меч?

Белка пожала плечами и покачала головой:

— Его там нет. Я забралась на стрелу флюгера и увидела углубление в форме меча. Наверное, когда-то он там и впрямь лежал. Там даже осталась ржавая проволока, которой он был прикручен. Но меча там нет. Прости, Матиас, я сделала все, что могла.

— Конечно, Джесс, — ответил Матиас, едва скрывая разочарование. — Огромное тебе спасибо за все.

Через полчаса все разошлись по своим делам. Матиас сидел, прислонившись к стене аббатства, мысли его были в смятении. Столько усилий — и все напрасно! Он ударил лапой по стене, слезы огорчения выступили у него на глазах.

— Почему, Мартин, так получилось, почему? — вскрикнул он в отчаянии.

Пленная воробиха била крыльями в перевернутой корзине.

— Убью-у-у! — злобно чирикала она. — Убью-у-у,мышь! Освободи Клюву, грязный червяк!

Матиас взглянул сквозь щели корзины на беснующуюся пленницу.

— Закрой клюв, — проворчал он. — Сейчас, сидя в корзине, ты никого не можешь убить.

Птица разъярилась еще больше:

— Король Бык, он убьет тебя. Будешь мертвый, быстро-быстро.

Матиас усмехнулся:

— Да неужели? Что ж, если тебе встретится этот король... как его там... скажи ему, что ты видела Матиаса Воителя и что я никого не убиваю, мой несносный маленький друг.

При последних словах Матиаса воробиха так и заметалась от ярости:

— Мышь Клюве не друг! Бей, бей, бей!

Матиас раздраженно пнул корзину:

— Слушай, Клюва, вела бы ты себя прилично, а то тебе еды не дадут и лечить не станут. На твоём месте я сидел бы тихо и поразмыслил над своим поведением.

Матиас зашагал прочь, вслед ему неслось воробьиное чириканье:

— Не хочет еды! Не хочет лечения! Храбрая Клюва, бей!

Мышонок устало вздохнул. Не птица — наказание какое-то!

Лисица Села была озабочена. Теперь для успешного лечения Клуня ей потребовалась особая трава, которой не было у нее дома. Траву эту можно было отыскать только в Лесу Цветущих Мхов и только ночью.

Клуня выслушал просьбу лисицы, заранее зная, что это только предлог, чтобы уйти из лагеря крыс. Он помолчал, делая вид, что задумался.

— Гм, видимо, тебе и впрямь нужна эта трава. Но почему бы тебе не послать за ней своего сына Куроеда?

У Селы на все был готовый ответ:

— Нет, нет, ему нипочем ее не найти, сэр. Он не знает даже, где ее искать.

Клуни сочувственно кивнул головой:

— Пожалуй, придется тебя отпустить. Но знай, ты пойдешь искать траву вместе с двумя крысами. Вздумаешь убежать — твой пушистый хвост пойдет мне на воротник. Ясно?

— Конечно, сэр. Зачем же мне вас обманывать? Когда я вас исцелю, вы покорите Рэдволл и щедро наградите меня, не так ли?

Клуни улыбнулся Селе, да так, что та задрожала от хвоста до головы.

Вечером Села ушла из лагеря в сопровождении Краснозуба и Черноклыка; душа ее пела от радости. Всего двое охранников! Она запросто ускользнет от них.

Тем временем Клуни встал с постели и прошелся по комнате, опираясь на свой штандарт. Передвигался он с трудом, но чувствовал, что уже скоро силы полностью вернутся к нему. Он обернулся к изображению Мартина, прикрепленному к штандарту:

— Конечно, этой лисице ничего не стоит ускользнуть от моих болванов. Вот и отлично! Она принесет мой поддельный план твоему аббату. Как тебе это нравится?

Лес Цветущих Мхов окрасился розовым светом заката. Села потянула носом воздух и взглянула на небо. Скоро стемнеет, она еще успеет к большому пню на встречу с аббатом.

Краснозуб и Черноклык были явно не в духе. Уже битый час Села водила их по зарослям жгучей крапивы, через болота, среди целых туч кровожадных комаров. Крысам приходилось иной раз расчищать себе дорогу палашами.

— Кажется, мы уже недалеко от мышиного аббатства? — предположил Черноклык.

— Не болтай! Лучше следи за лисицей, — оскалился Краснозуб.

— Надо было взять с собой факелы, — заныл Черноклык.

Терпение Краснозуба лопнуло. Он стрег приятеля в охапку и встряхнул его как следует:

— Если будешь ныть, я отрежу тебе язык палашом!

Черноклык вырвался из лап Краснозуба и ткнул его копьём:

— Доставай свой ржавый тесак, не успеешь и глазом моргнуть — как я намотаю твои кишки на свое копьё.

— Ты? Намотаешь?

— Намотаю, еще как намотаю!

— Вот тебе за это, гад, получай!

— Ах, ты драться, да? Ну я тебе сейчас покажу!

Пиная, колотя и кусая друг друга, крысы повалились в колючие кусты. В ход пошли когти, хвосты и клыки. Через несколько минут драка закончилась, победителем вышел Краснозуб. Хотя из носа у него текла кровь, а во рту не хватало зуба, выглядел он намного лучше своего противника.

Черноклык, выползший из кустов, являл собой жалкое зрелище: оба глаза подбиты, из левого уха выдран клок, все тело покрыто глубокими царапинами и утыкано колючками.

Оглядевшись по сторонам, Краснозуб осыпал Черноклыка проклятиями:

— Недоумок! Это все из-за тебя! Пока ты спорил со старшим по званию, лисица убежала!

Черноклык сощурил подбитый глаз:

— Значит, это я виноват? Ну уж нет! Ты ее упустил, а не я! Подожди, я доложу обо всем Клуни.

— Заткнись! — рявкнул Краснозуб. — Не препираться надо, а лисицу искать. Ты иди туда, а я сюда. Найдешь ее — кричи. Понял? А теперь топай!

И крысы разошлись в разные стороны.

Тем временем Села, воровато озираясь по сторонам, шла по лесу уже довольно далеко от них. Вот дуб с тремя вершинами, вот аббатство, а вот и большой пенёк. Луна ярко освещала лес, но возле пня никого не было. Где же аббат?

И тут тяжелая лапа что есть силы обхватила сзади шею Селы. Хрипя, лисица тщетно пыталась вырваться.

Над самым ее ухом раздался низкий голос Констанции:

— Не рыпайся, лиса, а то я сломаю твою шею, словно сухую ветку!

Села испугалась не на шутку. Барсуки известны своей силой и воинственностью.

Свободной лапой Констанция сорвала мешок с травами с пояса лисицы и вытряхнула его содержимое на пенёк. Схватив план Клуни, она взглянула на него и засунула себе за пояс.

— Ваш аббат должен бы наградить меня, — прохрипела лисица.

Глаза барсучихи вспыхнули презрением, она повернула лисицу к себе:

— Вот твоя награда, предательница! — И Констанция с силой ударила Селу по голове между ушей.

Лисица как подкошенная упала на землю, а барсучиха, спрятавшись за дерево, закричала во весь голос:

— Сюда! Лисица здесь! Сюда, быстрее!

Первым появился Краснозуб:

— Клянусь адом, да это и впрямь лиса! Что, убежать хотела, а?

Констанция не спеша вышла из-за дерева:

— Не думаю, что она сумеет тебе ответить. Может, согласишься поговорить со мной?

Краснозуб остолбенел. Но, увидев, что барсучиха безоружна, он быстро пришел в себя и, взмахнув тесаком, злобно улыбнулся:

— А, барсучиха! Вот мы и встретились!

Констанция стояла на задних лапах, скрестив передние на груди.

— Краснозуб, не так ли? Вижу, ты меня не забыл. Помнишь, я говорила, что мы с тобой еще не полностью рассчитались?

Оскалив клыки, Краснозуб прорычал:

— Вот и рассчитаемся!

Размахивая палашом, он прыгнул на Констанцию. Но барсучиха оказалась проворнее, чем он ожидал. Ловко уклонившись от удара, она сама ударила его по носу. Краснозуб в ответ ткнул Констанцию в бок острием палаша.

Сильнейший удар сбил Краснозуба с ног, выбитый из лап палаш отлетел далеко в сторону. Констанция склонилась над поверженным врагом.

— Ну-ка встань и подбери свое оружие, — приказала она.

Вставая, Краснозуб схватил горсть земли и бросил ее Констанции в глаза. Протирая лапами запорошенные глаза, та отступила. Краснозуб схватил палаш и несколько раз вонзил его в барсучиху.

И тут его объял ужас. Раненая барсучиха схватила палаш за клинок и сломала его пополам. Отбросив обломки палаша в кусты, она обеими лапами ухватила врага за хвост.

Краснозуб завопил от страха. Еще бы! Он почувствовал, что поднимается высоко в воздух. Его хвост натянулся как струна, воздух засвистел в ушах, деревья

слились в единую зеленую полосу. Словно метатель молота, Констанция поворачивалась на задних лапах, все быстрее и быстрее, потом резко отпустила крысиный хвост.

Краснозуб пролетел бы изрядное расстояние, не оказавшись в нескольких шагах крепкой сикоморы...

Не обращая внимания на раны, Констанция громко крикнула:

— Э-э-эй, он здесь!

Прихрамывая, она быстро пошла к аббатству.

Вскоре папоротники зашуршали и появился Черноклык. Он подбежал к стонущей лисице — она начала приходить в себя.

— Эй, лиса, что случилось? Где Краснозуб? — встревоженно спросил он.

Потирая голову и пытаясь вспомнить, что произошло, Села поднялась. Перед ней — большой пенёк, на нем — травы и коренья. Рядом — мешок. Обхватив голову обеими лапами, Села пыталась унять боль.

Будь проклята эта барсучиха! Отобрала у нее план, словно желудь у мышонка! Вот тебе и щедрая награда!

Черноклык ткнул Селу в бок копьём:

— Где Краснозуб, я тебя спрашиваю?

Села потрогала языком зуб, едва не выбитый барсучихой.

— Оставь меня в покое. Откуда мне знать, где твой Краснозуб?

А Черноклык все допытывался:

— Я слышал, как Краснозуб кричал.

Села вытянула вперед дрожащую лапу:

— Да вон он, под сикоморой. Ему, кажется, тоже не поздоровилось.

Черноклык тронул Краснозуба лапой:

— Ух ты! Да он мертвый! Смотри, его палаш пополам сломан.

Лисица и крыса посмотрели друг на друга. Сейчас они думали об одном и том же. Обоим было ясно: надо спасти свою шкуру.

— О-хо-хо, — сказала Села. — Надо придумать, что скажем Клуни, когда вернемся.

И они зашагали через ночной лес, сочиняя по дороге правдоподобную историю для Клуни Хлыста.

В этот вечер военачальники вновь собрались в покоях аббата на позднюю трапезу. План, который принесла Констанция, говорил о том, что Клуни скоро опять нападет на аббатство.

Аббат Мортимер заговорил первым:

— Констанция доставила нам бесспорные доказательства. Клуни не успокоится, пока не захватит аббатство.

Аббат хлопнул лапой по принесенному барсучихой плану:

— Я уже говорил, я не буду заниматься военными делами. Мне надлежит лечить раненых и кормить голодных. А готовиться к обороне — это ваша задача.

Матиас поднял лапу:

— Отец настоятель, нам надо не только обороняться, но и нападать.

Раздались одобрителные возгласы.

Аббат склонил голову и спрятал лапы в широких рукавах облачения.

— Ну что же, да будет так, — провозгласил он. — Я предоставляю спасение Рэдволла вам, мои военачальники.

Аббат удалился; в комнате остались Матиас, Констанция, Винифред, Кротоначальник и Амброзий Пика.

Потом к ним присоединились заяц Бэзил Олень и белка Джесс. Вскоре пришел и Мафусаил — он внимательно слушал всех, одобрял одни предложения и возражал против других, охлаждал запальчивых и подбадривал застенчивых. Военный совет продолжался почти до зари.

Бэзил настоял на том, чтобы отвести Констанцию в лазарет, где осмотрят ее раны. Идти в лазарет барсучиха не хотела.

— Подумаешь! Столько шума из-за нескольких царапин, — ворчала она.

Заяц громко прищелкнул языком:

— Несколько царапин! Вы только послушайте эту героиню! Моя дорогая Констанция, это не царапины, это славные боевые ранения, полученные на поле брани.

Чуть ли не силком Бэзил и Джесс увели Констанцию в лазарет. Остальные пошли спать, а Матиас и Мафусаил решили перед сном подышать свежим воздухом.

— Знаешь, я не могу избавиться от мысли, что мы победим лишь в том случае, если найдем меч Мартина, — сказал Матиас.

Мафусаил задумчиво кивнул ему в знак согласия:

— Пожалуй, ты прав. Но, увы, придется смириться с тем, что меч потерян нами навсегда.

Старик привратник тяжело оперся на лапу друга, и они не спеша пошли дальше. Разговор зашел о нападении воробьев на Джесс.

Мафусаил обернулся к Матиасу:

— Воробьи — очень опасные птицы. Воинственные и задиристые. К счастью, они нападают лишь на тех, кто вторгается на их территорию, как это и случилось сегодня. Кстати, ты видел воробиху, которую подбили наши лучники?

— Еще бы! — ответил Матиас. — Констанция посадила эту маленькую забияку в корзину. Стрела ее только оцарапала, так что она свалилась скорее от неожиданности. Говорит, зовут ее Клюва.

— Так тебе удалось даже поговорить с ней? Удивительно! Их язык довольно трудно понять.

— Да как тебе сказать, — ответил Матиас. — Мне их язык не показался слишком трудным, да и эта дикарка меня, кажется, тоже понимала.

— И что же тебе сказала эта Клюва?

— Да ничего особенного! — ответил Матиас. — Мол, или она сама, или их вождь, король Бык, убьет меня. По всей видимости, всякий, кто не умеет летать, для нее — враг.

Они подошли к главным воротам. Старик пригласил Матиаса зайти к нему. Казалось, разговор о воробьях очень его заинтересовал. Войдя в келью, он принялся листать свои записи.

— Так, посмотрим. «Лето Великой Суши»... «Зима Глубоких Сугробов»... Это должно быть где-то здесь. Помнишь, я рассказывал тебе, как года четыре назад лечил ястреба-перепелятника? Ястреб рассказывал о

воробьях, называя их, кстати, крылатыми мышами, хотя я не вижу никакого сходства между цивилизованными мышами и этими примитивными дикарями. Суть, однако, не в этом. Ястреб говорил, что слышал, будто воробьи украли из нашего аббатства что-то очень ценное, но не сказал, что именно. Я тогда решил, что он просто пересказывает слухи. А надо было порасспросить его, — может быть, он знал, что именно украли у нас воробьи.

— Ты думаешь, меч?

Старик легонько похлопал рукой по книге:

— Возможно. Видишь ли, воробьи не враждуют и не дружат с нами, они никогда не прилетают к нам в аббатство. Но там, на крыше, — это другое дело. Они считают ее своей территорией. И насколько я понимаю, единственный принадлежавший нам ценный предмет, который находился там, — это меч, хотя мы о нем и не знали. И кто, кроме птиц, мог знать о том, что воробьи его украли?

Клянусь усами, — взволнованно сказал Матиас, — ты попал прямо в яблочко. Как полагаешь, наша пленница может что-нибудь об этом рассказать?

Глаза Мафусаила недобро сверкнули.

— Дай мне свой кинжал. Сейчас я произведу небольшой опыт. Пойдем.

Мафусаил направился к корзине, стоявшей около стены аббатства. Изнутри не доносилось ни звука. Мафусаил постучал кинжалом по дну корзины.

Клюва, которая, вероятно, дремала, зло зачирикала:

— Червь, червь, мышечервь! Прочь, иначе Клюва убьет!

Мафусаил изо всех сил старался говорить грозно:

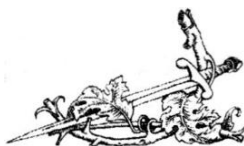
— Молчи, грубиянка, а не то насажу тебя на этот кинжал, вместе с твоим королем, если, конечно, он осмелится пожаловать сюда!

— Ха, убей Клюву! Король Бык не убить маленький мышинный кинжал! Король Бык иметь большой меч! Порубить всех мышей!

— Слышишь, Матиас? — засмеялся Мафусаил. — У воробьиного короля есть большой меч!

Матиас запрыгал от радости:

— Мафусаил, ты — настоящий волшебник!

Удобно устроившись на взбитых подушках, Клуни потягивал из кружки ячменное пиво и слушал рассказ Селы и Черноклыка. Излагая свою лживую историю, оба ерзали на месте, стараясь не противоречить друг другу и не встречаться с холодным взглядом Клуни.

— Стучилось вот что, хозяин, — мямлил Черноклык. — Мы со стариной Краснозубом присматривали за лисицей, и тут вдруг Краснозуб услышал в лесу шум, ну и пошел разведать, что там такое.

— Откуда был шум? — рявкнул Клуни. Обманщики заговорили одновременно.

— С севера, — сказала Села.

— С запада, — сказал Черноклык.

— То есть с северо-запада, я хотела сказать, — поправилась Села.

— Ну и что же дальше? — спросил Клуни.

Черноклык снова раскрыл пасть:

— Видишь ли, хозяин, его не было очень долго. Мы звали его, но он не отвечал.

— И тогда мы пошли его искать, — вставила Села.

Клуни, поигрывая кружкой, сверлил лисицу взглядом.

— Мы все искали и искали его, — забормотала Села, — но нашли лишь трясину...

— ...которая бесследно поглотила беднягу Краснозуба, — ехидно закончил Клуни, — Но скажи мне, Черноклык, откуда у тебя эти синяки и царапины?

Села поспешила на помощь:

— Он упал в колючий кустарник.

— Что? Ах да, я искал, искал Краснозуба и не заметил колючих кустов.

Оскалив желтые клыки, Клуни зло рассмеялся:

— Значит, ты упал в колючий куст, который наставил тебе синяков под оба глаза, порвал ухо и перещарапал тебя всего?

Черноклык смотрел в пол. Он дважды сглотнул, прежде чем ответил упавшим голосом:

— Выходит, что так, хозяин.

В голосе Клуни зазвучала издевка:

— А потом, наверное, прилетели три крылатые свинки и каждая дала тебе по засахаренному яблочку?

— Ну да, то есть о чем это вы, хозяин?.. Ой! — Черноклык аж подпрыгнул, потому что Села с силой пнула его лапой, чтобы он замолчал.

— Эй, лиса! — прорычал Клуни. — А где та особая трава, которую ты ходила искать?

— Особая трава? — растерялась Села.

— Проваливайте! — заорал Клуни в ярости.

Крыса и лисица, едва не застряв в дверях, выбежали вон. Клуни откинулся на подушки и усмехнулся. Отлично! Краснозуб мертв, да и черт с ним! Краснозуб был честолюбив, а Клуни ценил честолюбие только в самом себе.

В глубине Леса Цветущих Мхов ночной ветерок слегка колебал верхушки деревьев. В безоблачном небе висела полная луна.

— Асмодеус, Асмодеус-с-с-с.

Блестящие черные глаза всматривались в ночь, раздвоенный язык пробовал воздух, травинки содрогались от прикосновений длинного чешуйчатого тела.

— Асмодеус, Асмодеус-с-с-с.

Тихо шурша, неприметный, как тень, огромный аспид осматривал свои владения. Он был приучен к терпению и скрытности. Он мог часами лежать неподвижно, ожидая, когда какая-нибудь ничего не подозревающая зверюшка подойдет к нему достаточно близко. Иногда в поисках птичьих яиц или спящих в гнездах птиц он заползал на деревья. Ночная охота не всегда бывала удачной, и аспид оставался голодным. Но терпение и скрытность, терпение и скрытность — это было его девизом. У ствола сикоморы аспид наткнулся на бездыханное тело Краснозуба. Вот так сюрприз! Еще одна крыса, не надо тратить яд и прибегать к гипнозу.

— Асмодеус, Асмодеус-с-с-с.

Пасть асида распахнулась в жутком подобии улыбки.

Матиас не работал вместе со всеми на укреплении главных ворот. Совет решил, что они с Мафусаилом могут взять себе помощника и поступать так, как сочтут нужным. Мыши Рэдловла считали, что Матиас последнее время ведет себя несколько странно. Он гулял по аббатству, а за ним на поводке вприпрыжку скакала Клюва. К здоровой ноге птицы Матиас привязал камень: не слишком тяжелый, но достаточный, чтобы она не могла взлететь или напасть исподтишка. Пленная воробыха прыгала за Матиасом, куда бы он ни пошел.

Сперва Клюва бесновалась и угрожала. В ответ на ее угрозы Матиас только

сильнее натягивал поводок и ускорял шаг. Если же пленница вела себя прилично, он давал ей кусочки засахаренных орехов. Вскоре его усилия начали давать свои плоды.

Однажды Матиас остановился возле главных ворот передохнуть и дал воробьишке немного орехов.

— Вот так, хорошая птичка, вот и славно, — сказал он.

Клюва насупилась, но орехи съела с видимым удовольствием.

Мафусаил высунулся в окно и позвал Матиаса:

— Зайди ко мне в келью. И прихвати с собой эту крылатую дикарку.

Едва они вошли в захламленную келью, старик вытащил какой-то пожелтевший фолиант.

— Это перевод чертежей аббатства, сделанный сестрой Жерменой. Кажется, я нашел здесь то, что мы ищем. Смотри.

Матиас принялся внимательно изучать чертеж, на который указал ему Мафусаил.

— Замечательно! — наконец воскликнул он. — Тебе снова удалось найти ответ! Получается, на крышу аббатства есть ход изнутри.

Мафусаил подышал на очки и протер их тыльной стороной лапы.

— Вообще-то следует благодарить не меня, а сестру Жермену. А теперь смотри, как нужно идти.

Матиас вышел от Мафусаила только через час. Клюва покорно ковыляла за ним.

— Значит, — бормотал он, — нужны пять или шесть крепких веревок, крючья, молоток. Еще заплечный мешок, чтобы все это сложить, запас еды и питья и засахаренные орехи для тебя, Клюва.

Констанция и Амброзий Пика увидели Матиаса с воробьиной издалека. Барсучиха постучала себя по лбу:

— У него чердак не в порядке.

— На этом чердаке воробьи завелись, — хихикнул еж.

На верхнем этаже главного здания аббатства, в середине коридора, почти касаясь квадратного деревянного люка в потолке, стояла стремянка. Возле нее Матиас ждал Мафусаил с Ключовой на поводке.

Он передал ему аккуратно вычерченный план:

— Здесь все отмечено. Через люк ты попадешь на чердак. Иди направо до стены, справа в стене будет проход. Пройдя через него, окажешься примерно на половине высоты Большого зала — там между колоннами арки есть карниз. Оттуда надо взобраться на следующий карниз, идущий вдоль окон с витражами, а затем подняться по выступу, что возле первого окна слева. Оттуда попадешь на деревянную балку, которая идет вдоль внутренней стороны крыши. Где-то над этой балкой есть еще одна чердачная дверь. Тебе придется искать ее самому. Дальше я ничем помочь не могу, придется тебе действовать самостоятельно.

Старик положил лапу на плечо своего молодого друга, голос его дрогнул:

— Удачи тебе, Матиас.

Поднявшись по лестнице, Матиас сильным ударом выбил люк и сдвинул его в сторону. Тотчас он прикрыл лапой глаза и закашлялся: сверху на него посыпалась вековая пыль. Волоча на поводке свою пленницу, он вылез на чердак. В полумраке Матиас с трудом различил справа от себя пробивавшуюся издалека полоску бледного света.

— Вон дыра, что старый червяк сказал, — чирикнула Клюва.

— Эй, выбирай выражения! — сказал Матиас сквозь зубы и, натянув поводок, зашагал направо. Почти тотчас он споткнулся о потолочную балку и упал.

Клюва в мгновение ока бросилась на него. Вцепившись когтями в шею Матиаса, птица стала клевать его в затылок, мышонок и головы не мог поднять.

Матиас нащупал ногу воробьихи и, крепко схватив ее, с силой дернул. Оказавшись наверху, он тотчас выхватил из ножен кинжал.

— Слушай, Клюва, — задыхаясь, проговорил он, — вторая такая выходка будет последней.

Оба лежали, глядя друг другу в глаза и тяжело дыша. Клюва злобно зачирикала:

— Будет случай — Клюва убьет мышь. Воробьи не сдаются, ясно?

Безжалостно дернув за поводок, Матиас поднялся с пола. Он волоком подтащил птицу к проходу и, выпихнув ее наружу, протиснулся следом.

Они оказались на карнизе, высоко над Большим залом. Не говоря ни слова, Матиас подтолкнул Клову, и та камнем полетела вниз. Туго натянув поводок, она повисла на ошейнике. Матиас крепко сжимал поводок обеими лапами, а воробьиха, трепеща крыльями, раскачивалась высоко над полом Большого зала.

— Обещай вести себя прилично, или сейчас же полетишь вниз! — крикнул Матиас.

Клюва, сердце которой судорожно колотилось, хорошо понимала, что полностью находится во власти противника.

— Клюва не хочет умирать, — пропищала воробьиха. — Я буду хорошая. Даю слово.

Матиас поднял птицу на карниз. Они сели рядом и выпили из фляжки воды, оба усталые и покрытые пылью. Матиас все еще не доверял своей пленнице.

— А крепко ли слово воробья? — недоверчиво спросил он.

Клюва выпятила грудь:

— Воробьиное слово самое крепкое. Клюва не лжет. Клянется жизнью матери. Страшная клятва.

Ну что же, подумал Матиас, похоже, Клюва поняла, что шутки с ним плохи.

Села и ее сын притаились в углу комнаты. Они понимали, что угодили в ловушку. С тех пор как погиб Краснозуб, они явно попали в немилость.

Неожиданно Клуни окликнул Селу:

— Эй, лиса, убирайся отсюда вместе со своим ублюдком, но помни — из лагеря ни ногой. Позови ко мне Темнокогтя и этого болтливого хорька, как его, Кроликобоя.

Лиса не заставила себя упрашивать и вместе с сыном выбежала из комнаты.

С бравым видом вошли Темнокогть и хорек, — правда, они не знали, радоваться им или печалиться. От Клуни можно было всего ожидать.

Вытянувшись в струнку, они воскликнули в один голос:

— Мы здесь, хозяин!

Клуни вылез из постели и зашагал по комнате — лапы его уже вполне окрепли. Он подошел к своим подчиненным и, встав к ним боком, спросил:

— Мне нужен специалист по подкопам.

Кроликобой тотчас выпятил грудь колесом:

— Подкопы — это по моей части. Мы, хорьки, ласки и горностаи, в рытье ни в чем не уступим кротам.

Мы и подкопать можем, и подгрызть, и затопить подземные ходы.

Клуни ударил древком штандарта в пол:

— Ты можешь собрать отряд из тех, кто умеет рыть подкопы?

Кроликобой показал лапой на дверь:

— Да они, ваша честь, тут рядом. Готов хоть сейчас привести!

— Вот и отлично! Ступай, да пошевеливайся.

Кроликобой отсалютовал и тотчас исчез. Клуни хвостом притянул к себе Темнокогтя и вполголоса спросил:

— А тебе когда-нибудь приходилось делать подкопы?

Тот сокрушенно покачал головой. Клуни неожиданно обнял его за плечи:

— Ничего, у меня для тебя тоже найдется дело. Нельзя ведь, чтобы вся слава досталась хорькам и ласкам, верно? Ты всегда был надежным солдатом, Темнокогть. Я думаю, на тебя можно положиться, а?

Темнокогть с готовностью кивнул.

Вскоре Клуни уже совещался с отрядом, который привел хорек Кроликобой. Внезапно дверь распахнулась. В комнату вошел Сырокрад, кончиком копыя он подталкивал Селу и Куроеда.

— Это что еще такое? — спросил Клуни.

Сырокрад злорадно ухмыльнулся:

— Привел к тебе лисиц, хозяин. Они подслушивали за дверью, а я их застукал.

Тупым концом копыя он сбил лисиц на пол. Лисы, сжавшись в комок и дрожа, клялись в своей невинности:

— Нет, нет, сэр! Мы не подслушивали.

— Мы просто прислонились к двери, чтобы отдохнуть немного. Мы ведь простые лекари, ничего больше.

Клуни понимающе кивнул:

— Разумеется. И кроме того, вы хотели помочь нам копать, не так ли?

Дрожащий от страха Куроед невольно выдал себя:

— Верно, сэр. И если вам нужна наша помощь, мы будем рыть подкоп не хуже остальных.

Клуни с кулаками набросился на Куроеда:

— А разве я что-нибудь говорил о подкопе? Изменники! Вы уже поняли, что мой план штурма был уловкой, и теперь знаете, что я задумал на самом деле.

Нервно облизывая пересохшие губы, Села с мольбой смотрела на Клуни, но в его единственном глазу не было видно ни искры милосердия.

— Ты слишком много знаешь, лисица. Вы затеяли опасную игру! Но Клуни не так-то просто перехитрить. Вы проиграли!

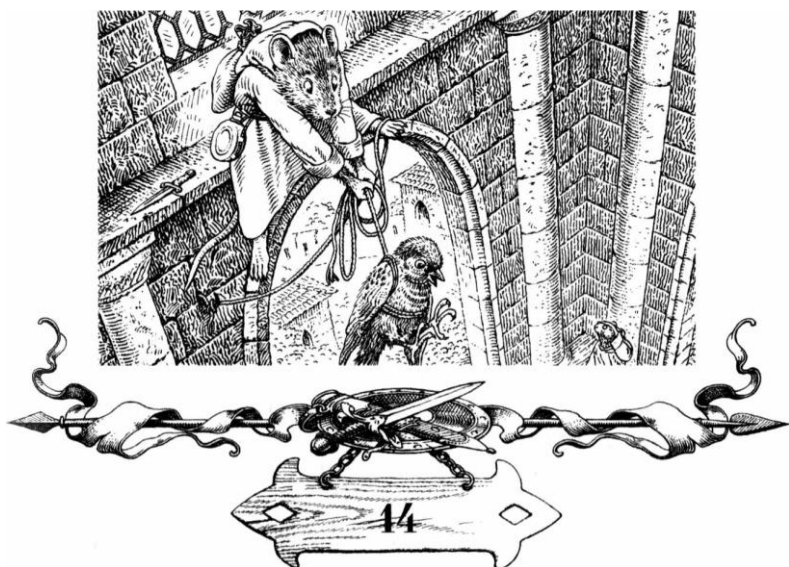
Лисы, царапая пол когтями, жалобно заскулили. Клуни стоял над ними, наслаждаясь своей властью. Наконец он подал знак Сырокраду и Темнокогтю:

— Уберите с глаз моих этих презренных предателей. Я полагаю, вам не надо советовать, как с ними следует поступить.

Визжащих, тщетно умоляющих о пощаде лисиц уволокли прочь. Клуни повернулся к хорькам и ласкам:

— Продолжим наш разговор о подкопе.

Матиас и Клюва поднимались все выше и выше. Путь вверх по арке, к витражным окнам, оказался долгим и трудным. Чтобы воробьихе было легче идти, Матиас отвязал камень от ноги птицы, но зато связал ей крылья. Время от времени ему приходилось забивать в стыки между камнями железные крючья. Он старался не смотреть вниз, чтобы от жуткой высоты не закружилась голова.

Самым опасным местом оказалась верхушка арки, здесь нужно было перелезть через каменный выступ. Матиасу пришлось подтягиваться на вбитых им крючьях, полагаясь только на силу своих лап и ловкость. Стиснув зубы, он наконец добрался до верхушки арки и, подтянувшись, бросил свое

тело вверх и вбок, так что задние лапы оказались на карнизе, который проходил под витражными окнами. Напружинившись, он перекатился на безопасную плоскую поверхность.

Передохнув минуту, он с помощью веревки подтащил наверх и Клюву, которую оставил у основания арки.

Прислонившись к витражным стеклам, они пообедали. Вдруг Клюва громко рассмеялась:

— Матиас совсем красный.

— А ты посмотрела бы на себя: вся синяя, — ответил Матиас.

Солнечные лучи, проходя через витражи, окрасили мышонка и воробиху в разные цвета. Пока они обедали, Клюва подставляла голову то под одно стекло, то под другое.

— Гляди! Сейчас я зеленая, сейчас снова синяя, сейчас красная!

Поев и отдохнув, Матиас решил подниматься по каменной колонне, разделявшей окно посередине. Колонна была покрыта резными выступами и углублениями, забираться по ней было довольно легко. Вскоре они уже забрались на деревянную балку у самого основания крыши. Балка была узкой, идти по ней приходилось сильно пригнувшись, так как потолок был здесь совсем близко.

Ни Матиас, ни Клюва не заметили, что через витражное окно за ними наблюдал воробей. Вскоре он улетел прочь.

Остановившись, Матиас воткнул кинжал в потолок, чтобы было за что держаться, пока он отыскивает взглядом следующую дверь.

— Ага! — сказал он. — Вижу! Вон там, слева. Тебе придется идти первой, Клюва.

Та, не возражая, пошла вперед. Неожиданно кинжал, за который держался Матиас, вырвался из потолка. Мышонок, потеряв равновесие, беспомощно взмахнул лапами и стал падать на воробыху. Воробыха крепко схватила его клювом, а кинжал, вертясь, полетел вниз — спустя несколько секунд до них донесся слабый звук удара.

— Ух ты! — произнес Матиас дрожащим голосом. — Я уж думал, конец. Спасибо тебе, Клюва, ты спасла мне жизнь.

Они медленно, шаг за шагом приближались к двери на верхний чердак. Но оказалось, что дверь находится высоко над балкой и ни один из них не может до нее дотянуться. Матиас тяжело вздохнул. Он сел на балку, болтая ногами и злясь на себя.

— Как глупо! Ползти в такую высь только затем, чтобы посидеть на балке!

Воробыха толкнула его лапой:

— Почему Матиас не развяжет Клюву? Клюва летает, открывает маленький черведверь.

Матиас тупо посмотрел на нее. Клюва повторила:

— Ты не слушаешь. Клюва говорит: резать веревку, лететь высоко-высоко, открывать дверь.

— Тогда дай мне воробьиное слово, что не улетишь на все четыре стороны.

— Хорошо. Дает воробьиное слово. Обещает не улетать.

Матиас развязал веревку, и воробыха, расправив крылья, попробовала взмахнуть ими.

— Долго не летать. Но я летать хорошо, гляди.

И она прыгнула с балки вниз. Наслаждаясь полетом, Клюва показала своему спутнику несколько сложных пируэтов. Затем, подлетев к двери, она уцепилась когтями за защелку.

— Берегись! Дверь открывается — падает на мышь.

Матиас попятился, а воробиха открыла защелку, и дверь, откинувшись вниз, повисла на петлях. Закружилось, оседая, облако пыли.

Матиас вскарабкался по двери, как по лестнице. В чердачном полумраке он увидел над собой сводчатый потолок. Матиас окликнул Ключу. Когда она подошла, он отстегнул ошейник и поводок и, спрятав их в мешок, потрепал свою пернатую спутницу по крылу:

— Ключа, я больше не стану держать тебя в неволе. Ты — вольная птица и настоящий друг.

Та взглянула на Матиаса с благодарностью:

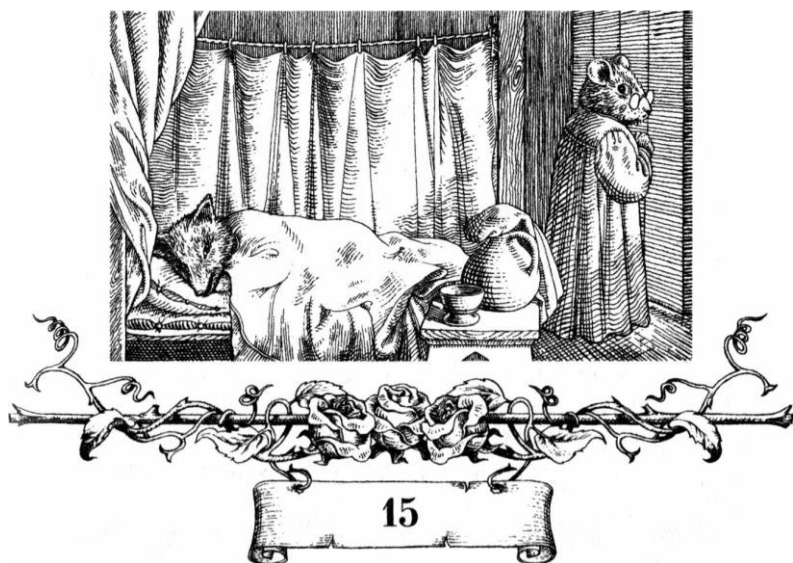
— Матиас, друг мышь, Ключа не уходит, остается с тобой.

Они осмотрели потолок. Ключа, летая под самым потолком, первой увидела тот последний люк, который им был нужен.

Подобраться к потолочному люку Матиасу было уже нетрудно. Люк открывался наружу и оказался очень тяжелым. Вдвоем с воробихой они налегли на него, и наконец, громко заскрипев, люк открылся.

Когда Матиас и Ключа очутились наверху, их плотным кольцом окружили воробьи. Птицы, громко чирикающая и переругиваясь между собой, набросились на Матиаса, множество лап тотчас придавили его к полу с такой силой, что он не мог пошевелить даже усами. Неожиданно чириканье и руганье прекратились. Толпа птиц расступилась, к Матиасу подошел большой, сильный воробей. Он взглянул на мышонка блестящими безумными глазами:

— Мышечервь — мой пленник! Здесь Воробьиный Двор! Я король Бык!

Мела Селы и Куроеда лежали в придорожной канаве. Крысы проткнули лисиц копытами и сбросили их в глубокую глинистую канаву. Села лежала неподвижно, ее вечно бегавшие по сторонам блестящие глаза теперь были мертвыми, остекленевшими.

Но Куроед вскоре пошевелился и застонал — он был еще жив.

Во всем теле — адская боль. Когда крысы проткнули копытами заднюю лапу и загривок, Куроед упал, и крысы пинками сбросили его в канаву. От боли Куроед потерял сознание. Затем крысы сбросили с дороги тело его матери — оно упало прямо на него.

Крысы решили, что обе лисицы мертвы, а если и нет — все равно сдохнут.

С трудом Куроед пришел в себя. Он лежал неподвижно, придавленный мертвым телом Селы. Убедившись, что все спокойно, он выбрался из-под трупа своей матери.

Не испытывая ни малейшего сострадания к родительнице, Куроед стал обдумывать, что же ему делать дальше. Придется проторчать в этой вонючей канаве до темноты. Зато он знает, что задумал Клуни. Аббат, без сомнения, щедро его вознаградит!

Дожидааясь темноты, Куроед стал готовиться в дорогу. Прежде всего он вывалился в глинистой грязи, она панцирем облепила его тело, остановив кровь из ран. Вскоре он, хромая, побрел по дну канавы к Рэдволлу.

Идти было тяжело, лапы болели, но Куроед подбадривал себя: «Села не справилась с бандой безмозглых крыс. Конечно, она была слишком стара, но я молод и умен. Этим паршивым крысам не одолеть меня! Им еще придется пожалеть, что я не на их стороне!»

Через несколько часов впереди показались стены аббатства, и Куроед стал карабкаться наверх. Цепляясь за свешивающиеся в канаву кусты, лис в конце концов выбрался на дорогу.

Совершенно выбившись из сил, Куроед упал в дорожную пыль. Он не мог сделать больше ни шагу.

Молчун Сэм ходил за Василикой по пятам — он охранял ее, пока она разносила горячий суп ночным часовым на стенах аббатства. Перепрыгивая с камня на камень, он разил своим маленьким кинжалом воображаемых врагов.

Неожиданно бельчонок застыл над главными воротами аббатства и, указывая кинжалом вниз, на дорогу, поманил Василику и Амброзия.

Амброзий вперевалку подошел к Сэму и глянул вниз.

— Оказывается, наш солдатик очень зорек. Там внизу кто-то лежит, но, лопни мои глаза, он так вымазан в глине, что и не разберешь, кто это такой, — проворчал еж. — Пойду за подмогой.

Василика и Сэм остались на стене и видели, как Амброзий, белка Джесс и Кротоначальник вышли из ворот. Ворота охранял отряд мышей под началом Бэзила Оленя.

— Смотрите в оба! — вполголоса сказал заяц. — Вдруг там засада?

Куроеда внесли в ворота аббатства. Любопытные мыши тотчас стали расспрашивать его:

— Тебя так отделали твои друзья крысы?

— И с чего это ты удумал на дороге-то валяться?

Голова Куроеда бессильно моталась из стороны в сторону в такт шагам носильщиков, он твердил одно:

— Я должен видеть аббата. Только уберите от меня подальше эту барсучиху, а то я ничего не скажу.

Бэзил догнал Амброзия:

— Наверное, надо и впрямь отнести этого негодяя к аббату. А то он, чего доброго, так и отдаст концы, не успев рта раскрыть.

Куроеда внесли в главное здание аббатства и положили на скамью. Вскоре, протирая заспанные глаза, появился аббат Мортимер в ночной рубашке. Он бегло осмотрел раны лиса и спросил:

— Что тебе от нас нужно? Клунни послал тебя шпионить за нами?

Куроед отрицательно покачал головой:

— Дайте мне воды.

Белка Джесс показала лису кувшин с водой, но пить не дала.

— Сначала скажи отцу настоятелю, чего тебе нужно от него, пройдох, — сурово сказала она.

Лис протянул дрожащую лапу к кувшину, но Джесс тотчас отступила назад.

— Сперва говори. Потом получишь воду, — настаивала она.

Вид раненого вызывал у настоятеля жалость, но он все-таки решил пока не вмешиваться — Джесс знает, что делает.

— Крысы хотели меня убить, — прохрипел лис. — Моя мать, Села... она убита. Я знаю, что задумал Клуни на самом деле. Дайте мне воды, я вам все расскажу. — С этими словами Куроед потерял сознание.

— Будь моя воля, я не стала бы тратить время и переводить лекарства на эту падаль, — проворчала Джесс.

Амброзий Пика в задумчивости поскреб затылок:

— Это точно, Джесс, я бы тоже не стал. Но, может, он и вправду хочет сообщить нам нечто важное, иначе зачем ему было тащиться сюда, да еще в таком виде?

— Амброзий, пожалуй, прав, — сказал аббат. — Отнесите раненого в лазарет.

Выдра Винифред и аббат Мортимер сидели у постели Куроеда, ожидая, когда он придет в сознание. Наконец лис заскулил и, открыв глаза, обвел взглядом маленькую уютную комнату.

— Как больно! Где я? — простонал он.

Винифред заботливо поднесла миску воды к потрескавшимся губам лиса.

— Выпей и лежи спокойно, — сказала она.

Куроед принялся жадно хлебать воду, а аббат заговорил:

— Сейчас ты в лазарете аббатства Рэдволл. Пока я еще не знаю, насколько серьезны твои раны. Когда ты немного окрепнешь, мои друзья отмоют тебя от глины и перевяжут.

Куроед не верил своим ушам:

— Я могу здесь остаться? Вы мне верите?

Аббат вытер капли воды с подбородка лиса.

— Послушай меня, сын мой. Мы не прогоняем никого, кроме врагов, которые являются сюда, чтобы причинить нам зло. В аббатстве Рэдволл ухаживают за всеми больными и ранеными — это наш долг. Ты можешь пользоваться нашим гостеприимством до тех пор, пока не поправишься.

— Таран — только прикрытие! — выпалил Куроед, — Пока вы будете оборонять ворота, Клуни сделает подкоп. Я не знаю точно, где он станет копать, но мне известно, что он готовит подкоп.

— Этот Клуни — настоящее исчадие ада, — сказал аббат. — Он не остановится ни перед чем, сын мой. Я верю, что ты сказал правду. Но почему ты, рискуя жизнью, приполз к нам? Какое тебе дело до аббатства?

Куроед изобразил на своей морде скорбь и ярость:

— Потому что они убили мою мать Селу. Я не успокоюсь, пока не отомщу убийцам.

Аббат легонько пожал лисью лапу:

— Благодарю тебя за правдивые слова. А теперь закрой глаза и постарайся заснуть.

Как только аббат вышел, Куроед блаженно растянулся на чистых белых простынях. Он уже чувствовал себя намного лучше и тихо засмеялся. Пусть мыши воюют с крысами, пусть крысы воюют с мышами, ему-то что за дело до этого? О, Рэдволл — настоящий клад для хитрого лиса!

Мемное Крыло была матерью Клювы и сестрой грозного короля Быка. Когда она узнала, что ее дочь сбили стрелой, она решила, что ее убили. Теперь, увидев дочь живой и невредимой, она то ругала ее, то обнимала. Среди стоявшего вокруг шума и гама Клюва, быстро чирикавая, рассказала матери обо всем, что с ней случилось.

А Матиас в это время лежал на полу, прижатый лапами свирепых воробьев. Повернув голову набок, он попытался рассмотреть чердак, который король Бык предпочитал именовать Воробьиным Двором.

Чердак, над которым буквой «Л» сходилась остроконечная крыша аббатства, служил приютом беспокойному и драчливому

воробьиному народу. Повсюду были воробьиные гнезда, все до одного, казалось, набитые пищащими птенцами. Один угол отгораживала неровная стена, сложенная из черепицы, — за стеной находились покои короля. А выше, как понял Матиас, был только флюгер.

Король воробьев отличался крутым нравом. Заметив, что Матиас с любопытством оглядывается по сторонам, он тут же сильно пнул его ногой.

— Что хочет мышечервь при дворе короля? — выкрикнул он.

Матиас, понимая, что сейчас не время для неприужденной светской беседы, прокричал в ответ громко, словно глашатай:

— О король! Я пришел вернуть тебе одного из твоих храбрых воинов!

Эти слова были встречены оглушительным чириканьем, но король хлопнул крыльями, и все мгновенно стихло. В наступившей тишине он, наклонив голову набок, стал внимательно разглядывать наглеца, осмелившегося вторгнуться в его владения.

— Лжешь, мышечервь! Ты не друг воробьям! Мышь — враг! — прочирикал он. — Слово короля — убей врага, бей, бей!

Матиасу пришлось ох как несладко! Воробьи, яростно чирикаая, старались разодрать его когтями и заклевать. И все же ему удалось высвободить одну лапу и оттолкнуть нескольких птиц. Но все новые и новые воробьи налетали на него. Почти над самым ухом звучал безумный голос короля:

— Бей, бей, смерть мыши, бей!

И вдруг Матиас почувствовал, что воробьиный натиск ослаб, — ему на помощь пришли Клюва и Темное Крыло.

— Не убивай мышь! Он спас Клову! Я давала воробьиное слово.

Выслушав любимую племянницу, король одним прыжком подскочил к воинам-воробьям и разметал их, словно солому. Те бросились врассыпную, а король уже провозглашал новый указ:

— Король сказал не убивать мышь! Птенец моей сестры дал воробьиное слово!

Почувствовав себя свободным, Матиас поднялся и отряхнулся.

— Спасибо тебе еще раз, Клова. Ты мой друг, и я уже дважды обязан тебе жизнью.

Король обернулся к двум воробьям:

— Острый Клюв, Быстрый Ветер! Взять мешок. Проверить, что имеет мышь.

Воробьи быстро сорвали мешок у Матиаса со спины, но никак не могли сообразить, как его открыть. Тогда они разорвали материю коготками и клювами, и содержимое мешка посыпалось на пол. Матиас отошел в сторону, а король самолично принялся рыться в его скромных съестных припасах.

Вот король отпил воды из фляжки и тотчас выплюнул ее.

— Червей нет, только мышинный червекус, — недовольно объявил он.

Клова, с тоской глядя, как ее дядюшка разрывает пакетик с засахаренными орехами, печально вздохнула. Король недоверчиво попробовал один из них, и лицо его просияло.

— Вот хорошая еда для короля. Плохая для мышечервя. Беру себе.

Он запихал орехи себе под крыло, потом поднял с пола ошейник и поводок и поманил к себе Матиаса:

— Мышечервь, сюда. Мышечервь счастливый — король Бык тебя не убивает.

Матиас, опасаясь перечить взбалмошному королю, подошел. Король туго, едва не задушив Матиаса, затянул ошейник вокруг его шеи, затем пристегнул поводок и громко захохотал. Остальные воробьи подобострастно засмеялись вслед за ним.

У Матиаса закипела кровь в жилах, но он постарался ничем не выказать свой гнев, он отлично понимал: при дворе короля Быка гневаться имеет право только сам король.

Король вручил поводок Клюве и указал своим подданным на Матиаса:

— Воробьиный король милует мышь. Подарок, племянница. Мышь, теперь ты раб моей сестры и ее птенца.

Клюва передала поводок матери:

— Темное Крыло, мать. Хороший воробей, не обижает мышь. Видишь!

Мать Клювы слегка потянула за поводок и улыбнулась Матиасу.

Король обернулся к сестре и племяннице:

— Держать мышечервь поводок. Никуда не пускать, не гулять. Много-много работать. Много-много пинка, вот так.

Король попытался еще раз пнуть Матиаса, но тот ловко увернулся и неожиданно с глупым смехом заплясал и запел веселую песню.

Король стоял, наклонив голову набок, и не понимал, что случилось с Матиасом.

А тот плясал вокруг него и пел:

Под крышею удачно я
Обрел друзей и дом —

Величество чердачное,
Ошейник с поводком!

Он кружился вокруг короля, снова и снова повторяя слова нелепой песни.

Воробьиный король захлопал крыльями и истерически захохотал:

— Ха-ха-ха! Смотри, Острый Клюв! Смотри, Быстрый Ветер! Мышечервь рехнулся в голове. Сумасшедший! Ха-ха-ха!

Через некоторое время воробьи разлетелись: кто в гнездо, кто на поиски червей. Некоторые избранные отправились вместе с королем играть в три перышка — излюбленную азартную игру воробьев. Темное Крыло и ее дочь увели пляшущего Матиаса в свое гнездо под навесом, в самом дальнем конце чердака.

Несмотря на неопрятный внешний вид, гнездо внутри оказалось чистым и уютным. Клюва собрала вещи Матиаса и, завернув их в разорванный мешок, протянула ему.

— Матиас болеет головой? — поинтересовалась она.

Мышонок, с облегчением потягиваясь, ответил:

— Я так же здоров, как и ты. Просто я решил, что лучше притвориться сумасшедшим, чтобы ваш король и его воины таким меня и считали. Может, они оставят меня в покое.

Темное Крыло пристально взглянула на Матиаса.

— Матиас мышь делает правильно, — сказала она. — Король плохой характер. Иногда Темное Крыло думает, король сумасшедший. Лучше он думает, ты мышь неопасный.

— Благодарю тебя, Темное Крыло, — вежливо поклонился Матиас.

Поев, они проговорили несколько часов подряд, и Матиас очень много узнал о жизни и обычаях воробьев. Воробыха Темное Крыло принадлежала к королевской семье. Прошлой весной, спасая жизнь короля, ее муж был убит в битве со скворцами. Король тогда поклялся заботиться о ней и дочери, но сразу же забыл о своей клятве. Гордая воробыха предпочитала не напоминать ему о торжественно данном обещании.

Слушая рассказы о жизни Воробьиного Двора, Матиас не верил своим ушам. Воробьи жестоко дрались друг с другом по ничтожнейшим поводам. К дракам взрослых присоединялись порой даже птенцы. Воробьиное племя не умело разводить огонь. Днем чердак освещался лишь скудными косыми лучами солнца, пробивавшимися в щели между черепицами. Пищу, которая состояла в основном из червей и насекомых, они ели сырой. Воробьи не делали различий между разными видами насекомых, они их всех называли «черви». Поэтому любая еда называлась у них «червекус». «Червем» именовался также любой враг, трус, а также всё, для чего в воробьином наречии не было слов.

Воробьи не придерживались определенного распорядка дня. Все дела, кроме кормления птенцов, они старались оставить на потом — и в итоге вовсе не делали их. Поэтому на чердаке царил ужасающий беспорядок: повсюду пыль, грязь, отбросы.

Матиас постепенно привык к воробьиному языку — он был крайне несложным, хотя и маловразумительным. Правда, некоторые воробьи чирикали с такой скоростью, что, казалось, не понимали самих себя.

Матиас не знал, догадывается ли Клюва, что он лез на крышу за мечом Мартина, но был уверен, что Темное Крыло об этом и не подозревает.

Он уже осмотрел большую часть чердака, но меча нигде не нашел и решил, что тот хранится в единственном недоступном ему месте — в покоях короля. Как же проникнуть в королевские покои? Но даже если удастся добраться до меча — остается еще спуститься вместе с ним вниз, в аббатство...

Матиасу казалось, что он провел на чердаке уже целую вечность, хотя прошел всего-навсего один день. Вечером он сидел около гнезда Клювы, чинил мешок и разбирал вещи. Каждый раз, когда поблизости появлялся какой-нибудь воробей, мышонок глупо улыбался и запевал свою песню. Никто, к счастью, не обращал на него внимания.

Клюва вернулась с охоты и, опустившись на пол, взглянула на Матиаса.

— Я охотится червь, — чирикнула она. — Приносит Матиас одуванчики.

Матиас ответил, подражая ее наречию:

— Клюва — хороший охотник. Мышь любит цветы. Хороший червекус. Где мать Темное Крыло?

Клюва указала крылом на покои короля:

— Темное Крыло делает червекус король. Король нет жена делать еда.

Матиас, изобразив на лице полное отсутствие интереса к королю, подергал ошейник, стараясь немного ослабить его.

— Ошейник давит мышиный шея, — усмехнулся он.

— Король приказывает, — посочувствовала Клюва.
— Нельзя снимать. Жалко.

Матиас стал снова копаться в своих вещах и неожиданно наткнулся на кулек с засахаренными орехами. Он поспешно, чтобы не заметила Клюва, сунул его обратно в мешок.

Клюва и Матиас дружески болтали, пока не вернулась Темное Крыло. Тогда, немного помолчав для приличия, Матиас заговорил с ней:

— Ты часто ходит комната короля?

Воробыха засмеялась и кивнула:

— Король пускает только моя. Ленивый воробей. Сам не делает червекус.

Матиас подошел поближе и заговорщически зашептал:

— Ты помнит, король любит сладкий орехи? Моя находит еще. Ты братъ моя. Давать орехи король Бык.

Темное Крыло смотрела на Матиаса недоверчиво:

— Зачем мышь давать орехи король?

Мышонок вздохнул:

— Король отпускает мышь свобода. Хочет назад, в мышедом.

Затаив дыхание, Матиас наблюдал за воробыхой. Наконец она улыбнулась:

— Хорошо, Матиас. Попытка. Не опасно. Только помнить, не делать король плохой настроение. Король убить мышь быстро-быстро.

Матиас вытащил пакет с орехами.

— Спасибо, воробыха-мать, — сказал он. — Мышь не делает тебе беда. Орех делает король счастливый, увидишь.

Ведя за собой на поводке Матиаса, Темное Крыло постукала крылом в черепичную стену королевского гнезда. В ответ послышалось раздраженное:

— Прочь, воробей! Король хочет спать.

Темное Крыло понимала, что они выбрали не самое подходящее для визита время, но решила проявить настойчивость и снова постукала.

— Пусти, король брат. Это Темное Крыло и сумасшедший мышечервь. Есть подарок для великий король.

Дверь приоткрылась, из нее высунулась взъерошенная голова короля — он хлопал спросонья глазами и зевал.

— Величество не любит, когда будят, — проворчал он.

Едва войдя в королевский покой, Матиас запрыгал вокруг короля и запел свою песенку. Выхватив кулек с орехами, он вынул один и бросил его прямо в клюв остолбеневшему королю.

— Мышечервь найти орехи для великий король Бык, — хихикал Матиас. — Сразу ходит сюда. Может быть, мышь отдает король все орехи. Король отпускает мышь домой.

Жадно глядя на сверток, король тотчас расколол и проглотил орех.

— Ха, мышечервь отдать король все орехи. Величество думать много-много великие вещи. Моя думать, гм, может быть, отпускать мышь домой.

Матиас вприпрыжку подбежал к королю и, опустившись на одно колено, протянул ему кулек. Король выхватил орехи и, закрыв в упоении глаза, стал есть.

Матиас обвел королевские покои взглядом, но поначалу не заметил ничего необычного. В углу стояло неведомо как попавшее на чердак огромное кресло с мягким сиденьем. И вдруг Матиас заметил, что из-за спинки кресла что-то высовывается. Это был какой-то старинный предмет, сделанный из черной, богато отделанной серебром кожи. Из точно такой же кожи, как та, из которой была сделана перевязь для меча Мартина!

Это же ножны меча Мартина! Наверное, и меч спрятан тоже здесь!

Матиасу очень хотелось немедленно заглянуть за кресло, но он понимал, что поспешность может только навредить ему.

Темное Крыло решила напомнить своему брату о данном Матиасу обещании:

— Король съест подарок. Мышь теперь свободен?

Король требовательно вытянул вперед лапу:

— Еще! Мышечервь давать еще орехи подарок величество?

Матиас все еще стоял на одном колене.

— О король, мышь не имеет больше орехи. Все отдать величеству. Теперь отпусти мышь идти домой, — сказал он.

Король клювом очистил остатки орехов со своих перьев, глаза его хитро блеснули.

— Моя говорить, если мышечервь давать много орехов, король отпускать мышь домой. Много орехов! — Король широко раздвинул крылья. — Столько!

Матиас горестно склонил голову:

— Ваше величество, я не имеет больше орехи.

Настроение короля мгновенно испортилось. Он раздраженно скомкал пустой кулек и запустил его в Матиаса.

— Мышечервь искать еще! Еще! — Глаза короля яростно засверкали, перья на шее встали торчком. — Король не спорить сумасшедший мышечервь. Теперь ты уходить, быстро-быстро, или моя убивать. Прочь. Величество спать.

Почувствовав, что король разгневался не на шутку, Темное Крыло не стала медлить, и они удалились.

— Как такой болван может быть королем! — возмутился Матиас.

Темное Крыло попыталась успокоить разозлившего мышонка:

— Матиас не говорить король глупый. Король слышать — Матиас мертвый червь совсем скоро. Все птицы знать, король — могучий воин. Много раз спасать племя от врага. Иногда плохой характер, но не глупый. Король хитрый, только притворяться глупый, как Матиас.

Темное Крыло догадалась, что Матиас пошел к королю вовсе не за тем, чтобы тот отпустил его на свободу. Она была очень мудрой птицей. И Матиас решил играть в открытую.

— Темное Крыло, я хочу тебе кое-что рассказать, — начал он. — Это про мышей, которые живут в аббатстве Рэдволл, и еще про одну мышь, которую звали Мартин Воитель...

Воробыха внимательно выслушала рассказ Матиаса от начала до конца.

— Матиас, Темное Крыло знать! Первый день ты приходишь, я видеть твой пояс. Он такой, как вещь в покоях у короля. Теперь моя рассказывать. Давно-давно, когда мой мать быть яйцо, был король Кровавое Перо. Он украл великий меч с крыши. Меч принес в племя гордость, много смелые бойцы, много сильные птенцы, много-много червекус. Меч висеть Воробьиный Двор. Кровавое Перо умирать, никто не знать как. Бык становиться король. Мой муж Серый Хвост рассказал мне, перед тем как умереть. Бык носить великий меч. Чехол сильно тяжелый. Оставлять чехол в большой стул. Носить меч лапа. Любить слава. Копать меч червей. Мой муж всегда с королем. Один день они охотиться в Цветущие Мхи и встретить большой червь, Ядовитый Зуб. Ядовитый Зуб говорить: «Асмодеус». Король Бык бросать великий меч — бояться Ядовитый Зуб. Большой червь взять меч. Король Бык приказать мой муж, Серый Хвост, достать меч. Серый Хвост лететь, но червь уку-

силь его. Серый Хвост прилететь на двор. Меч оставаться Цветущие Мхи у большой червь. Мой муж умирать. Король Бык говорить — скворцы. Неправда. Тогда Клюва быть яйцо, не знать, почему умирать отец.

Матиас с состраданием взглянул на Темное Крыло, которая еле сдерживала слезы. Он осторожно погладил ее по перьям:

— Серый Хвост был могучим воином, он не испугался Ядовитого Зуба. Ты счастливая: Клюва — его птенец, вся в отца. А что же ножны?

— Моя говорить про ножны, — с горечью ответила Темное Крыло. — Король бояться сказать племени, что великий меч нет. Он не знать, что Серый Хвост сказать мне. Король говорить, меч лежит в ножны. Потому оставаться король. Если моя сказать, он убивать меня и Клюва. Один день Клюва становиться королева. Она королевский кровь, тогда воробьиное племя счастливый.

Ночью, укладываясь спать в воробьином гнезде, Матиас долго обдумывал услышанное. Значит, большой червь с ядовитыми зубами отнял меч у воробьиного короля. Матиас понимал, что большой червь — змея. В Рэдволле он кое-что слышал о змеях. По этим рассказам выходило, что змеи — это нечто страшное-престрашное. Говорили, что даже отец настоятель отказался бы оказать помощь змее, даже умирающей. К счастью, змеи ни разу не обращались в аббатство за помощью. В Лесу Цветущих Мхов никогда не видели змей, большинство мышей считало их сказочными персонажами, хотя умудренные опытом старшие — Констанция, аббат и старый Мафусаил — уверяли, что змеи и впрямь существуют и смертельно опасны.

Матиас вздрогнул. Если так — это, пожалуй, страшнее Клуни Хлыста! Как же ему отобрать меч у этого змея? И почему он повторяет: «Асмодеус»?

Матиас решил до утра выбросить эти мысли из головы и вскоре заснул.

Король Бык уже проснулся. Еще вечером он заметил на пленнике нечто, что приковало к себе его внимание, но потом, пожирая орехи, король забыл обо всем на свете. А сейчас, проснувшись, он вспомнил, что это такое было — пояс! Он велел привести пленника в его покои.

Когда его привели, король крепко схватился за его пояс и зашептал мышонку на ухо:

— Где мышечервь брать пояс?

— Мышь всегда имеет пояс, очень долго. Не знать откуда, — ответил Матиас.

Бац! Король с силой ударил Матиаса в спину, и тот повалился на пол.

— Мышь лгун! Король Бык не черведурак! Где брать? Говори, говори!

Яростно крича, воробей с силой вцепился в пояс мышонка. Матиас понимал, что безумный король в припадке ярости может запросто убить его, а значит, надо было поскорее чем-либо отвлечь его.

— Не иметь больше орехи! — во все горло закричал он. — Умоляю, величество, даю мышеслово, не иметь больше орехи! Моя давать великий король пояс, король отпускать меня свобода.

Король замер, глаза его хитро сверкнули.

— Воробыный закон говорить: король убивать мышечервь. Но мой величество добрый, не убивать мышь. Отдать пояс королю!

Матиас расстегнул перевязь и протянул ее королю. Тот погладил ее, потом надел на себя. Восхищенно разглядывая перевязь, король несколько минут расхаживал перед осколком зеркала, потом неожиданно заговорил вкрадчивым голосом:

— Хороший, красивый пояс. Мышь знать большой меч?

Матиас ответил не сразу. Одно неосторожное слово — и это будет стоить жизни Темному Крылу и Клюве. Мышонок притворился, что не понимает, о чем его спрашивает король.

— Ваше величество, это прекрасный пояс. Король стал могучий воин, лучше мышь, мышь слабый.

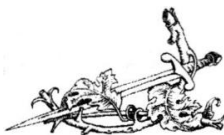
Король Бык, казалось, был польщен. Он принялся охорашиваться перед зеркалом, потом снова спросил вкрадчивым голосом:

— Разве Матиас не знать большой меч?

Ну что же, и то уже отрадно, что король обращается к Матиасу по имени. Сев на пол, мышонок обхватил голову лапами и принял позу оскорбленной невинности.

— О могучий король, мышь не иметь больше орехи. Не знать про меч, теперь нет даже пояс. Если не отпускать свобода, моя скоро умирать. Дозволь мышечервь идти домой.

Но короля было не так-то просто обмануть. Он велел стражникам отвести Матиаса обратно к Темному Крылу. Как бы там ни было, мышонок расстался с перевязью только на время. Если он задумал похитить у короля ножны, то почему бы не вместе с перевязью?

17

Баяц Бэзил Олень и белка Джесс последнее время вели себя очень загадочно. При каждом удобном случае они уединялись в укромном месте и о чем-то шептались. И в один прекрасный день, не сказав никому ни слова, Бэзил и Джесс потихоньку шмыгнули к одной из потайных дверей в стене аббатства. Вскоре они уже пробирались через тенистую чащу Леса Цветущих Мхов.

Клуни был уже вполне здоров. Первым делом он назначил учения: пока хозяин был прикован к постели, его солдаты обленились донельзя — целыми днями они валялись без дела на церковном дворе. Теперь, когда хозяин поправился,

сразу же началась муштра. Клуня взгромоздился на большой камень и, опираясь на свой штандарт, наблюдал за учениями.

Большая толпа взмысленных крыс, спотыкаясь, носилась с тараном взад и вперед по двору. Командиры, стараясь угодить хозяину, то и дело покрикивали на своих подчиненных:

— Шевелите лапами, оборванцы! Чтоб у вас печенки полопались! А ну поднимайте бревно выше, черти ленивые!

Учебные подземные ходы были вырыты кое-как. Во время показательных учений перепачканные землей и грязью хорьки, ласки и горностаи вылезали наружу в самых неожиданных местах. Непривычные к тяжелой работе, они, как только им это надоедало, бросали копать и, выбравшись наружу, тут же валились на землю и лежали, пока на них не наступали, угрожая растоптать, колонны марширующих крыс. Начиналась перебранка. И прекращалась она только от грозного окрика Клуни.

Рядом с Клуней на камне стояли Темнокогть и Кроликобой. Недовольный учениями, Клуня то и дело гневно кричал:

— Темнокогть, ты только посмотри, как маршируют твои бездельники! И это называется крысы? Эти недомки с тараном провалились в подземный ход! Кроликобой, прикажи своим болванам не подкапывать плац. Какие вы, к черту, командиры! Нельзя оставить армию без присмотра ни на минуту!

А в это время двое его врагов стояли на опушке Леса Цветущих Мхов и смотрели, как марширует крысиная орда. Видя, что крысы не в самой лучшей форме, Бзил и Джесс так и покатывались со смеху. Друзья заранее разработали подробный план действий.

Бэзил решил, что сейчас самое подходящее время для его исполнения. Он обернулся к Джесс:

— Ну что, любительница скакать по деревьям. Будем надеяться, нам легко удастся обмануть этих бездельников и тупиц.

Они пожали друг другу лапы и побежали к церкви: впереди — заяц Бэзил Олень, специалист по маскировке и боксер задними лапами, за ним — белка Джесс, лучший в лесу верхолаз и следопыт. Невнимательному наблюдателю показалось бы, что по земле движутся тени от двух облаков.

Клуни слез с камня и встал у решетки церковного двора, он решил опробовать силу своего хвоста на нескольких крысах. Изогнув хвост, он сделал несколько пробных ударов и закричал:

— Левый фланг! Я сказал «левый», растяпы! Эй, ты там, ты что, не знаешь, где у тебя лево, где право? А ну подними левую лапу!

Испуганная крыса тотчас подняла правую.

Крак! От сильного удара хвостом несчастная крыса завопила и запрыгала на месте.

— Так-с, так-с! Избиение офицером подчиненных, — раздался голос у Клуни за спиной. — Недостойное поведение, приятель, совершенно недостойное поведение!

Клуни тотчас обернулся на голос. Прямо перед ним, за церковной оградой, стоял заяц Бэзил Олень.

Выпучив единственный глаз, Клуни недоуменно возрился на наглеца, а тот все не унимался:

— Не ожидал я такого от предводителя банды грязных разбойников! На их месте я бы пинками выгнал тебя вон отсюда!

Придя в себя, Клуни завопил придушенным голосом:

— Взять его! Схватить! Принесите мне его голову!

Бэзил усмехнулся:

— А это еще зачем? Или твоя собственная голова уже ни на что не годится? Похоже, так оно и есть. Тяжело жить без мозгов, что правда, то правда!

Крысы толпой полезли через ограду, они попытались схватить Бэзила, но сделать это было не легче, чем поймать дым на ветру. Зайца уже и след простыл! Джесс, сидя в укрытии, с трудом сдерживала смех.

Через несколько минут крысы, посланные в погоню, выбились из сил, но так и не смогли догнать зайца. Сжимая древко штандарта дрожащими лапами, Клуни перелез через забор и сам направился на пустырь.

Неожиданно для Клуни заяц появился рядом с ним, сбоку.

— Решил показать пример своим подчиненным? Ну да, конечно: «Никогда не приказывай солдатам того, чего не можешь сделать сам»! Верно?

С этими словами заяц пробежал совсем близко от вытянутых лап Клуни, а тот, рыча, бросился в погоню. Бэзил петлял, заманивая Клуни все дальше на пустырь. Армия Клуни бежала вслед за своим хозяином, а следом за ними, оставаясь незамеченной, бежала белка Джесс.

Клуни гнался за зайцем, не деля, правда, попыток его схватить — он ждал, когда Бэзил сделает неверное движение. Вот тут-то он его и возьмет! Солдаты Клуни бежали за ним шагах в двадцати. Клуни приказал им ближе не подбегать: он жаждал сразиться с врагом один на один.

Вот Клуни попытался ударить Бэзила древком штандарта. Заяц ехидно улыбнулся. Они приближались уже к Лесу Цветущих Мхов. Похоже, что скоро настанет черед Джесс. Бэзилу оставалось только заманить крысу в лес. Уклоняясь от ударов древком и ударов хвостом, Бэзил понял, что имеет дело с достойным противником. Он оглянулся посмотреть, далеко ли Джесс, и тут его лапа угодила в ямку, заяц тяжело упал на землю.

Клуни тотчас бросился на него и замахнулся тяжелым штандартом. Бэзил едва успел откатиться в сторону.

— Джесс, пора! — прокричал он.

Пока он кричал, случилось сразу несколько событий. Неведомо откуда, словно рыжий вихрь, появилась Джесс. Древко штандарта ударилось в мягкую землю, в то место, где только что была голова Бэзила. Заяц успел выдернуть лапу из ямки. Джесс подскочила к Клуни и ловко сорвала со штандарта портрет Мартина.

Клуни чуть не лопнул от злости. К нему на помощь спешила его армия. Обернувшись, Бэзил подмигнул белке и крикнул:

— Беги, Джесс, я их задержу!

Джесс легко увернулась от хвоста Клуни.

— Нет! Если ты остаешься — я остаюсь тоже.

Бэзил, хромая, бегал между Клуни и белкой.

— Перестань упрямиться! — крикнул он. — Убегай скорее!

Крысы уже подбегали к ним. Быстрая как молния, Джесс схватила Клуни за кончик хвоста и дернула так, что он кубарем покатился под ноги своих солдат.

Друзья побежали в глубь леса. За ними, крича и ругаясь, гналась банда Клуни. На бегу Джесс прошептала:

— Вот, возьми этот, а мне дай поддельный. Быстро!

Бэзил схватил кусок гобелена и передал Джесс приготовленную ими грубую копию — портрет был намалеван на старой тряпке, взятой на кухне у монаха Гуго.

Преследователи приближались.

— А теперь прячься, — шепнула Джесс. — Я отвлеку их, а ты иди к дороге через церковный двор. Им и в голову не придет искать тебя там.

Взглянув на то место, где только что стоял Бэзил, Джесс обнаружила, что он уже исчез. Из травы слышался его шепот:

— Отлично придумано! Увидимся в аббатстве. Хорошей тебе охоты!

С этими словами заяц исчез — словно в воду канул.

Клуни со своими солдатами был уже совсем близко. Белка хотела, чтобы они заметили ее, и наконец увидела, что Клуни указывает на нее лапой:

— Вон она! Гобелен у нее! Быстрее! Взять живьем.

Джесс хладнокровно поджидала преследователей, и когда они уже почти коснулись ее хвоста, вспрыгнула на каштан и замерла.

Клуни оперся о дерево и стал хвалить Джесс:

— Ты, белка, — молодчага! Очень, очень ловкая. В моей армии очень пригодился бы кто-нибудь вроде тебя.

Кроликобой тоже стал убеждать Джесс:

— Верь, белка, слову хозяина. Почему бы тебе не спуститься к нам и не обсудить все как следует? А когда мы захватим аббатство... Ой!

Зеленый, усеянный шипами каштан больно ударил хоряка по голове. Джесс полезла повыше, туда, где каштанов было больше. С высоты она помахала Клуни портретом Мартина:

— Это тебе нужно?

Клуни изо всех сил старался сдерживать свою ярость. Темнокоготь толкнул его в бок:

— А как насчет зайца? Может, я со своими солдатами отправлюсь на поиски?

— Нет, зайца поймаем в другой раз. Я хочу, чтобы все были здесь, на случай если удастся ее схватить, — прошептал Клуни.

Своими чуткими ушами Джесс слышала каждое его слово. План сработал! Она швырнула вниз еще один каштан и крикнула Клуни:

— Эй, крысиная морда! Вам меня ни за что не поймать!

— Ты это верно сказала, белка, — ответил Клуни. — Но подумай сама. Когда я выиграю войну...

Когда на Клуни обрушился новый град каштанов, он понял, что ему удалось вывести белку из себя.

— Кидаться каштанами толку мало. Послушай, мне ведь нужен только этот клочок гобелена — вот и все. А я обещаю, что не трону твоих близких.

Джесс уже собиралась обрушить на Клуни новую порцию каштанов и оскорблений, но вовремя догадалась о его замысле. Он прибегал к той же уловке, что и они с Бэзилем: ждал, что она потеряет бдительность. Ну что ж, в эту игру можно поиграть и вдвоем!.. Следившие за белкой крысы увидели, что Джесс стала нервно кусать губы и потирать лапы. Потом она судорожно вцепилась когтями в гобелен и прижала его к груди.

— Ну что ж, если ты обещаешь, что не тронешь мою семью, бери себе эту ветошь. Мне она не нужна.

Джесс выпустила тряпку из лап. Кружась, та полетела вниз. Клуни еле удержался, чтобы не броситься к ней. Бросился к ней Кроликобой, глаза его сверкали

восторгом. Хорек бережно подхватил тряпку и протянул ее Клуни:

— Вот оно, сокровище, ваша честь, в целости и сохранности.

Клуни быстро схватил тряпку. Его единственный глаз прищурился: обманули! Клуни закричал так, что его подчиненные в страхе бросились в кусты. Раздирая тряпку в мелкие клочки, Клуни безумно вопил:

— Подделка! Никому не нужная дрянь!

Джесс смотрела на него с мрачным удовлетворением:

— Да, крыса, никому не нужная дрянь, такая же, как и ты сам! Настоящий портрет Мартина уже давно в Рэдволле. Я все-таки провела тебя.

— Убейте ее! Убейте паршивую обманщицу! — раздался истошный крик Клуни.

Но не успели крысы поднять копыя, как Джесс уже скрылась из виду. С головокружительной скоростью перепрыгивая с дерева на дерево, она помчалась в аббатство Рэдволл.

Когда Джесс добралась до аббатства, уже смеркалось. Услышав радостные мышинные крики, она поняла, что портрет Мартина вернулся на свое законное место.

Она спрыгнула с высокого вяза на стену аббатства, ее окружили обрадованные друзья и, конечно, муж. Он едва не задушил ее в объятиях. А Молчун Сэм уселся у матери на плече и стал ласково гладить ее по голове.

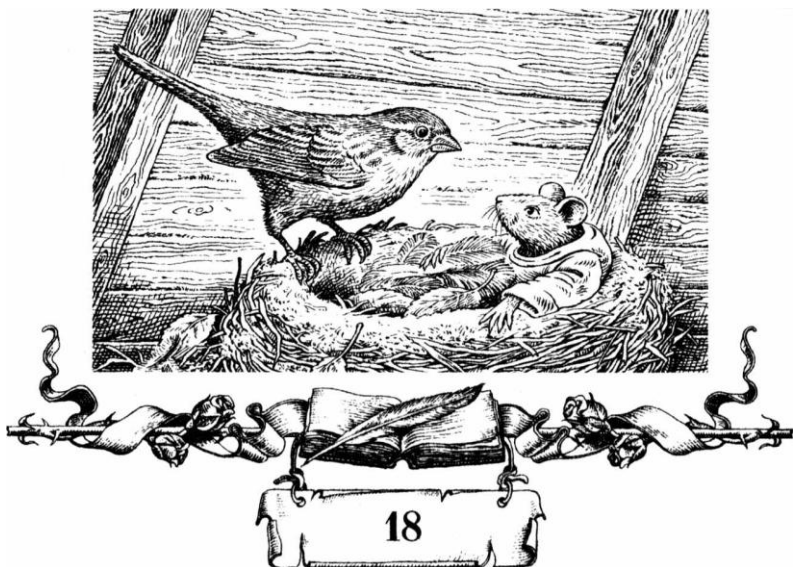
Мыши подняли Джесс и на вытянутых лапах понесли в трапезную, где уже чествовали другого героя — Бэзила Оленя. На мгновение оторвавшись от громоздящейся перед ним горы изысканной снеди, заяц указал белке на свою лапу, обмотанную бинтами.

— Боевое ранение, — прокомментировал Бэзил, поглощая пирог с айвой и бузиной. — Нужно восстанавливать силы.

— Звери добрые! — радостно провозгласил монах Гуго. — На нашей розе появились новые бутоны. Ешьте, ешьте, дорогие, сколько душе угодно!

А в Большом зале брат Мафусаил старательно работал иглой и ниткой. Он пришивал портрет Мартина Воителя на его прежнее место в гобелене.

Матиас нежился в тепле воробьиного гнезда. Он лениво потянулся и заворочался, стараясь забраться поглубже в подстилку из сухого мха, пуха и мягкой травы. Ночью поднялся сильный ветер. Наконец высунувшись наружу, Матиас увидел, что наступил хмурый ветреный день — такие бывают иногда среди необычно жаркого лета. По небу ползли хмурые облака, но дождя не было, ветер был по-летнему теплым. Но он так неласково свистел и завывал в щелях крыши, что мышонок юркнул обратно в гнездо и снова зарылся в теплый пух.

Послышался шум крыльев — это вернулась хозяйка гнезда.

— Матиас, мышь-соня! Вставай! Сегодня день делать дела.

— Доброе утро, Темное Крыло, — сказал он. — Какие дела надо делать сегодня?

Воробиха озабоченно посмотрела на него:

— Сегодня Матиас бежать Воробьиный Двор. Моя иметь план, король неправильно держать мышь плен.

Сон Матиаса как ветром сдуло.

— План? — переспросил он. — Какой еще план?

Воробиха начала объяснять:

— Во-первых, нельзя ходить назад в дверь. Король сильно злой, сыпать на дверь много-много черепица. Моя думать, дверь не открываться никогда.

Матиас только присвистнул:

Ну и как же мне теперь спуститься вниз? Думаешь, ты сможешь отнести меня вниз на своих крыльях? Ты, конечно, больше Клювы...

Но Темное Крыло перебила его:

— Матиас говорить глупо. Даже Темное Крыло и Клюва вместе не хватит сила. Воробей очень легкий: сильный клюв, сильный лапа — да, но крылья слабый, не как большой птица, мышь падать как камень. Даже большой червяк носить кусками, два, три полета. Темное Крыло придумать план, твоя слушать. Моя посылать Клюва к старый мышь-привратник, как имя? Фузаил? Мой птенец сказать старый мышь найти большой красный белка, белка брать много-много веревка. Когда ты на крыша, белка лазить вверх, помогать Матиас вниз.

— Ну вот еще! — возразил Матиас. — Конечно, вместе с Джесс я сумею спуститься. Но ведь если король и его воины заметят меня — мне конец.

Воробиха нетерпеливо взмахнула крыльями:

— Моя иметь другой план. Скоро Клюва вернуться назад. Она сказать, когда белка встречать тебя, так. По-

том Темное Крыло пускать слух-ложь, слух идти быстро-быстро.

Матиас удивился:

— Распускать лживые слухи? Зачем?

Темное Крыло хитро улыбнулась:

— Хороший слух-ложь. Моя шептать здесь, там, про большой червь Ядовитый Зуб. Говорить — он лежит в лес, совсем мертвый. Ядовитый Зуб иметь меч, видишь?

Матиас с восхищением посмотрел на воробиху:

— Вот оно что! Значит, ты распустишь слух, что змей украл меч и теперь умирает в лесу. Теперь мне ясно. Король сразу же помчится туда вместе со своими воинами. А я тем временем убегу на крышу. Правильно?

Темное Крыло кивнула:

— Матиас красть пояс, чехол от меча, быстро-быстро. Спускаться по крыше с красный белка.

Мышонку было стыдно посмотреть воробихе в глаза.

— Темное Крыло, прости, но как ты догадалась, что я собираюсь их украсть?

Птица коснулась лапой его плеча:

— Моя знать все время. Матиас приходит не принести мой птенец домой. Приходить за меч. Меч нет. Все равно пояс-чехол мышиный. Надо забирать. Эти вещи плохо для воробей. Муж умирать за меч.

Воробиха крепко сжала плечо Матиаса:

— Темное Крыло любить мышь. Хороший друг Клюва. Моя думать, она мертвый, твоя приводить назад. Моя помогать красть пояс.

Матиас не находил слов для благодарности. Он прильнул головой к мягким перьям птицы.

И тут с шумом влетела на чердак Клюва:

— Ветер дуть сильно-сильно. Старый мышь сказать, твоя вылезать на крыша, когда колокол звонить червекус. Белка Джесс ждать там с веревка.

Темное Крыло вылетела из гнезда за час до того, как колокол Джозефа должен был прозвонить обеденное время. Она стала всем рассказывать о смерти змея. Воробьи любят разносить слухи, так что вскоре весь чердак уже гудел, словно потревоженный улей. Потом, когда слух окажется ложным, никто не вспомнит, кто его пустил, — так у воробьев бывает всегда.

Темное Крыло справилась со своей задачей очень быстро. Вдруг послышался необычный шум — словно сотни крыльев с силой били в деревянный пол.

— Король звать все воины, — пояснила Клюва. — Надо идти сейчас.

Клюва растегнула ошейник на шее мышонка.

— Друг мышь отпускать моя. Теперь моя отпускать тебя. Клюва теперь улетать, Матиас. Доброй червеохоты.

Они пожали друг другу лапы. Мышонок попрощался с Клювой на воробьином наречии:

— Матиас теперь ходить. Будь храбрый птенец. Сильный воробей-воин. Хороший друг.

Клюва раскрыла крылья и тотчас улетела. Матиас, пока не пришло его время, спрятался поглубже в гнездо. Он слышал, что чириканье воробьев становится все тише и тише и наконец затихло вовсе.

Темное Крыло заглянула к нему в гнездо:

— Матиас ходить быстро, не терять время!

В покои короля они отправились вместе. Темное Крыло знала, что матери, оставшиеся в гнездах со своими птенцами, не высовываются наружу, если нет рядом воинов, готовых защитить их. Матиас и Темное Крыло

осторожно отодвинули кусок мешковины, служивший дверью королевских покоев, и подошли к креслу.

Ножен за спинкой кресла не было.

— Я так и знал, — вскричал Матиас. — Хитрый король забрал их с собой!

Темное Крыло покачала головой:

— Нет, моя видеть король улетать. Не иметь ни пояс, ни чехол.

С досады Матиас сильно пнул ветхое кресло задней лапой. Одна ножка сломалась, и кресло упало на спинку, показав подкладку из полос грубой мешковины.

Темное Крыло прыгнула на перевернутое кресло и радостно зачирикала:

— Смотри, смотри! Король прятать все в старый стул!

Между полосами мешковины виднелась черная кожа и поблескивало серебро. Воробьях и мышонок стали торопливо разрывать ветхую материю лапами и клювом. Во все стороны полетели пыль и прогнившая набивка. Наконец Матиас с торжеством извлек из сиденья ножны и перевязь.

Ножны из блестящей черной кожи, отделанные чистым серебром, точно подошли к петле на перевязи! Ножны Мартина Воителя!

— Не время мечтать, мышь! Торопись!

Матиас быстро схватил перевязь и ножны и перекинул их через плечо:

— Я готов, Темное Крыло!

Обычно воробьи вылетали с чердака через проемы между крышей и стеной. Матиас, не умевший летать, чувствовал себя не очень уютно при мысли о том, что ему предстоит. А предстояло ему пролезть в щель между крышей и стеной и на головокружительной высоте пе-

релезть через водосточный желоб. Затем его поджидает крутой скат крыши.

Сквозь чердачную щель Матиас посмотрел вниз и вздрогнул всем телом. С такой высоты аббатство казалось не больше носового платка. Сильный порывистый ветер свистел в ушах, у Матиаса перехватило дыхание, он прикрыл глаза лапой.

Темное Крыло обвязала мышонка веревкой вокруг пояса и, пока Матиас проверял узел на прочность, прочирикала:

— Моя лететь на крыша. Твоя держать веревку крепко-крепко. Потом ты прыгать. Не бойся, моя тебя держать.

Зажав конец веревки в клюве, воробыха вылетела на крышу и крепко зацепилась лапами за черепицу.

— Матиас ходить сейчас, моя готова! — крикнула она.

— Не думай ни о чем, — вслух приказал сам себе Матиас. — Просто прыгай.

Изо всех сил вцепившись в веревку, он прыгнул через карниз крыши.

Ему показалось, что сердце у него остановилось. Спустя несколько бесконечных секунд веревка натянулась, и Матиас повис в пустоте, раскачиваясь, как маятник, на порывистом ветру. Стиснув зубы, он стал взбираться вверх по веревке. Но до стены ему было не дотянуться — карниз выступал слишком далеко за край крыши.

— Лезь спокойно. Темное Крыло держать веревка крепко-крепко, — слышался голос воробыхи сквозь завывания ветра.

У Матиаса дрожали лапы, но он взбирался по веревке все выше и выше, пока наконец не дотянулся до карниза. Крепко ухватившись за источенный ветром и до-

ждем желоб, он хотел уже отпустить спасительную веревку. Но тут под его тяжестью старый желоб хрустнул и обломился.

Матиас полетел вниз. Веревка рывком натянулась, и мышонок резко остановился — так, что у него дух захватило. Мгновением позже он осознал, что снова падает, но теперь уже медленно.

Темное Крыло скользила по крыше. Туго натянутая веревка тащила ее вниз, птица пыталась зацепиться снова, но не могла — когти скользили по гладкой черепице. Воробиха откинулась всем телом назад, лапами она пыталась найти опору. Она приближалась уже к обломанному краю карниза, и тут в голове у нее мелькнула счастливая мысль. Темное Крыло сильно дернула за веревку, ослабив ее на мгновение, и тотчас всунула ее в узкую трещину. Веревка прочно застряла. Воробиха на всякий случай обмотала ее вокруг каменного выступа и, слетев вниз, к Матиасу, принялась подталкивать его вверх.

Матиас стал карабкаться изо всех сил, и наконец, с помощью воробихи, ему удалось во второй раз добраться до карниза. И в тот самый момент, когда он ухватился за карниз, острый край каменного выступа перерезал веревку.

Вцепившись лапами в карниз, Матиас висел над бездной. Воробиха снова стала подталкивать его снизу, наконец он перелез через край и перекатился на безопасную плоскую поверхность. Темное Крыло села рядом с ним. Оба были совершенно обессилены. Ветер продолжал завывать.

Воробиха первая восстановила силы:

— Матиас, быстро! Ты терять время!

Несмотря на предательски вываливающиеся черепицы и сильные порывы ветра, Матиас успешно до-

брался до конька крыши. Он обхватил его всеми четырьмя лапами — прямо перед ним была стрелка флюгера.

Темное Крыло кружила над ним. Увидев, что Матиас обрел уверенность, она на лету потрепала лапой его уши:

— Матиас-мышь, моя надо улетать, больше помогать нельзя. Удачи! Доброй червеохоты!

Темное Крыло полетела на Воробьиный Двор, в свое гнездо, а Матиас пополз по коньку крыши. Ухватившись за флюгер и прикрыв глаза, он взглянул вниз, на аббатство. Затем он стал осматривать стену. Белки что-то нигде не видно.

Вот колокол Джозефа зазвонил к обеду. Матиас снова прищурился и стал осматривать стену. Вон, вон там — маленькое темное пятнышко, оно явно ползет вверх! Это Джесс!

Джесс напрягала все силы, но поднималась по стене медленно — сегодня белке мешал ее большой пушистый хвост. Порывистый ветер трепал его из стороны в сторону, и это затрудняло подъем. Но белка упорно карабкалась все выше и выше. Если бы не Матиас, в такой ветер она не решилась бы на восхождение. Белка старалась как можно теснее прижиматься к стене. Из-за ветра она не слышала крики Матиаса, но зато их слышал кое-кто другой: король Бык!

Не найдя ни змея, ни меча, король пришел в ярость. Он отдал приказ своим воинам продолжать поиски в лесу, а сам, под предлогом срочных государственных дел, поспешил обратно на Воробьиный Двор.

У флюгера, размахивая лапами, опоясанный перевязью с прикрепленными к ней ножнами, стоял ненавистный ему мышечервь. Королем стало все ясно. Его просто-напросто одурачили! Ослепленный яростью, он

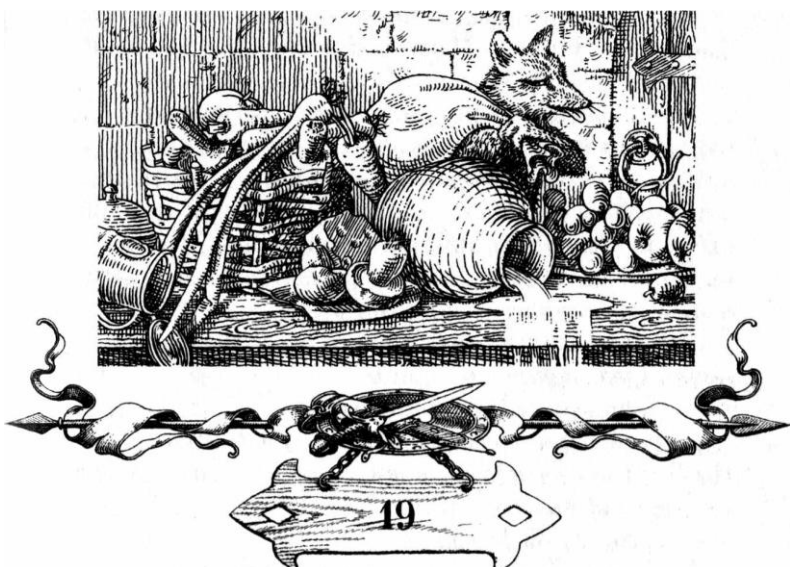
взлетел высоко вверх, а затем камнем упал на свою жертву.

Когда клюв короля вонзился Матиасу в плечо, он закричал от боли. Защищаясь, он размахнулся и угодил королю в глаз. Когтистые лапы воробья едва не оторвали мышонка от флюгера. Король, стараясь сорвать перевязь, крепко вцепился в нее. Матиас принялся колотить воробья по голове, но тот продолжал упорно тянуть перевязь к себе. Матиас вскоре почувствовал: его задние лапы отрываются от конька крыши. Вдобавок ко всему ножны сбились набок и ударили его по лапе.

Тогда в ярости Матиас снял ножны и несколько раз ударил ими воробья по голове. Он бил с такой силой, что король вскоре потерял сознание и свалился с крыши. Но — о, ужас! — лапы воробья продолжали крепко сжимать перевязь...

Джесс на стене испуганно замерла. Она услышала крики и, подняв голову, увидела, что Матиас и воробей, сцепившись, покатались по крыше и камнем полетели вниз с головокружительной высоты.

Журоед от радости чуть не пустился в пляс: мыши оставили его без присмотра.

Старый дурак настоятель и его безмозглые подчиненные суетились, укрепляя ворота, таская бревна и камни, — словом, старались изо всех сил. Ну и болваны!

Хитрый лис бродил с мешком из комнаты в комнату. Все сокровища аббатства были в его распоряжении.

— Ага, недурная ваза.

— А вот и миленькая серебряная тарелочка.

— Подумать только, оставить такую замечательную золотую цепочку без присмотра!

Чрезвычайно довольный собой, лис пошел в следующую комнату. Мешок Куроеда быстро наполнялся.

Лис поспешил вниз по лестнице в Пещерный зал. Столы там были уже накрыты. Куроед принялся набивать себе рот отборными яствами, а насытившись, пополнил свою добычу столовым серебром и старинными штофами. Взвалив на плечи мешок, Куроед отправился на кухню. Пинком распахнув дверь, он нос к носу столкнулся с монахом Гуго.

Испуганный лис бросился назад в Пещерный зал, монах Гуго помчался за ним:

— Держи вора! Держи вора!

Куроед ринулся вверх по лестнице в Большой зал. Пыхтя и не переставая кричать во все горло, толстяк Гуго не отставал от лиса:

— Стой! Стой, негодяй!

Мафусаил в это время завершал работу по восстановлению гобелена. Теперь, только очень пристально взглядевшись, можно было заметить, что он был разорван. Услышав крики, Мафусаил обернулся и увидел бегущего по лестнице лиса, за ним, крича что есть мочи, гнался монах Гуго. Мафусаил, не раздумывая ни секунды, преградил беглецу путь:

— Стой, мерзавец! Так вот какова твоя благодарность за гостеприимство!

Куроед, размахнувшись, ударил старика по голове туго набитым мешком.

— Прочь с дороги, развалина! — рявкнул он.

Мафусаил рухнул на пол как подкошенный. Увидев, что Мафусаил лежит неподвижно, Куроед и сам остолбенел, мешок выпал из его лап. Монах Гуго тоже застыл на месте. Мафусаил все так же неподвижно лежал у ног лиса.

— Убийца! Мерзкая тварь! Ты убил брата Мафусаила!

Крик Гуго вывел лиса из оцепенения. Он схватил мешок и во всю прыть побежал прочь с места преступления.

Толстяк Гуго упал на колени, слезы заструились по его пухлой физиономии. Перед ним недвижно лежало тело старейшего и мудрейшего из мышей аббатства Рэдволл.

Куроед, пригибаясь, бежал к стене аббатства. Увидев в стене маленькую дверь, он бросился к ней. Убийца спешил скрыться, пока Гуго не поднял тревогу. Судорожно дергая за крепкие засовы, лис в конце концов отворил дверь и без оглядки помчался в Лес Цветущих Мхов. Не успел он добежать до первых деревьев, как слышался колокольный звон: тревога!

Оказавшись в лесу, Куроед почувствовал себя увереннее, он перевел дух и ухмыльнулся. Старый дуралей! Вздумал встать у него на дороге — вот и получил свое! Куроед прислушался: издали доносился шум погони. Кто-то бежал за ним через подлесок. Хруст веток и тяжелый топот становились все громче и громче. Лис повел носом: по запаху — преследователей двое. Один из них — это, несомненно, еж, но кто же другой? Лапы Куроеда задрожали. В висках застучало. В лесу есть только один зверь с таким запахом — барсучиха Констанция!

Бежать дальше не было сил. Ярдах в десяти от себя лис заметил превосходное убежище: нору в корнях старого засохшего дуба. Вход был прикрыт зарослями папоротника. Куроед зашвырнул в дыру мешок и нырнул следом.

К его радости, нора оказалась довольно большой и сухой, трава и листья устилали дно. В общем, лучшего

места и придумать нельзя: здесь, почти в полной тьме, его никто не заметит. Пусть поищут!

Констанция стремглав мчалась через лес, Амброзий Пика едва поспевал следом. Гнев и скорбь барсучихи были столь велики, что она, не обращая внимания ни на какие препятствия, бежала напролом. На ее полосатой морде застыла холодная ярость. Огромные лапы готовы были разодрать Куроеда в клочки. Но — увы! — барсучихе не суждено было осуществить возмездие.

Когда преследователи пронеслись буквально в двух шагах от его убежища и топот стих в глубине леса, Куроед с облегчением вздохнул. Он пошарил вокруг себя в поисках мешка с добычей. Ему захотелось еще раз полюбоваться награбленным. Сегодняшняя добыча положит начало его будущему богатству. Лапа Куроеда нащупала что-то в темноте, совсем рядом. Но это был не мешок с награбленным...

— Асмодеус-с-с-с!

Этим вечером колокол Джозефа возвестил аббатству Рэдволл печальную весть.

Мыши и другие звери сидели на каменных плитах Большого зала, каждый со своими невеселыми мыслями. В один день Рэдволл потерял двух своих защитников. Джесс уже рассказала настоятелю и Совету, как на ее глазах Матиас с воробьем упали с крыши. Ветер был сильный, и поэтому они полетели не прямо вниз, а в сторону, и белка не видела, где они упали. Теперь даже неизвестно, где искать тело Матиаса.

Едва вернувшись в аббатство и рассказав о случившемся, белка вместе с мышами отправилась на поиски Матиаса. Они до сумерек прочесывали все вокруг, но поиски не дали никаких результатов: ни в Лесу Цвету-

щих Мхов, ни на дворе аббатства найти Матиаса не удалось.

Аббат указал на гобелен и покачал головой:

— Вот последняя работа нашего старого привратника. Он вернул Мартина на его законное место. Мафусаил был благороднейшим из мышей. О, какая потеря для аббатства!

Наконец мыши, подавленные горем, разошлись — кто на посты, кто отдохнуть.

Констанция стояла посреди опустевшего зала, ее могучие лапы машинально сжимались и разжимались. Брат Альф участливо взглянул на нее.

— Тебе надо бы отдохнуть, Констанция. Пойдем со мной, — предложил он. — Надо бы на ночь закинуть в пруд рыболовные сети. Хочешь мне помочь?

Обрадованная возможности хоть чем-то заняться, барсучиха с готовностью согласилась, и они с Альфом пошли к пруду. По дороге они говорили только о Матиасе.

— Помнишь, как вы с Матиасом поймали большого хариуса? — спросила Констанция.

Брат Альф улыбнулся:

— А как же! Матиас боролся, пока мы не вытащили рыбину на берег. Я-то уже думал, что мы ее никогда не вытащим, но Матиас оказался таким сильным и ловким!

Констанция кивнула:

— Да, рыбина была огромная — хватило всему аббатству.

Они не спеша шли по берегу пруда и, готовясь забросить сети в воду, разворачивали их. Брат Альф шел впереди. Неожиданно Констанция услышала его крик:

— Констанция! Тут воробей!

В пруду, наполовину погруженный в воду, плавал воробьиный король. Не раздумывая ни секунды, Констанция прыгнула в пруд и вытащила воробьиное тело на мшистый берег.

— Похоже, он мертв. Брат, беги скорее за подмогой, пусть принесут лампы.

Барсучиха принялась внимательно осматривать пруд. Почему никому не пришло в голову поискать Матиаса в пруду?

Вскоре подросла и подмога. Винифред и еще три выдры беззвучно скользнули в воду. Мыши со всех сторон окружили пруд. Все молча смотрели на выдр, время от времени выныривавших на поверхность. Ничего!

Вдруг все закричали: Винифред показалась на поверхности воды с неподвижным телом в лапах. Мыши тотчас помогли ей выбраться на берег. Отряхиваясь, как собака, Винифред сказала:

— Он застрял в тростнике.

Все столпились вокруг неподвижного тела. Через толпу протолкался брат Альф:

— Винифред, одна из твоих выдр нашла перевязь и ножны. Недалеко от того места, где был Матиас.

Аббат поднес стекло лампы к самому носу Матиаса — оно слегка затуманилось.

— Он жив! Матиас жив! Скорее принесите одеяла и носилки, надо отнести его в аббатство...

Констанция осторожно подняла Матиаса с земли. Она бережно прижала его к своему теплому меху. Звери расступились, образовав по обеим сторонам от нее живой коридор. Барсучиха быстро пошла к лазарету. Огоньки ламп мелькали в темноте, словно светлячки, колокол Джозефа возвестил аббатству и всему лесу радостную весть.

Стояло тихое летнее утро. Нежный свет зари медленно растекался над землей. Синие, золотые, розовые капли росы тут же превратились в сверкающие самоцветы, паутина стала блестящей филигранью, птицы, приветствуя летний день, радостно запели.

Но Клуни Хлыст не замечал окружающей его красоты. Его единственный глаз щурился от дыма утренних лагерных костров.

— Сегодня будет жарко, как в преисподней, — подумал он вслух.

Под нетерпеливым взглядом Клуни его банда, на ходу доедая завтрак, бросилась

разбирать оружие. Вскоре перед Клуни стояли шеренги вооруженных крыс.

Оруженосец закончил облачать хозяина в доспехи, и Клуни концом штандарта подал знак. Темнокогть, Жабоед, Сырокрад, Черноклык, Грязнонос и Шелудивый поспешили занять свои места в армейском строю.

Клуни так и не назначил себе заместителя, но намекнул своим подчиненным, что отличившийся в предстоящем сражении получит повышение. Хорек Кроликобой, сжимая в лапах барабан, сделанный им из старой кадки, стоял рядом с хозяином. Он считал себя армейским барабанщиком и предсказателем. Хорек смотрел на хозяина и, увидев, что тот собирается заговорить, ударил в барабан, призывая крыс к молчанию. Клуни поднял забрало и оглядел застывших в ожидании солдат.

— Сегодня нам предстоит решающее сражение! — крикнул он. — Об отступлении не может быть и речи! Всякий, кто сделает шаг назад, будет убит! Всякий, кто нарушит приказ командира, будет убит! Всякий, кто не будет драться изо всех сил, будет убит! Вы знаете, что Клуни не бросает слов на ветер. Когда мы победим, я награжу вас так, как вам и не снилось. Наши враги не умеют воевать! Среди них нет никого, кто мог бы вести их вперед, как веду вас я!

В середине первой шеренги стоял солдат, раненный в первом сражении под стенами аббатства. Уголком рта он прошептал своему соседу:

— Ха, «веду вас»! А сам-то стоял далеко позади нас, на лугу.

Чуткое ухо Клуни уловило сказанное солдатом. Он спрыгнул с помоста и, крепко схватив дрожащего бедолагу, пинками выгнал его из строя.

— Видите этого негодяя? — прокричал Клуни. — Он усомнился в том, что я — ваш предводитель. Знайте, Клуни Хлыст видит и слышит все. А теперь смотрите, и пусть это послужит уроком всякому, кто дерзнет усомниться во мне.

Избитый до полусмерти солдат лежал, содрогаясь, на земле. Крысы смотрели затаив дыхание. Солдат умоляюще ловил взгляд единственного глаза Клуни.

— Хозяин, я просто пошутил, я не хотел...

Крак!

Мощный хвост взвился вверх, и отравленный боевой шип вонзился между глаз несчастного. Армия в ужасе смотрела, как по телу жертвы прошла судорога, бездыханный бедолага вытянулся у ног Клуни. Равнодушно пнув лапой мертвое тело, Клуни Хлыст пошел к воротам кладбища.

Поход к Рэдволлу не обещал быть легким: нужно нести таран и все прочее, необходимое для штурма. Штурмовать придется, видимо, утром завтрашнего дня. Клуни не собирался таиться. Чтобы уstrasить врага, его армия подойдет к самым воротам аббатства в открытую и в полном вооружении.

Клуни взмахнул штандартом. Хорек забил в барабан, и Клуни Хлыст заорал что есть мочи:

— На Рэдволл! На штурм! Пленных не брать!

В дрожащем от зноя воздухе над дорогой раздались крысиные крики:

— Клуни! Клуни! На штурм! На штурм!

Матиас бредил. Ему казалось, что он идет по темной пещере. Из глубины его звал чей-то голос:

— Матиас, Матиас!

Голос казался почему-то знакомым, но мышонку некогда было задумываться о том, кому он принадлежит. Матиасу было необходимо как можно скорее найти меч. Вдруг в могильном сумраке пещеры перед ним возник розовый куст, залитый бледным голубым светом. Откуда здесь, в темном подземелье, свет? Каждый шип на стеблях куста напоминал меч. Матиас заговорил, обращаясь к кусту:

— Скажи, роза, где мне искать меч?

Верхний цветок вздрогнул, и между лепестков появилось лицо Мафусаила.

— Матиас, друг мой, я не могу тебе помочь. Проси о помощи Мартина. А мне пора уходить.

Лицо старика потускнело и исчезло. Медленно, едва касаясь лапами пола, Матиас шел по длинному туннелю. В конце туннеля он увидел два смутных силуэта. Он остановился возле первого, не узнавая, но чувствуя исходящее от него дружелюбие. Матиас посмотрел на второй силуэт. Что это такое? Зверь без единой лапы! Призрак с шипением распахнул пасть, показались два острых клыка и язык. Язык быстро-быстро задвигался и превратился в меч. С криком радости мышонок бросился к мечу, но первый призрак тотчас остановил Матиаса. Он даже не удивился, когда понял, что это Мартин Воитель.

— Мартин, позволь мне взять меч! — взмолился Матиас.

Голос Мартина был ласков и дружелюбен:

— Матиас, берегись Асмодеуса!

Мартин держал его за плечо, и Матиасу пришлось высвободиться силой.

— Пусти, Мартин! Я не боюсь никого!

Мартин только крепче сжал плечо Матиаса, боль пронзила его раскаленным копьём. Мартин закричал:

— Держите его, держите!

Боль все усиливалась, и Матиас открыл глаза.

— Держите его, держите!

Перед Матиасом стоял отец настоятель. Брат Альф крепко держал Матиаса за лапы, а аббат, склонившись, что-то делал с его плечом. Наконец он извлек из плеча какой-то темный острый предмет и бросил его в подставленный Василикой тазик.

— Ой, отец настоящий, больно, — слабым голосом сказал Матиас.

Аббат вытер свои лапы чистым полотенцем.

— Ну, сын мой, вот ты и снова с нами. Конечно же больно. У тебя в плече застряла добрая половина воро-
бьиного клюва.

Матиас огляделся:

— Здравствуй, Василика. Видишь, я вернулся! Здравствуй, брат Альф. А это кто на соседней кровати? Неужели Бэзил Олень?

— Тихо, Матиас! — сказала ему Василика. — Ты чудом остался в живых. Всю ночь ты был между жизнью и смертью.

Аббат Мортимер показал на первые лучи зари, пробивавшиеся в окно:

— Ты уже с нами, и, видишь, ты принес с собой чудесное июньское утро.

Матиас откинулся на подушки. Если не принимать во внимание адскую боль в голове и плече, ему нравилось быть живым.

— Но почему Бэзил лежит здесь? — не унимался он.

— У него небольшое боевое ранение, — сказал аббат. — Но зато он вернул нам портрет Мартина, это настоящий подвиг.

Матиас пришел в восторг:

— Портрет Мартина снова в аббатстве? Вот здорово! Старый Мафусаил готов был ползть хоть на луну, только бы достать его.

Наступило тягостное молчание. Аббат повернулся к брату Альфу и Василике:

— Оставьте нас ненадолго одних. Я хочу поговорить с Матиасом. А кроме того, ему нужен сейчас отдых.

Через полчаса, закончив рассказ о Мафусаиле, старый аббат тоже ушел. Матиас отвернулся к стене. После

всех потрясений он был не в силах ни плакать, ни горевать. Смерть друга оставила в груди чувство невосполнимой пустоты.

Матиас и сам не знал, сколько он пролежал так, подавленный горем. Только поздним утром заяц Бэзил Олень, проснувшись, попытался взбодрить его, но Матиас сказал чуть слышно:

— Бэзил, оставь меня в покое. Мафусаил умер, и я не хочу ни с кем разговаривать.

Бэзил перескочил к Матиасу на кровать и уселся рядом с ним.

— Ну, ну, приятель. Думаешь, я не понимаю, каково тебе сейчас? Это я-то, бывалый солдат! Если вспомнить всех друзей, которых я потерял в былых битвах... Нельзя же так раскисать! Будь старина Мафусаил здесь, он первый бы окатил тебя холодной водой и за уши выдернул из постели.

Матиас сел и шмыгнул носом:

— Ты правда так думаешь, Бэзил?

Заяц хлопнул себя по «раненой» ноге, подмигнул и громко расхохотался:

— Не думаю, а знаю! Разве старик отдал свою жизнь для того, чтобы ты, лежа на боку, предавался жалости к самому себе? Воины так не поступают. Ну-ка вставай, встряхнись, и пусть Мафусаил гордится тобой! Давай-ка вернемся к нашим повседневным делам. Лично я умираю от голода. А ты как?

Матиас весело рассмеялся:

— Ну, когда ты заговорил о еде, я почувствовал, что тоже немного голоден.

— Вот и отлично! — вскричал заяц. — Знаешь, я бы съел сейчас целого оленя, вместе с рогами. И поверь моему слову, тут раненых кормят прекрасно.

Заяц взял со столика у кровати бронзовый колокольчик и позвонил. Через несколько секунд появились монах Гуго и Василика.

— А вот и провиантская команда! — объявил Бэзил. — Гм-гм! Раненый воин с соседней кровати и я были бы вам премного обязаны, если бы вы доставили нам небольшое подкрепление. Не слишком много, само собой разумеется. Просто нам, раненым, надо иногда чего-нибудь пожевать. Чтобы кожа от костей не отпала, не так ли?

Василика была рада видеть, что Матиасу уже много лучше. Она подмигнула сначала ему, а потом монаху Гуго. Толстяк почтительно поклонился и сказал зайцу:

— Вы меня убедили, мистер Олень. Сию секунду принесу две миски каши.

Матиас и Василика с трудом удержались от смеха, когда заяц заорал:

— Каша? Какая там каша! Разве так кормят знаменитых воинов? Мы хотим выздороветь, а не протянуть ноги. Слушай мою команду! Ты, кухонный мушкетер, мы хотим закусить как следует. Полдюжины яиц, летний салат, две ореховые запеканки, два, нет, лучше четыре яблочных пирога. Ну что уши развесили? Выполняйте приказание, да побыстрее!

— Сэр, вы, кажется, забыли про октябрьский эль, — смиренно сказал Гуго.

Бэзил стукнул лапой по кровати:

— И то правда! Ну что ж, четырех кувшинов нам будет достаточно.

Потом, уже после еды, Матиас принялся расспрашивать зайца:

— Бэзил, а что такое аспид?

— Гм, аспид. Это, видишь ли, такая ядовитая змея, гадюка. Никогда не имел дело с этими скользкими тва-

рями. И тебе советую держаться от них подальше, старина.

Но Матиас задал новый вопрос:

— Бэзил, а у нас, в Лесу Цветущих Мхов, водятся аспиды?

— Аспиды в нашем лесу? Сомневаюсь. Когда-то я слышал об одном, но не думаю, что он еще жив. Мерзкие твари эти змеи. Как же звали того проклятого аспида? Нет, ни за что не вспомню.

— Может, Асмодеус? — невинно спросил Матиас.

— Асмодеус? Кто тебе сказал?

— Воробьи, — сказал Матиас. — Видишь ли, много лет назад один из их воробьиных королей украл меч из флюгера на крыше аббатства. С тех пор меч передавался от короля к королю по наследству, пока не попал к последнему — королю Быку.

— Тому самому придурку, который умудрился вчера утонуть? — спросил Бэзил, уплетая ореховый коржик.

— Ему самому, — подтвердил Матиас. — Короче говоря, меч у него украл аспид. Теперь тебе ясно, почему я расспрашиваю про Асмодеуса?

— Играешь с огнем. Смотри, обожжешься, — предостерег заяц.

Но Матиас настаивал:

— Ну пожалуйста, Бэзил, расскажи, что тебе известно об Асмодеусе! Ведь Мафусаил посвятил поискам меча всю свою жизнь, и я должен найти меч хотя бы ради него.

Заяц задумчиво жевал.

— Честно говоря, приятель, толком я ничего не знаю об этом поганом змее. Я был уверен, что он давно сдох.

Матиас застонал от разочарования, но Бэзил заговорил снова:

— Однако мне прекрасно известно, кто знает о нем почти все. Так вот, слушай: если ты пересечешь Лес Цветущих Мхов в северо-восточном направлении, то на опушке найдешь заброшенный дом. Там живет огромный белый филин. Его зовут капитан Снег. Но имей в виду: как только он тебя увидит, он немедленно попытается тебя сожрать. Нападет — и слова сказать не успеешь.

— Как же мне с ним поговорить? — спросил Матиас.

— Терпение, терпение, мой юный друг, — усмехнулся заяц.

С этими словами он достал из шкафчика свою военную форму, усыпанную медалями и знаками отличий, их хватило бы на целую роту. Выбрав одну из медалей, он отстегнул ее и бросил Матиасу:

— Лови! Этой медалью капитан Снег наградил меня за то, что я спас ему жизнь.

— Ты спас жизнь филину? — удивился Матиас.

— А что тут такого? — улыбнулся Бэзил. — Пернатый растяпа устроился спать на старом гнилом дереве. Поднялся ветер и повалил дерево, и старика придавило. Если бы я случайно не оказался рядом, он бы, конечно, погиб, но я поднатужился и выдернул его из-под завала. Не мог же я оставить его там, чтобы он совсем расплющился, — физиономия у него и без того плоская.

— Значит, надо просто показать ему эту медаль? — спросил Матиас.

— Только если тебе не хочется достаться ему на обед, постарайся, чтобы он сначала увидел медаль, а уж потом тебя. Скажи старому ворчуну, что тебя послал заяц Бэзил Олень. И вот еще что. Всегда обращай к нему: капитан или сэр. И не забудь принести медаль обратно.

Если на военной форме не хватает награды — это непорядок, сам понимаешь.

Матиас внимательно осмотрел медаль. Это был серебряный крест, украшенный изображением филина с расправленными крыльями, на ленте белого шелка. Медаль, хотя и потертая, ярко сияла на солнце.

— Спасибо тебе, Бэзил, — сказал он. — Я постараюсь вернуть ее тебе.

— И запомни, что капитан Снег охотится только по ночам. Днем он обычно спит на каком-нибудь дереве. Правда, один глаз у него всегда открыт. Но старик Снег видит все. Он знает всех зверей на своей территории — кто где живет, где их тропы — в общем, все во всех подробностях. Филинов не зря считают мудрыми. Хотя, как говорится, и на старуху бывает проруха, вот угодил же он под упавшее дерево. Держи с ним ухо остро. Если он увидит тебя спящим — сожрет вместе с медалью.

Бэзил допил эль и сладко зевнул:

— А теперь лучшее, что ты можешь сделать, Матиас, — это поспать. Лично я после закуски чувствую себя совершенно обессиленным. Надо хоть немного вздремнуть.— С этими словами Бэзил закрыл глаза и вскоре захрапел.

Матиас решил последовать его примеру. Засыпая, он думал о том, какой все-таки удивительный этот Бэзил Олень.

Матиас проснулся после полудня. Комнату заливал яркий свет летнего солнца. Рядом громко храпел Бэзил. Плечо еще болело, но Матиас чувствовал себя уже достаточно хорошо и готов был хоть сейчас отправиться в путь. Только бы его не застукали! Если аббат, Василика или кто-нибудь еще узнают о том, что он задумал, у него не останется ни малейшего шанса выскользнуть из аббатства.

Матиас бесшумно встал, оделся и, связав свои сандалии тесемками, повесил их на шею. Взяв чистую наволочку, он затолкал в нее остатки еды. Кто-то заботливо положил его кинжал в тумбочку у кровати — его, наверное, нашли на полу Большого зала. Оглядевшись по сторонам, Матиас увидел длинную палку — ею, по всей видимости, пользовались для открывания окон и занавесок — и решил, что она может ему пригодиться.

Он чуть приоткрыл дверь, но, увидев в коридоре аббата и брата Альфа, тут же захлопнул ее. Он услышал голос брата Альфа:

— Я заглядывал к ним минут десять назад, отец настоятель. Спят, как белки зимой. Наверное, до вечера не проснутся.

Матиас прислушался: уходят! Он выскользнул из комнаты и крадучись пошел по коридору. Он сам удивился тому, что сумел незамеченным пробраться к одной из потайных дверей, через которую можно было выйти в лес. Оказавшись в лесу один, Матиас почувствовал, что — увы! — он еще не слишком твердо стоит на ногах. Он сел на землю, прислонившись к стволу бука, и немного отдохнул.

Привязав наволочку с едой к палке, он перекинул ее через здоровое плечо и решительно зашагал на северо-восток.

Но солнцу Матиас определил, что приближается вечер. До сих пор он шел через лес без приключений. Он только однажды ненадолго остановился, чтобы перекусить, а затем снова устремился вперед, стараясь ступать бесшумно. Ему повезло — он наткнулся на тропу, что огибала заросли кустарника и обходила болота. Ориентируясь по солнцу и по мху на деревьях, он продолжал шагать на северо-восток. Помня о том, что может оказаться на территории капитана Снега в любой момент, Матиас заранее прикрепил медаль к своему облачению.

Внезапно на тропу прямо перед носом Матиаса прыгнула мышь и преградила ему путь. Он остановился и стал разглядывать незнакомку.

Это была весьма странная мышь, и он даже не был вполне уверен, что это действительно мышь.

Взъерошенный мех топорщился во все стороны, на голове — яркий пестрый шарф. Незнакомка, на голову ниже Матиаса, храбро стояла перед ним, загораживая тропу, и свирепо сверлила его взглядом.

Матиас приветливо улыбнулся:

— Здравствуй! Прекрасный сегодня денек, не правда ли?

— Прекрати молоть чепуху, — ответила знакомка грубо. — Кто ты такой? Почему ты вторгся на земли землероек?

Матиас задумался. Значит, это землеройка? Никогда раньше он не видел землероек, но много слышал об их дурном характере. Он решил взять инициативу на себя и прорычал насколько мог грубо:

— Не твое дело, кто я такой! А вот ты сама кто такая?

Землеройка на мгновение опешила, а потом гаркнула во всю глотку:

— Меня зовут Гуосим, но ты все еще не сказал мне, что тебе надо на наших землях!

— Гуосим, — задумчиво протянул Матиас. — Это что еще за имя? К тому же если вы не хотите, чтобы через ваши земли кто-то проходил, поставьте здесь знаки. Насколько мне известно, Лес Цветущих Мхов открыт для всех и всегда.

— Кроме этой части! — рявкнула землеройка. — Ты что, совсем ничего о нас не знаешь? Я Гуосим, председатель Повстанческого союза землероек Леса Цветущих Мхов.

Матиас только рассмеялся в ответ:

— Какое мне дело до вашего союза. Прочь, пропусти воина аббатства Рэдволл! — И Матиас сделал шаг вперед.

Землеройка засунула лапы в рот и пронзительно свистнула. Кусты вокруг зашуршали, и вскоре Матиаса окружило не менее пятидесяти землероек. Они обступили его со всех сторон, ругаясь и пререкаясь на все лады. Все они носили на головах яркие повязки и были вооружены шпагами. Гуосим с большим трудом удалось призвать своих подчиненных к порядку.

— Товарищи! — прокричала она. — Скажите ему, что мы делаем с теми, кто вторгся на наши земли!

Тотчас последовали разнообразные ответы:

— Ломаем лапы.

— Сдираем заживо кожу.

— Отрубаем нос.

— Подвешиваем за хвост.

— Запихиваем усы в уши.

Из толпы землероек выбрался сурового вида пожилой субъект, отпихнул Гуосим в сторону и свистнул. В лапе у него была черная галька, он ее поднял высоко над головой.

— Товарищ, который хочет взять слово, должен брать камень. Все остальные должны заткнуться и слушать!

Наступила полная тишина. Землеройка дала гальку Матиасу:

— Объяснись,мышь.

Раздалось несколько негодующих возгласов. Как же так — прищельцу, который совсем не землеройка, предоставляется первое слово! Старик даже подпрыгнул от ярости:

— Да заткнетесь вы когда-нибудь или нет? Камень у него.

Снова наступила тишина. Матиас откашлялся и заговорил:

— Повстанческий союз землероек Леса Цветущих Мхов, прошу у вас прощения. Я впервые в этой части леса и, сам того не желая, невольно вторгся на вашу территорию. Знай я об этом, я пошел бы другой дорогой. Вы, наверное, догадались по моему облачению, что я из аббатства Рэдволл. Я воин, но цель нашего Ордена — помогать слабым и лечить больных. Все звери всех лесов и полей беспрепятственно пропускают мышей Рэдволла через свои земли. Таков закон.

Старший из землероек, которого звали Лог-а-Лог, забрал камень у Матиаса и обратился к своим собратьям:

— Так, товарищи. Теперь давайте поднимем лапы. Сначала те, кто за то, чтобы пропустить мышь.

Потом подняли лапы те, кто был против.

— Так, — задумчиво сказал Лог-а-Лог. — Половина за, половина против. Решающий голос мой. Скажу вам, что, хотя мы живем по своим собственным законам, Рэдволл — это краса и гордость Леса Цветущих Мхов. Мыши из аббатства никому не приносят вреда, напротив, делают много хорошего. — Лог-а-Лог поднял лапу. — Поэтому, товарищи, я голосую за то, чтобы пропустить мышь!

Не успел он договорить, раздались одобрительные и возмущенные крики, гвалт нарастал с каждой минутой, затем споры начали переходить в потасовку. Гуосим вырвала камень у Лог-а-Лога и отчаянно замахала им над головой.

— Слушайте! — закричала она. — Товарищи, мы все признаем мудрость Лог-а-Лога, но я — председатель нашего союза. Этот мышонок еще не сказал нам, куда он направляется.

Все снова затихли, одна из землероек, выхватив камень у Гуосим, сунула его Матиасу.

— Меня зовут Матиас. На аббатство Рэдволл собирается напасть Клуни Хлыст со своей бандой...

Раздались дружные проклятия. Но Матиас уже знал, что делать. Действие черного камня на это крикливое, беспокойное собрание было поистине волшебным. Матиас поднял камень высоко вверх и продолжал:

— Как я уже только что сказал, на наше аббатство собирается напасть Клуни Хлыст со своей бандой. Вы, как видно, уже слышали это имя. Мне кажется, я знаю, как справиться с Клуни. Я ищу древний меч, который некогда принадлежал величайшему из мышей, имя которого — Мартин Воитель. Чтобы найти меч, я должен выяснить у капитана Снега, где мне найти Асмодеуса.

Услышав это, землеройки бросились врассыпную, и Матиас остался на тропе в полном одиночестве. Через несколько минут из кустов осторожно высунулись Лог-а-Лог и Гуосим. Забыв, что у нее нет камня, Гуосим заговорила прерывающимся от страха голосом:

— Ты что, и вправду собираешься пойти к Снегу и говорить с ним?

Матиас кивнул. Тут вступил в разговор Лог-а-Лог:

— И ты хочешь узнать у капитана, где найти Большого Ядовитого Зуба? Ты или очень храбрый, или очень глупый. Ты просто не знаешь, к кому идешь. Капитан Снег... да он тобой позавтракает, вот и весь разговор! А что касается другого — Большого Ядовитого Зуба, — добровольно к нему еще никто не совался. Никому не под силу с ним справиться!

Из кустов, где спрятались остальные землеройки, раздались душераздирающие стоны.

Матиас поднял камень высоко над головой и воскликнул:

— Землеройки, я не прошу вас воевать вместо меня. Просто скажите, где найти капитана Снега. А если я найду меч, то, возможно, помогу и вам.

Лог-а-Лог взял камень в свои лапы:

— Матиас из Рэдволла, ты сейчас на нашей земле. Мы будем сопровождать тебя повсюду. Повстанческий союз землероек не запятнает себя позором, предоставив чужаку воевать с их врагами вместо них. Нас не всегда будет видно, но знай: мы рядом. Идем.

Матиас продолжил свой путь в окружении землероек, которых, казалось, становилось все больше и больше. К ночи набралось больше четырехсот членов Повстанческого союза. Остановившись на ночлег, они разожгли костер и разделили хлеб с воином Рэдволла. Ночь Матиас провел внутри полого бревна, умело замаскированного под целое. Как и Бэзил, землеройки были специалистами по маскировке.

За полчаса до рассвета Матиаса разбудил один из повстанцев и протянул ему сделанную из желудя чашу со сладким ягодным соком, краюху орехового хлеба и какие-то коренья. С первыми лучами зари все снова отправились в путь и к полудню достигли края Леса Цветущих Мхов. Деревья расступились. Впереди лежало поле, покрытое высокой травой с мелькающими там и сям лютиками и щавелем. Вдалеке виднелся заброшенный дом, о котором Матиасу говорил Бэзил. Землеройки тотчас исчезли — все, кроме Гуосим и Лог-а-Лога. Последний указал на пристроенный к дому сарай:

— Капитан Снег, наверное, дремлет вон в том сарае. Сейчас, пока у него после ночной охоты брюхо полное, идти к нему самое время.

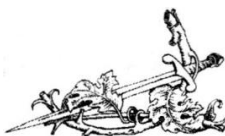
Гуосим и Лог-а-Лог тоже исчезли. Оставшись совсем один, Матиас пересек освещенное солнцем поле, — пе-

ресек так, как его учил Бэзил, — меняя направление, пригибаясь и извиваясь.

Наконец, на цыпочках он вошел в сарай. Филина нигде не было видно. В полумраке Матиас разглядел валяющуюся в углу заржавленную крестьянскую утварь. У одной стены высилась стопка пыльных тюков с соломой. Он решил забраться по этим тюкам — ведь капитан Снег наверняка спит где-нибудь на стропилах.

Матиас решительно полез по тюкам вверх. Оказавшись под потолком, он огляделся. Никого. Он прошел вперед и неожиданно провалился в щель между тюками.

Но до пола Матиас не долетел. Он упал прямо в открытую пасть огромного рыжего кота!

Стоя на стене, Констанция не сводила глаз с дороги. За ее спиной вставало солнце — как всегда на востоке. Но барсучиха думала не о солнце, а о других, более важных сейчас вещах. Вдруг к ней подбежал аббат, за ним, хромая, спешил Бэзил. Оба выглядели крайне обеспокоенными.

— Ты случайно не видела Матиаса? — спросил аббат. — Еще днем он убежал из лазарета.

Бэзил был серьезен, как никогда.

— Боюсь, это я во всем виноват. Мне надо было смотреть за сорванцом в оба. Теперь опять придется разыскивать его.

— Вряд ли нам удастся пойти на поиски Матиаса, — сказала барсучиха. — Смотрите!

Вдали над дорогой поднималась туча пыли. Все трое потянули носом воздух. Сомнений быть не могло: армия Клуни идет на Рэдволл!

— Теперь каждый солдат на счету, — сказала Констанция. — Конечно, не стоит раньше времени поднимать панику, но, похоже, они собираются брать аббатство штурмом. Лиса не соврала.

Немедленно послали за Джесс, Винифред, Кротональником и Амброзием. Вскоре все поднялись на стену и стали всматриваться в приближающуюся тучу пыли. До их ушей уже доносился барабанный бой, и можно было разглядеть отдельных крыс.

— Направляются прямо к нам, — мрачно сказала Джесс. — Пора объявлять общий сбор.

По знаку аббата Джон Черчмаус ударил в колокол: тревога! Все мыши, схватив оружие, тотчас побежали на стену и быстро построились, ожидая дальнейших приказов.

Клуни замахал штандартом, и его орда постепенно останавлилась.

Прикрыв глаза от солнца, он взглянул вверх, на стену аббатства.

— Сдавайтесь Клуни Хлысту! — заорал он.

— Лучше уноси ноги, пока цел, — ответила ему Констанция.

Клуни отступил на несколько шагов. Тотчас вперед выступили, раскручивая над головой свое оружие, два отряда крыс с пращами. Выкрикивая угрозы и проклятия, они дали по стене залп. Камни, не причинив никому вреда, отскочили от стены и упали на дорогу.

Стукнув себя по лбу, Клуни выругался. Задумывая всю эту операцию, он допустил тактическую ошибку: не учел, что солнце будет светить в глаза его армии.

Да, сейчас преимущество было на стороне обороняющихся. Это стало ясно, как только выдры на крысиный залп ответили залпом увесистых галек. В армии Клуни послышались вопли и стоны — камни достигли своей цели. Один камень даже ударил по шлему Клуни.

— Назад, в канаву и на лут! И без паники! — Клуни изо всех сил старался говорить спокойно.

Он отступил последним, стараясь вести себя так, будто все идет, как он и задумал.

У стены остались лежать четыре мертвые крысы. Рядом валялся брошенный хорьком Кроликобоем барабан. Бэзил Олень усмехнулся:

— Они думали нас напугать! Но наши ребята сбили с них спесь, не так ли?

— Они теперь будут дожидаться, когда солнце станет светить нам в глаза, — пояснил Кротона начальник.

— Но мы-то ждать не будем, — воскликнула Джесс. — Лучников сюда! Пращники, приготовьтесь! Пусть этот сброд в канаве немного призадумается, порастрясет свой жир.

На лугу, куда не долетали камни и стрелы, Кроликобой пытался успокоить своего хозяина:

— Ух, какой хитрый ход с вашей стороны, сэр! Теперь они решат, что им ничто не угрожает! А нам ведь только того и надо.

Наградой хорьку за несвоевременную лесть был удар штандартом по голове.

— Заткни пасть, вонючка, — злобно сказал Клуни. — Лучше займись устройством командного поста. Сырокрад, где отряд с тараном?

— Уже подходят, хозяин! — гаркнул Сырокрад и потрусил прочь, чтобы выяснить, куда запропастились его подчиненные.

Тем временем белка Джесс спустилась по веревке к подножию стены и, обвязав конец веревки вокруг старой кадки, приспособленной хорьком под барабан, прыгнула в нее и крикнула:

Констанция, вытягивай!

Кадка взмыла вверх. Джесс усмехнулась: у нее уже созрел план, как использовать эту кадку против крыс. Заяц Бэзил Олень бродил по стене, зажав под мышкой щегольской стек.

Повязки на его ноге уже не было. Он вернулся в строй, и «честная боевая рана» была полностью забыта.

В тени шатра, поставленного хорьком, Клуни предавался невеселым размышлениям.

Наконец-то, возглавляя отряд крыс с тараном, показался Сырокрад. Стараясь выслужиться перед хозяином, он шагнул впереди отряда, помогая подчиненным тащить его.

— Давай, давай, ребята! — кричал он. — Постучимся-ка в двери аббатства!

Преодолев канаву, они пересекли дорогу. Крысы оказались под самыми стенами аббатства и в полной безопасности: здесь обороняющиеся не могли попасть в них ни стрелой из лука, ни камнем из пращи.

Ворота гулко загудели под ударом тяжелого тарана. По команде Сырокрада отряд отбежал назад и снова ударил тараном в ворота.

Увидев это, Клуни обрадовался: дело пошло на лад. Сырокрад оказался способнее, чем он предполагал.

Таран ударил в третий раз. Чтобы можно было стрелять по таранщикам Сырокрада, лучники высунулись из своих укрытий. И Клуни тотчас приказал стрелять своим лучни-

кам и пращникам. К тому же солнце начало смещаться к югу и не слепило крысам глаза. Теперь крысиные стрелы поразили многих защитников аббатства, и мыши вынуждены были попрятаться. Таран продолжал бить в ворота, но те стояли пока крепко.

Град стрел и камней со стены аббатства ослабел, и крысиная армия выбралась наконец из канавы на луг. Клуни явно повеселел. Он подозвал к себе Кроликобоя:

— Зови своих землекопов! Собирай хорьков, ласок и горностаев. Веди к юго-восточному углу стены. Когда стемнеет, я подам знак и вы начнете подкоп.

Штурм продолжался до вечера. Крысы все так же безрезультатно таранили ворота. Когда угасли последние отблески вечерней зари, Констанция созвала командиров на совет. Они уселись в темноте за зубцами стены, и барсучиха озабоченно сказала:

— Послушайте, мы пока еще держимся, но ворота скоро не выдержат. Нужно что-то предпринять.

Таран продолжал свою беспощадную работу. Амброзий Пика кратко доложил, что верхняя часть ворот уже треснула. Кротоначальник заверил, что рытье подкопа займет у крыс не меньше нескольких дней, а его кроты, едва начнется рытье, сразу же сообщат об этом.

Саперная команда дремала, а сам Кроликобой во весь рост растянулся на поросшей мягким мхом земле.

— Ну что ж, ребята. Это лучше, чем подставлять шкуру под стрелы! Моя матушка всегда говорила: найди работу полегче и не высовывайся!

Пригнувшись, к ним подошел Грязнонос:

— Клуни приказал начинать.

Хорек когтем начертил крест на земле.

— Начнем отсюда, ребята. Давай, братва, начинай, рой до победы!

ВОИН РЭДВОЛЛА

КНИГА
ТРЕТЬЯ

Штурм Рэдволла продолжался всю ночь. Атаки нападающих были безуспешны. Когда крысиный натиск ослабевал, мыши свешивались со стен и метали во врага стрелы, копья и камни. Но гулкие удары штурмового тарана в ворота не прекращались ни на минуту. Сырокрад каждый час сменял своих солдат и неотлучно был рядом с ними.

Клуни был им доволен и мысленно уже произвел его в свои заместители. Сырокрад, чувствуя расположение хозяина, удвоил усердие и, как надсмотрщик на каторге, выжимал из своих крыс семь потов.

Констанция, вместе с остальными командирами наблюдавшая со стены аббатства за солдатами Сырокрада,

озабоченно хмурила брови. Только заяц Бэзил Олень, как бывалый вояка, сохранял полное хладнокровие.

— Помяните мое слово, — усмехнулся он. — Судя по тому, как эти негодяи внизу управляют со своим тараном, подкоп им не понадобится. Еще полдня, и крысы полезут через завал.

Амброзий Пика хмуро взглянул на беззаботного зайца:

— Это поистине успокаивает. Может, скажешь еще что-нибудь для поднятия настроения?

Бэзил с оскорбленным видом отошел в сторону, причем хромота, от которой он было излечился, внезапно вернулась к нему.

— И чего ты, старина, надулся как мышь на крупу? Я просто по-военному делюсь своими наблюдениями, вот и все.

Констанция тотчас прикрикнула на ежа и зайца:

— Нашли время ссориться! Прекратите дуться и немедленно помиритесь. Нужно что-то придумать.

Смущенно улыбаясь, Амброзий и Бэзил пожали друг другу лапы. Винифред в раздражении пнула камень на стене:

— Должен же быть какой-нибудь способ остановить Сырокрада! Наши потери слишком велики: стоит высунуться из-за зубцов, крысы тотчас берут на прицел. Наверняка есть простое решение, но оно никому из нас не приходит в голову.

Джесс и Молчун Сэм выкатили на стену кадку, белка хлопнула по ней лапой:

— Конечно простое — вроде этой кадки!

Командиры обступили кадку и стали с любопытством рассматривать ее. Сверху кадка была затянута марлей, изнутри доносился странный шум.

— Джесс, не томи душу. Скажи, что там внутри? — воскликнула барсучиха.

— Там внутри мои верные товарищи по оружию, — наконец смиростивившись, торжественно объявила Джесс, — Они помогут нам разогнать отряд Сырокрада, и скажите спасибо моему сынишке — это он отыскал осиное гнездо.

— Ну конечно, вот оно, простое решение! — Бэзил громко хлопнул Джесс по спине. — Осиное гнездо в кадке! Надо просто-напросто спихнуть ее вниз на этих надоедливых крыс!

Джесс и Сэм улыбнулись.

— Да, но это только первая часть нашего плана, — сказала Джесс. — А сейчас увидите и вторую.

Они с Сэмом мгновенно исчезли и вернулись с двумя бочонками.

— Два бочонка отличного растительного масла, скользкого-прескользкого! — пояснила Джесс. — Сперва сбросим кадку, потом обольем их маслом. А потом посмотрим, удастся ли им подойти к воротам!

На еще недавно мрачных лицах появились радостные улыбки. Сэм важно раскланивался во все стороны. Теперь уже никто не запрещал ему быть на стене.

Крысы упорно дубасили тараном в ворота. Винифред и Констанция поставили кадку на самый край стены. Затем барсучиха высунула голову и взглянула вниз, ожидая подходящего момента. Наконец она поманила Сэма к себе.

— Прощу вас, окажите нам честь, мастер Сэмюэл! — с шутовской церемонностью попросила она.

С не меньшей серьезностью Сэм изящно поклонился и пнул кадку лапой. Жужжа, она полетела вниз.

Удар, треск дерева, а за ним — отчаянный вопль крыс. Корчась от боли, спасаясь от тучи рассвирепевших ос, крысы бросились наутек через дорогу. Одни побежали на луг, другие нырнули в канаву, но осы настигали их повсюду.

Забытый таран, освещаемый брошенными факелами, лежал перед воротами. Два бочонка с растительным маслом тотчас полетели вниз. Они разбились о бревно и обильно облили его маслом.

Пока осы не напали на самих защитников аббатства, Бэзил порекомендовал всем спуститься в привратническую, где в ознаменование победы их ожидала закуска.

Клуни скрючился в темном подземном ходе, туда набилось столько солдат, что они задыхались от духоты. Кроликобой закрывал выход плащом хозяина, а снаружи воздух гудел от осиною жужжания и жалобных стонов.

Время от времени хорек ощупывал свой распухший нос и опасливо оглядывался.

Клуни хранил ледяное молчание. Опасаясь насмешек, он даже не пытался сесть или осмотреть ужаленные места на своем теле. Оставалось только терпеть жгучую боль.

В дальнем конце луга остатки крысиной армии забились в пруд — над крысами, ожидая, когда кто-ни-будь высунет из воды нос, кружились осы.

На рассвете крысиная армия была в самом жалком виде. Клуни с трудом сдерживал гнев. Его вояки выглядели столь плачевно, что ругай не ругай — толку никакого. В канаве неподвижно лежали семь крыс, два хорька и горностай — они умерли от осиних укусов.

Сырокрад, от головы до хвоста покрытый волдырями, хромая, подошел к Клуни:

— Хозяин, они облили таран маслом. Мы пытались его поднять, но это все равно что схватить мокрого утря. Проклятое бревно выскальзывает из лап. Одному из моих уже переломало задние лапы. Мыши, хозяин, оказались коварнее, чем мы думали. Сначала осы, потом это!

Клуни указал на дальний край луга:

— Отведи своих солдат вон туда. Пусть поедят и отдохнут. И пошли кого-нибудь за листьями подорожника — прикладывать к укусам. А я пойду в шатер и обдумаю, что делать дальше. Мы еще далеко не побеждены. Они не смогут каждый день находить по осиному гнезду.

Клуни, почесывая на ходу спину, решительно зашагал прочь.

Осы ужалили также и нескольких мышей, их принесли в лазарет аббатства. К счастью, у лекарей было особое снадобье против укусов насекомых — брат Руфус имел свой рецепт.

Через несколько часов Констанция и другие командиры снова собрались на стене. Крысы, зализывавшие свои раны на лугу, сейчас были неопасны, и защитники аббатства решили тщательно осмотреть ворота.

Белку Джесс на веревке спустили со стены. Вскоре она вернулась назад и сказала, что, хотя таран оставил глубокие вмятины и в двух местах появились трещины, ворота пока держатся.

Констанция решила, что позже нужно будет на веревке спустить вниз плотников и кузнецов — пусть подлатают ворота. Последнее время барсучиха постоянно думала об одном и том же: надо убить Клуни Хлыста! Отсеки голову — и тело умрет.

Со стены аббатства был хорошо виден шатер предводителя разбойников. В ярком солнечном свете на стене шатра четко выделялась тень большой крысы. Но шатер слишком далеко, стрелой из лука или камнем из пращи его не достанешь. Значит, нужно найти более мощное оружие! Что если тайком от крыс установить на стене что-нибудь вроде арбалета? И ведь будет достаточно одной стрелы или копья, чтобы навсегда избавиться от Клуни Хлыста!

Констанция поделилась своей задумкой только с бобром, без услуг которого ей было не обойтись. Затем, оставив его в саду подгрызать молодое тисовое дерево, она отправилась на поиски подходящей для исполнения ее замысла стрелы. Длинный ясеневый шест, служивший для тушения свечей, подошел ей для этой цели как нельзя лучше. Констанция расплющила бронзовый конический гасильник получился острый наконечник. Безобидный шест превратился в грозное оружие! К другому концу шеста она прикрепила утиные перья. С помощью бобра Констанция изогнула тисовое деревце в форме лука и, прикрепив его гвоздями к большому обеденному столу, потащила на стену. В ответ на вопросы любопытствующих барсучиха только фыркала, — мол, в свое время узнаете. Вдвоем они уселись на камни стены и, поскольку подошло обеденное время, принялись за еду, тихонько переговариваясь.

— Неплохо придумано!

— Сплюнь через левое плечо. Ведь мы сможем сделать только один выстрел.

— Ну и одного будет вполне достаточно.

— Пожалуй, после полудня его будет видно лучше.

— Верно. Подождем немного.

Пообедав, бобер и барсучиха улеглись на нагретых солнцем камнях и через полчаса уже вовсю храпели.

Клуни, без сомнения, был умен. На этот раз он разработал безупречный план. Он вышел из шатра на луг и отобрал около тридцати крыс.

— Следуйте за мной, — скомандовал он. — Сырокрад, пока я не вернусь, ты остаешься за главного.

Без дальнейших объяснений Клуни зашагал во главе своего отряда — сначала к перевернутой телеге в придорожной канаве, а потом свернул в Лес Цветущих Мхов.

Сырокрад, не уступавший в честолюбии своему предшественнику Краснозубу, истолковал приказ Клуни как желанное повышение в заместители. О, хозяин даже не вспомнил о Темнокогте! Сырокрад на радостях забыл об осиных укусах и, упиваясь своей властью, принялся расхаживать по лагерю.

— Темнокогть, пошли хорьков за подорожником, — приказал он. — И смотри, чтобы никто не уходил слишком далеко. Если что случится — найдешь меня в шатре.

Темнокогть состроил презрительную гримасу, но подчинился — иначе Сырокрад наверняка пожалуется на него Клуни.

Сырокрад ввалился в шатер и огляделся. Клуни оставил недоеденным голубя, немного сыра, в его фляге еще оставалось немало браги из церкви святого Ниниана.

Он с жадностью набросился на еду. Краснозуб всегда так делал — почему же нельзя ему, Сырокраду? Заместитель Клуни имеет право на свою долю. Развалившись в хозяйском кресле, он задрал задние лапы на заваленный картами стол, довольный, что карьера его удалась. Хорошо бы дождь хлынул — тогда всем станет видно его

высокое положение: они мокнут под дождем, а он сидит в шатре и в ус не дуёт!

Сырокрад заглянул в карты на столе, но не понял в них ничегошеньки и заскучал.

На полу лежал хозяйский шип, который Клуни перед боем надевал на хвост. Осторожно, стараясь не уколоться, Сырокрад нацепил его на хвост себе. Потом завернулся в плащ Клуни. Плащ оказался великоват, но выглядел в нем Сырокрад все равно впечатляюще! Затем Сырокрад нерешительно взглянул на шлем. Высунувшись из шатра, он огляделся: хозяина нигде не видно. Отлично! Его, пожалуй, не будет еще час-другой.

Колокол Джозефа пробил полдень.

Констанция растолкала спящего бобра:

— Сейчас его хорошо видно. Вон он, Хлыст, видишь? Вырядился, как на парад. Другой такой возможности не будет.

Огромный лук сработал превосходно. Радость Сырокрада по случаю повышения оказалась недолгой. Он так и не понял, что убило его.

Оказавшись в пасти кота, Матиас закричал от страха.
— Тьфу!

Рыжий кот с отвращением выплюнул мышонка на пол амбара. Матиас лежал мокрый, дрожащий, весь облепленный пылью и соломой. Он понимал, что лучше лежать неподвижно и притвориться мертвым. От кота ведь не убежишь. Он лежал, глядя снизу вверх в кошачьи глаза — огромные бирюзовые озера, в которых плавали золотистые искры.

Кот тоже смотрел на Матиаса — с отвращением и досадой. Потом он старательно вытер лапой язык и сплюнул, словно пытаясь избавиться от отвратительного вкуса.

— Ужас! Ужас как не терплю мышей! Грязные, бегают неизвестно где.

Кот говорил нараспев — его певучий голос при других обстоятельствах показался бы, наверное, забавным. Матиас лежал все так же неподвижно.

Рыжий кот брезгливо коснулся его лапой:

— Вставай, противный! Я знаю, ты жив.

Матиас медленно поднялся — судя по всему, кот считает его несъедобным. Некоторое время они молча разглядывали друг друга. Матиас не знал, что сказать. Кот заговорил снова, на этот раз в его голосе сквозило пренебрежение:

— Ну и что ты молчишь? Тебя, видимо, дурно воспитывали. Тебе не кажется, что, если ты запрыгнул кому-то в рот, следует по крайней мере извиниться?

Матиас, с трудом поднявшись, нерешительно поклонился:

— Прошу прощения, сэр. Это вышло нечаянно. Я, видите ли, упал. Прошу вас принять мои извинения. Я — Матиас из Рэдволла, и я искренне надеюсь, что не слишком вас беспокоил.

Кот фыркнул:

— Ну что ж, Матиас из Рэдволла, я принимаю твои извинения. Позволь и мне представиться. Я — сквайр Джулиан Джиндживер.

— Рад с вами познакомиться, сквайр Джулиан, — вежливо ответил Матиас.

Кот царственно зевнул.

— Зови меня просто Джулиан. Мой титул — наследственный, но я им не особенно дорожу. Где они, мои владения? Полуразвалившийся дом да полоска земли вдоль реки. Ни настоящих друзей, ни верных слуг, даже побол-

тать, честно говоря, не с кем. Наверное, с моей смертью род Джиндживеров и вовсе угаснет.

Матиас невольно пожалел одинокого аристократа.

— Зато вы, наверное, ведете мирную уединенную жизнь, — вежливо заметил он.

— О, не утомляй меня банальностями, — устало ответил Джулиан. — Кстати, ты не мог бы немного почиститься? Ты весь в пыли и соломе и выглядишь совершенно неприлично. А пока приводишь себя в порядок, расскажи, зачем залез в мой амбар.

Отряхиваясь, Матиас рассказал обо всем. Джулиан взглянул на него с удивлением:

— Капитан Снег? Это же маньяк! Я запретил ему здесь появляться. Никакого воспитания! Готов сожрать все, что движется. А эти ужасные манеры за столом? Он выплевывает на стол шерсть и кости, представь себе! Бр-р-р!!!

— А не подскажете ли вы, где я могу найти его? — с надеждой спросил Матиас.

— Конечно, — ответил Джулиан, — капитан Снег теперь живет в дупле. Пойдем, я прогуляюсь и заодно покажу тебе дорогу. Но не надейся, что я тебя ему представлю, даже разговаривать с ним не хочу. Когда я выставил его из амбара, мы смертельно поссорились. В тот же день я поклялся больше никогда в жизни не говорить с этим старым невежей.

Сидя на спине у кота, Матиас чувствовал себя довольно странно. Джулиан, несмотря на то что выглядел ленивым, оказался очень наблюдательным. Пересекая двор, он небрежно заметил:

— А твои друзья землеройки сегодня здесь в полном составе. Неотесанные грубияны! Думают, я их не вижу. Передай Лог-а-Логу и Гуосим, что они могут свободно приходить в амбар за сеном — филин там больше не жи-

вет. А я, клянусь небесами, их не трону. Я питаюсь исключительно растениями, разве что съем иногда немного рыбы. Мясо я не ем уже несколько лет. Можешь передать им еще одну мою просьбу: уж если они приходят в мой амбар, пусть хотя бы воздержатся от споров и драк. Крайне неприятно, когда эти сварливые землеройки мешают размышлять.

Наконец они вошли в небольшой сад, старый и запущенный. Джулиан остановился шагах в двадцати от корявого дуба. Спустив Матиаса на землю, он предостерег его:

— Капитана Снега нигде не видно, но имей в виду: он уже давно наблюдает за нами. Мне ли не знать, дома он или нет. Будь осторожен, Матиас. Старый обжора постарается тебя съесть, — впрочем, чего еще можно ожидать от филина? Ну, мне пора. Если удастся, передай ему вот что: сквайр Джиндживер говорит, что капитан Снег должен признать свою неправоту и извиниться. Только при этом условии мы можем помириться и снова жить вместе в амбаре. До свидания, Матиас. Еще раз, будь осторожен!

— До свидания, Джулиан, спасибо! — крикнул Матиас вслед последнему представителю рода Джинджи-веров.

Матиас снял медаль Бэзила со своего одеяния и, держа ее перед собой на вытянутых лапах, осторожно пошел вперед. Если Джулиан сказал, что капитан Снег где-то поблизости, значит, так оно и есть.

Дикий вопль внезапно разорвал тишину, тут же раздалось хлопанье крыльев. Филин обрушился на Матиаса неведомо откуда.

Пригибаясь и извиваясь, как учил Бэзил, Матиас принялся размахивать медалью и закричал во все горло:

— Я пришел с миром! Меня послал заяц Бэзил Олень! Я пришел с миром!

Но не успел он прокричать эти слова, как был опрокинут брюхом вверх. Огромные острые когти вырвали из его лап медаль. Подняв облако пыли своими мощными крыльями, капитан Снег сел на землю прямо перед Матиасом.

Капитан Снег горой возвышался над ним. Оперение филина было белоснежным — за исключением нескольких коричневых полосок на крыльях и темных крапин на голове. Лапы — вооружены тремя острыми когтями спереди и одним сзади. Острый изогнутый клюв внушал ужас. Глаза были огромны: два золотистых блюдца с круглыми черными зрачками.

— Назови свое имя и звание. Кто дал тебе медаль? — сухо спросил филин.

Извиваясь ужом, Матиас быстро ответил:

— Я — Матиас, воин аббатства Рэдволл. Медаль принадлежит моему другу, зайцу Бэзилу Оленю. Он шлет вам привет, сэр.

— Смирно! — рявкнул капитан.

Матиас застыл на месте. Когти филина, которые, казалось, жили самостоятельной жизнью, медленно приближались. Капитан Снег облизал наполнившийся слюной клюв. Он изнемогал от желания съесть Матиаса.

— Что тебе говорил кот? — прохрипел он. — Он говорил обо мне?

Матиас залепетал:

— Сквайр Джиндживер говорит, что если бы вы признали свою неправоту и извинились, то он помирился бы с вами и вы снова могли бы жить вдвоем в амбаре, сэр.

Матиас говорил, а сам пятился от тянувшихся к нему когтей. Внезапно филин выбросил лапы вперед, но мгновением раньше Матиас успел отскочить в сторону

и петляя побежал прочь от кровожадной птицы. Промажнувшись, капитан Снег яростно рванул когтями траву. Затем, разбежавшись, он взлетел и сел на ветку корявого дуба, рядом со своим дулом.

— Ладно, маленький воин, можешь не убегать. Вернись-ка, я хочу поговорить с тобой.

Матиас остановился — он был уже довольно далеко от дерева. Капитан Снег переступал с ноги на ногу и гневно ворчал:

— Это я-то не прав? Нет, никогда! Не стану я извиняться перед этим котом! Ни за что!

Когда филин поутих, Матиас крикнул:

— Капитан Снег, сэр! Я хочу задать вам один вопрос. Знаете ли вы огромного аспида Асмодеуса и где я могу его найти, сэр?

Филин почистил перья у себя на груди и наклонил голову.

— Я знаю всех на своей территории. О да, я знаю Асмодеуса и знаю, где он живет. Но почему ты спрашиваешь?

— Потому что у него вещь, которая принадлежит нашему аббатству. Старинный меч, сэр, — ответил Матиас.

— А-а, меч, — проговорил филин. — Да, помню. Однажды ночью змей прополз мимо меня с мечом. Но тебе никогда не отобрать этот меч у Асмодеуса! Он может так загнипотизировать тебя взглядом, что ты превратишься в живую статую. Жаль, я так не умею.

Матиас громко крикнул филину:

— Мне плевать на его волшебные глаза, ядовитые зубы, стальные кольца и все прочее! Я хочу забрать наш меч, и я украду его у змея или буду сражаться с ним.

Слова Матиаса потонули в ухающем хохоте филина — тот чуть не свалился с дерева от смеха!

— Ты собираешься сразиться с Асмодеусом, я не ослышался? Ха-ха-ха! Страшная битва аспиды с мышью!

— И капитан Снег снова залился безудержным хохотом.

Матиас вызывающе крикнул:

— Спорим на эту медаль, что я сражусь с Асмодеусом и выйду победителем!

Капитан швырнул медаль за спину, в дупло.

— Что ж, идет!

— Подожди-ка, филин! — крикнул Матиас. — А какова твоя ставка? Медаль-то не твоя, ведь ты отдал ее зайцу Бэзилу Оленю.

Распахнув крылья во всю ширь, Снег проухал:

— Моя ставка? Все, что угодно, все, что ты скажешь.

Матиас думал недолго:

— Я не хочу отбирать у тебя все. Но скажем, так: если я одолею змея, ты вернешь медаль и дашь мне в придачу несколько обещаний.

Филин еле справлялся с душившим его хохотом:

— Ха-ха-ха! Говори, что это за обещания.

— Итак, — торжественно проговорил Матиас, — поклянись, что, если мне удастся победить змея, ты никогда больше не будешь есть ни мышей, ни землероек.

— Согласен, — фыркнул филин. — Я готов даже кое-что к этому прибавить. Если ты победишь змея, я признаю, что был не прав и на коленях попрошу прощения у твоего старого надутного кота.

— Слово офицера? — настаивал Матиас.

Филин вытянул вперед крыло и, отставив в сторону лапу, торжественно произнес:

— Клянусь своим званием капитана и своими славными предками, что я, капитан Снег, верну медаль и

исполню свою клятву, если ты победишь Асмодеуса! — Филин не выдержал и расхохотался: — Ха-ха-ха, хо-хо-хо!

— А теперь, капитан, расскажи мне, где найти Асмодеуса, — сказал Матиас.

— В старом карьере, — ответил филин. — Это за рекой. В карьере много пещер, подземных ходов. Ищи змея там. Но сколько ни старайся, твоя встреча с Асмодеусом все равно будет неожиданной. Боюсь, тебе не придется сражаться: ты тотчас станешь мертвее мертвого. А теперь прощай!

Матиас повернулся к филину спиной и зашагал прочь, а тот еще долго насмехался.

— Вот я и получил назад мою серебряную медаль! — веселился капитан. — О да, она будет напоминать мне о тебе, мышонок.

Матиас шагал через луг, не обращая внимания на филина; наконец он добрался до опушки Леса Цветущих Мхов. Землеройки вышли из своих укрытий и, обступив Матиаса со всех сторон, засыпали его вопросами.

— Я разыскал капитана Снега, точнее, меня отвел к нему сквайр Джулиан Джиндживер, — сказал им Матиас, взяв в руки черный камень. — Вам это имя о чем-нибудь говорит?

Вопрос привел землероек в смущение, многие потупились, в том числе Гуосим и Лог-а-Лог. Матиас скрестил лапы на груди и с укоризной посмотрел на них:

— Ну что ж, благодарю! Особенно вас, Гуосим и Лог-а-Лог. Послать меня в амбар и не обмолвиться ни словом о коте! Я, признаться, не ожидал от вас такого.

Лог-а-Лог сорвал повязку с головы и швырнул ее на землю. Затем взял у Матиаса камень:

— Матиас, я говорю не только от своего имени, но и от имени всего Повстанческого союза. Мы очень виноваты перед тобой и искренне просим прощения. Мы просто забыли про кота, он совсем выскочил у нас из головы. Мы, землеройки, постоянно спорим, враждуем, деремся между собой и потому часто забываем о важных вещах. Такие уж мы уродились. Прими наши извинения, друг!

Матиас забрал у Лог-а-Лога камень:

— Ну что ж, на первый раз принимаю. Но хватит об этом... Слушайте меня внимательно. Вскоре вся ваша жизнь может пойти по-другому. Капитан Снег говорит, что Асмодеус живет в старом карьере за рекой. И он поклялся, что если мне удастся победить Асмодеуса, то он, филин, никогда больше не тронет ни одну землеройку.

Когда изумленные возгласы стихли, он продолжил:

— Подумайте об этом, землеройки. Для вас будет двойная польза. Если Асмодеус погибнет и капитан Снег сдержит свое обещание, вам никто больше не будет угрожать. Кстати говоря, мой друг кот Джулиан вам совершенно не опасен. Он не собирается на вас охотиться — он разрешает вам брать из его амбара все, что вам нужно, но при условии, что вы будете делать это тихо, без споров и драк. У меня осталась только одна просьба: проводите меня до карьера.

Матиас терпеливо ждал, пока землеройки вполголоса совещаются. Неужели откажутся? Наконец какой-то маленький повстанец решительно сделал шаг вперед и, взяв камень, церемонно обратился к Матиасу:

— В наших законах говорится, что заречный карьер находится вне нашей территории. Следовательно, мы не можем пойти с тобой!

— Трусливый, неблагодарный дурак! — закричал Лог-а-Лог. — Этот благородный воин предлагает нам неоценимую услугу, а ты твердишь о каких-то законах.

Гуосим подняла камень с земли:

— Стой, Лог-а-Лог! Он прав. В законах нашего Повстанческого союза ясно сказано, что никого из его членов нельзя послать за пределы территории землероек.

Прежде чем Лог-а-Лог успел ответить, началась драка. Землеройки колотили друг друга, визжали, кричали, катались, сцепившись, по земле. Лес Цветущих Мхов огласился яростными воплями.

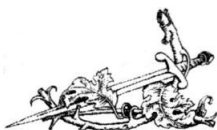
Разозлившись, Матиас схватил ближайшую землеройку за шкурку и крикнул:

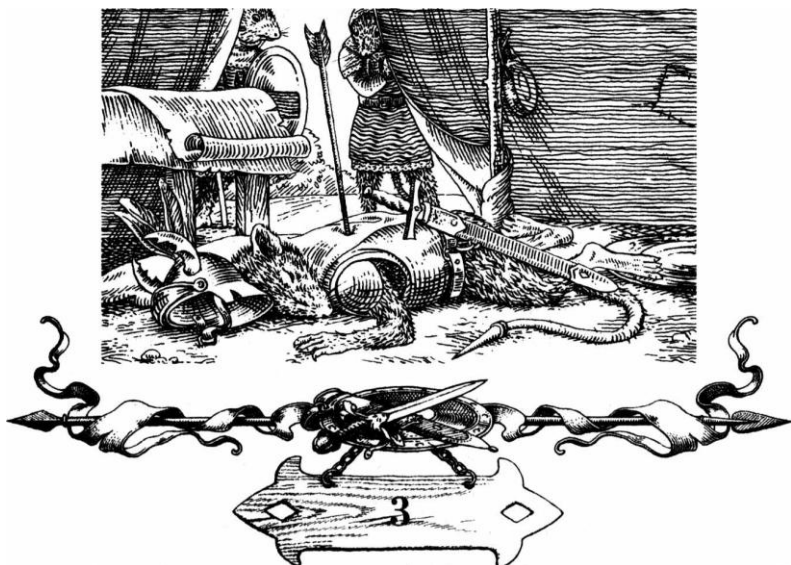
— Эй, ты! Скажи мне, в какой стороне находится река, а не то...

Повстанец махнул лапой на северо-восток и, вырвавшись из лап Матиаса, снова бросился в драку.

— Обойдусь без вас и вашего дурацкого союза! — крикнул Матиас. — Я справлюсь со змеем один!

Он повернулся к землеройкам спиной и направился к реке.

Рысы были встревожены. Сырокрад, одетый в парадную форму Клуни, пронзенный огромной стрелой, валялся посреди шатра. Опасаясь гнева хозяина, никто не решался даже близко подойти к Сырокраду до возвращения Клуни.

Констанция внимательно наблюдала за крысами со стены аббатства. Она сразу почувствовала: здесь что-то не так. Ее худшие подозрения оправдались, когда из леса появился Клуни и, перейдя дорогу, пошел по лугу. Констанция видела, как тот перепрыгнул через канаву. Всякие сомнения исчезли: да, это был Клуни Хлыст. Они убили не того!

Свой отряд из тридцати крыс Клуни оставил в лесу. Они знают, что им делать.

Конечно, потребуется время, но его замысел того стоит! Не успев еще дойти до лагеря, Клуни понял: что-то не так. Он прибавил шаг.

Черноклык встретил его на полдороге. Клуни поднял лапу, приказывая ему замолчать. Он сам доберется до сути, ни к чему тратить время на выслушивание оправданий. Клуни пинком отбросил в сторону ключья шатровой входной занавески, и его глазам предстало тело Сырокрада. Древко огромной стрелы торчало из его парадной формы.

Клуни исподлобья взглянул на стену аббатства, потом снова на Сырокрада и быстро сообразил, в чем дело. Со стены на него пристально смотрела барсучиха — ее работа!

Клуни задумался. Его армия, сбившаяся в кучу на краю луга, выглядела перепуганной до смерти. Стрела, несомненно, предназначалась ему. Изошренная хитрость Клуни тут же подсказала ему, как обратить все в свою пользу.

Черноклык очень удивился, когда Клуни дружелюбно хлопнул его по спине и пошел к настороженно следившей за ними орде. Чтобы успокоить своих солдат, Клуни громко расхохотался и подмигнул:

— Ну что ж, мой план удался как нельзя лучше! Ловко мы избавились от грязного предателя, правда, дружище? — И он снова хлопнул Черноклыка по спине.

Тот ничего не понял, но с готовностью закивал головой:

— Конечно, конечно, хозяин, еще как ловко!

Клуни кивнул на бездыханное тело:

— Видите Сырокрада? Это послужит уроком вам всем. Я-то знал, что замышлял Сырокрад. Заметили, как вчера он из кожи вон лез?

Раздались одобрительные возгласы. Вчера честолобивый Сырокрад многих заставил изрядно попотеть у тарана.

— Еще бы, хозяин, как не заметить!

— Можно было подумать, что он командует уже всей армией!

— Точно! — крикнул Клуни. — Я давно наблюдаю за ним. Сырокрад возомнил о себе невесть что! Ведь он, пока меня не было, наверняка пытался помыкать вами?

— Да, хозяин, он так на меня и набросился, — с готовностью подтвердил Черноклык. — «Сделай то», «подай это», «я в шатре хозяина».

Клуни положил лапу на плечо Черноклыка:

— Спасибо, друг. Ты проницателен и, так же как и я, понял, что Сырокрад собирался захватить власть. Иначе зачем ему было залезать в шатер и напяливать мою форму?

Его солдаты переглядывались и понимающе кивали друг другу. Клуни прав. Никто из них сейчас не жалел честолобивого выскочку.

Клуни продолжал:

— Я знал, что барсучиха и ее друзья собираются меня убить, и решил убить одним выстрелом двух зайцев: обмануть врагов и избавиться от Сырокрада. — Клуни хлопнул себя по бедрам и захохотал.

Все так и покатались со смеху. Ну и хитрец! Да, Хлыст своего не упустит!

Клуни помахал лапой сидевшей на стене Констанции.

— Спасибо, барсучиха! — крикнул он, — Ты хорошо поработала.

Разумеется, Констанция на таком расстоянии не могла услышать слов Клуни, но в данном случае это для

него не имело значения. Клуни обратился к солдатам с улыбкой:

— Ну, мои верные воины, что еще произошло в мое отсутствие?

Кроликобой вскинул лапу вверх:

— Подкоп ведется очень хорошо, ваша честь.

— Отлично. Что еще?

— Мы лазили под кустами, хозяин, вон на том луту, и нашли целую семью мышей, — сказал Грязнонос. — Они спали. Мы быстренько их всех связали. Отличные жирные мыши, хозяин.

Клуни перебил:

— Мыши? Надеюсь, вы их не убили?

— Нет, нет, хозяин. Они сейчас вон там, в канаве. Хочешь посмотреть? Их, наверное, штук двадцать.

— Отлично. Хорошо поработали. Эти мыши мне еще пригодятся живыми, — пробормотал Клуни.

Сырокрада уволокли прочь, и Клуни устроился под навесом, сделанным из ключьев шатра. Наблюдая за тем, как оружейник старательно чинит его доспехи, Клуни кипел от ярости. Доспехи испорчены, Сырокрад убит. Тем не менее чаша весов склоняется в его пользу — в пользу Клуни Хлыста! У него есть три плана, как захватить Рэдволл: подкоп, затем — отряд крыс в лесу и... тут Клуни взглянул в сторону канавы. Пленные мыши дают возможность осуществить еще более коварный план.

Рано утром штурм аббатства возобновился. Белка Джесс и Амброзий Пика встали в ряды лучников.

— Не нравится мне все это, — заметила Джесс.

Амброзий в очередной раз выстрелил из лука и спросил:

— Что не нравится, Джесс?

Белка отложила в сторону свой лук и села на камни.

— Сегодня они не особенно усердствуют, да и Клуни что-то давно не видно. Думаю, он что-то затеял.

Выдра Винифред, стоявшая неподалеку, выстрелила из пращи и, услышав раздавшийся из канавы визг, сказала:

— Целиком и полностью согласна с тобой, Джесс. Хлыст наверняка что-то задумал, а этот сегодняшний штурм — только уловка. Кстати, есть какие-нибудь новости от Кротона начальника?

— Кроты прослушивают землю, — пробасил Амброзий. — Кротона начальник говорит, что они слышат какую-то возню, но пока еще далеко. Он полагает, что крысы подкапываются под юго-западный угол стены.

— Да, я уже об этом слышала, — кивнула Джесс. — Ну что же, надо устроить крысам теплый прием!

Мосле весьма скудного ужина Матиас, стараясь спрятаться от холодного ночного ветра, поплотнее закутался в свой балахон и лег на землю. Оставшись наедине с невеселыми мыслями о неблагодарных землеройках, он наконец заснул.

Незадолго до зари Матиас почувствовал, что рядом кто-то есть. Он осторожно приоткрыл один глаз и обнаружил, что ночью кто-то укрыл его теплым одеялом.

О, Повстанческий союз землероек пришел наконец к согласию! Вокруг горели костры — землеройки готовили завтрак. Матиас подумал, что скоро уже рассвет. Повернувшись на бок, он снова погружился в сон.

Когда он проснулся, сквозь ветви деревьев ярко светило солнце и его лучи смешивались с голубоватым дымом костров. Лог-а-Лог принес ему поджаренный хлеб и чашку цветочного чая. Матиас сел и как ни в чем не бывало принялся за еду. Он молча ел, а Лог-а-Лог тем временем скатывал одеяло в валик. Наконец, не выдержав, Лог-а-Лог нерешительно кашлянул:

— Гм-гм, Матиас, я прошу прощения за вчерашнее. Но, как ты видишь, большинство все-таки решило следовать за тобой.

Поев, Матиас встал и взял в лапы посох.

— Послушай, Лог-а-Лог, меня не интересуют ваши дурацкие законы. Или вы со мной, или против меня.

Лог-а-Лог схватил свой походный мешок и, широко улыбнувшись, воскликнул:

— Матиас, друг, мы с тобой — все до одного, зуб, коготь и хвост! Веди нас, отважный воин!

Матиас радостно рассмеялся:

— Ну что ж, в путь! Не забудьте, что нам предстоит сразиться с аспидом и добыть меч!

В окружении землероек, которые уже затеяли спор о том, как быстрее добраться до карьера, Матиас невозмутимо зашагал вперед. Они оставили опушку Леса Цветущих Мхов далеко позади, обошли заброшенный дом и, прячась за кустами чертополоха и пробираясь по дну пересохших канав, пересекли несколько полей.

К середине дня они устроили привал на берегу широкой реки.

— Ну и как же мы переберемся на тот берег? — спросил Матиас.

— Лог-а-Лог нам поможет, — ответила ему Гуосим.
— А кто же еще? Его отец и отец его отца, все называ-

лись Лог-а-Лог. Из поколения в поколение они были перевозчиками на реке. Понадобится перебраться через реку — выходишь на берег и кричишь: «Лог-а-Лог!» Давай покричим, может, и на этот раз получится?

Она подошла к воде и, сложив лапы у рта рупором, позвала нараспев:

— Лог-а-лог-а-лог-а-лог-а-лог-а-лог!

Лог-а-Лог не заставил себя долго ждать — он появился из зарослей тростника на большом бревне. Ловко орудуя длинным шестом, он причалил к берегу и, спрыгнув на землю, рассерженно набросился на Гуосим:

— Хочешь, чтобы все знали, что мы здесь? Орешь, как ревун на маяке! Надо как можно скорее, пока к нам никто не пожаловал, плыть на ту сторону.

— Чего ты сердишься? Я просто хотела показать Матиасу, как надо позвать землеройку-перевозчика, — ответила Гуосим.

— И только-то! — запальчиво сказал Лог-а-Лог. — Отчего ж ты не показала ему змеиные следы вон там, на глине? Или ты их не заметила? Асмодеус был здесь никак не больше четырех часов назад. Скорее всего он отправился в Лес Цветущих Мхов, на охоту. Только по случайности или по милости судьбы мы не столкнулись с ним.

Матиас с изумлением и ужасом взглянул на широкий след, оставленный змеем. Землеройки стали поспешно залезать на бревно Лог-а-Лоба.

— Скорее, Матиас! — громким шепотом позвал тот. — Все на борт!

Матиасу очень понравилась переправа через реку на бревне. Несколько землероек достали из своих за-

плечных мешков лески и стали рыбачить, и, когда бревно мягко ткнулось в ил на другом берегу, они уже поймали несколько рыбин. Землеройки попрыгали на берег, а Матиас помог Лог-а-Логу укрыть бревно в камышах.

— Как полагаешь, — задумчиво проговорил мышонок, — удастся ли нам здесь спрятаться? Возможно, мы выследим Асмодеуса и обнаружим его логово.

— Именно об этом я сейчас и думал, — ответил Лог-а-Лог. — Если мы хорошенько спрячемся, то наверняка увидим Ядозубого. Но вот что меня беспокоит: а что если змей учует нас по запаху? Нас ведь так много!

— Но тогда, — сказал Матиас, — не лучше ли пойти в карьер и спрятаться там? Асмодеус все равно вернется туда.

— О-хо-хо, мой друг! — ответил Лог-а-Лог. — Все бы хорошо, но вокруг карьера и в самом карьере негде спрятаться: все голо. А Ядовитый Зуб стар и хитер. Вход в логово наверняка надежно укрыт. Думаю, лучше подождать змея здесь. Я расставлю землероек цепью, и мы все будем настороже.

Остаток дня Матиас пролежал в укрытии у корней куста сирени. Справа и слева от него прятались землеройки. Их цепь протянулась вдоль берега на добрую милю. Стоит Асмодеусу появиться на берегу, и Матиас в ту же минуту узнает об этом. Гуосим и Лог-а-Лог были на флангах цепи.

Раскаленный диск солнца висел прямо над головами дозорных. Матиас неотрывно смотрел на реку. Иногда ему казалось, что он различает в воде очертания огромного змея или слышит шелест в траве, но, потерев глаза, он убеждался, что это ему лишь померещилось.

Матиас потерял счет времени. Когда солнце начало клониться к закату и небо на западе покраснело, он подумал: змей вот-вот появится. Совсем стемнело. Вдруг трава зашуршала и появившаяся за спиной у Матиаса землеройка похлопала его по плечу.

— Асмодеус? — спросил Матиас.

Землеройка указала лапой туда, где была Гуосим:

— Не знаю. Иди туда, сам увидишь. А я пошла искать Лог-а-Лога.

Матиас выбрался из-под корней сиреневого куста. Стараясь не шуметь, он пошел к Гуосим. Та неподвижно сидела в своем укрытии, глаза ее были расширены от ужаса, зубы стучали, она дрожала как осиновый лист.

К ним подбежал Лог-а-Лог. Матиас прошептал ему:

— Гуосим в обмороке! Давай окунем ее в воду.

Вдвоем они подняли бесчувственную Гуосим и потащили к реке. Оказавшись в воде, она наконец пришла в себя и, отплеываясь, заговорила:

— Громадный Ядозубый! Змей! Асмодеус! Он был здесь! Я увидела его слишком поздно. Он забрал Минго. Заворожил его взглядом, укусил и утащил с собой! Бедняга Минго! — И она, всхлипывая, ничком упала в прибрежную траву.

Лог-а-Лог тотчас поднял ее:

— Нечего валяться и рыдать, товарищ! Аспид наверняка оставил ясный след, мы его выследим. Где это произошло?

— Здесь! Вот он, его скользкий след. Смотрите!

И действительно, на сухой траве поблескивал в темноте широкий слизистый след.

Они двинулись по следу. Матиас и Лог-а-Лог шли впереди. Извилистый след, петляя, вел через кусты, по

полям. Если он внезапно исчезал — его легко находили по затхлому могильному запаху.

На пригорке Матиас ничком упал на землю и подал остальным знак укрыться.

— Смотри, Лог-а-Лог!

Перед ними зиял старый карьер. Словно чья-то гигантская рука зачерпнула землю и оставила яму почти правильной овальной формы. Широкие ступени красного песчаника спускались ко дну карьера. У входов в штольни громоздились груды камней. Унылый, лишенный растительности ландшафт наводил тоску.

Стараясь разглядеть в темноте дно карьера, Матиас лежал на краю обрыва. Лог-а-Лог велел всем остальным устроить привал и подкрепиться. У карьера остались только он сам, Гуосим и Матиас. Мышонок повернулся к Гуосим и Лог-а-Логу:

— Как только рассветет, я спущусь вниз на разведку.

— Если пойдешь ты, пойдем и мы, — проворчал Лог-а-Лог.

— Нет, нет. Слишком опасно.

Гуосим, которая уже полностью пришла в себя, решительно заявила:

— Ты не имеешь права нам запрещать, Матиас. Ты не состоишь в нашем союзе, и мы тебе не подчиняемся. Таковы наши законы! Так что не тебе нам указывать. Мы пойдем с тобой! А пока вы с Лог-а-Логом отдохните. Я посторожу.

В эту ночь они спали по очереди, сменяя друг друга на посту. Матиасу выпало сторожить на рассвете, и он увидел, как лучи утреннего солнца осветили стены карьера. Солнечный свет прогнал зловещие ночные тени и радостно заиграл всеми оттенками желтого и красно-

го. Должно быть, именно здесь когда-то давным-давно добывали мыши песок для аббатства Рэдволл.

Матиас разбудил Гуосим и Лог-а-Лога. Стараясь не шуметь, они стали спускаться вниз. Спуск по твердому, испещренному трещинами песчанику оказался совсем не трудным. Вскоре, настороженно оглядываясь по сторонам, они стояли на дне карьера.

— А что если Ядозубому взбредет в голову отправиться сейчас на охоту? — прошептала Гуосим.

— Вряд ли, — ответил Лог-а-Лог. — Вчера он охотился целый день, к тому же на обратном пути прихватил несчастного Минго, так что сегодня он наверняка будет целый день спать.

— Значит, у нас есть целый день для того, чтобы найти его логово, — сказал Матиас. — Будем искать вместе или разделимся?

— Лучше вместе, — решила Гуосим, и они с Лог-а-Логом вытащили из ножен свои короткие шпаги.

Матиас вооружился кинжалом, и они принялись искать змеиную нору.

Они обшаривали дно и склоны карьера, заглядывали под корни кустов, переворачивали камни, заползали под лежащие на земле плиты песчаника. Тишина подавляла — в карьере не было слышно ни пения птиц, ни жужжания насекомых. Они искали все утро, но поиски были безуспешны.

В полдень все трое уселись на плоском, напоминающем стол куске красного песчаника и разделили скудный обед, запив его водой из фляги. Поглощенные своими думами, ели молча. Наконец Гуосим поднялась и, стряхнув с себя красную пыль, звонко хлопнула в ладоши:

— Ну, вставайте, у нас осталось всего полдня.

Пока Матиас и Лог-а-Лог подбирали заплечные мешки и оружие, Гуосим оперлась на узкую наклонную плиту и сказала:

— Если до вечера успеем обшарить верхнюю террасу, то нам останется только... А-а-а!

Эхо ее крика продолжало звенеть в неподвижном воздухе, а сама Гуосим исчезла. Плита, на которую она только что опиралась, еще покачивалась.

Вход в логово Асмодеуса найден!

Клуни Хлыст с нетерпением ждал наступления темноты. Один из трех его планов был близок к завершению — даже гораздо раньше, чем он предполагал.

Кроликобой отправился в лес узнать, что же там делает отряд отобранных хозяином крыс, и обнаружил строящуюся осадную башню. Однако телега все еще лежала в канаве.

Хорек переговорил с Клуни и сразу же был поставлен во главе отряда. Кроликобой легко сумел убедить крыс, что он, хорек, — непревзойденный знаток механики. С помощью рычагов и блоков им в конце концов удалось выволочь телегу из канавы.

Откатив ее в лес, крысы под руководством Кроликобая быстро установили на нее осадную башню. В восторге от своей ловкости, хорек стал действовать еще решительнее. И вскоре осадная башня, с обернутыми в мешковину колесами, была готова к боевым действиям.

Клуни собрал офицеров и вкратце изложил им свой план. Сегодня вечером, после наступления темноты, Черноклык, чтобы отвлечь противника, начнет штурм ворот. Отборный отряд во главе с самим Клуни выкатит осадную башню из леса к тому месту стены, где оборона будет слабее всего. Под покровом темноты крысы переберутся с верхушки башни на стену и, перебив защитников аббатства, откроют ворота.

О, с каким нетерпением Клуни смотрел в вечернее небо! Теперь уже недолго! Наконец он подал Черноклыку знак к началу штурма.

С устрашающими криками, осыпая верх стены стрелами, копьями и камнями, крысы выскочили из канавы.

— Тревога! Тревога! Мыши, ко мне! — закричала Констанция.

Заяц Бэзил Олень построил мышей-лучников на стене в три ряда. Стрелы мышей градом летели со стены. Внизу один за другим валились на землю сраженные враги.

Засевшие на краю луга хорьки-лучники обстреляли отряд мышей Бэзила, но Джесс, Винифред и несколько ее стрелков ответили врагу столь быстро и точно, что через несколько минут отряд хорьков был полностью разбит.

Битва была в самом разгаре, когда над полем брани раскатился удар колокола Джозефа, возвестивший полночь.

Клуни опустил помятое забрало и ударил Кроликобая по плечу:

— Отлично! Настал наш черед.

Они юркнули в канаву и, пригнувшись, побежали к юго-восточному углу стены, где было довольно тихо. Стараясь не шуметь, Клуни приказал подкатить осадную башню к стене. Крысы с немалым трудом выкатили башню из леса. На лугу, где колеса вязли в мягкой земле, им пришлось еще труднее. Клуни сам взялся за веревку и тянул телегу вместе с остальными. Неуклюжая башня, проваливаясь в поросшие травой рытвины, медленно ползла по лугу.

С лампой и корзинкой в одной лапе и с горшком супа в другой Василика поднялась по лестнице на юго-восточный угол стены. Взобраться помог ей брат Руфус.

— Ага, прехорошенькая мышка с чудесным супом! Рад тебя видеть, Василика! А то здесь, на этом углу, ничего не происходит, и мне, признаюсь, скучновато.

Брат Руфус дал ей свою кружку и с наслаждением вдохнул поднимавшийся над горшком пар.

— М-мм, как вкусно! Мой любимый овощной суп!

Но Василика не слышала брата Руфуса: с приоткрывшимся от страха ртом она смотрела через его плечо. Она даже не заметила, что суп давно льется через край кружки.

Там, за стеной, неведомо откуда появилась грубо сколоченная деревянная платформа, а на ней, готовясь к прыжку, стояла злобная крыса с зажатым в зубах палашом.

Василика громко взвизгнула. Брат Руфус повернулся к платформе и, скорее случайно, чем намеренно, выплеснул горячий суп из своей кружки прямо в глаза крысе. Противник с душераздирающим криком полетел вниз. Василика, сама не сознавая, что делает, швырнула свою лампу на платформу, лампа разбилась, и масло залило всю платформу. Оно мгновенно вспыхнуло, и сухое дерево жарко запылало.

Увидев в ночной темноте яркую вспышку пламени, защитники аббатства со всех сторон бросились к юго-восточному углу стены. На верхушке пылающей башни среди языков огня металось около тридцати крыс; внизу их было гораздо больше. Отталкивая и пиная друг друга, крысы торопливо бежали вниз по башне, превратившейся в огненную ловушку.

Клуни бегал у подножия башни вне себя от ярости. Он сгреб в охапку несколько обожженных, с еще дымящейся шерстью, крыс.

— Назад, трусы! Прыгай на стену! — безумно вопил он.

Крысы, штурмовавшие ворота, помчались к огромному костру. Искры, треща, летели в черное ночное небо. Клуни, с пеной у рта, изрыгая проклятия, стегал своим хвостом направо и налево; в отсветах пламени его глаза горели безумием.

— Разве это огонь! Назад, кретины! Бей мышей!

Темнокоготь и Черноклык схватили Клуни за край дымящегося плаща и оттащили в сторону:

— Берегись, хозяин, она сейчас рухнет!

Под треск горящего дерева осадная башня покосилась и, качнувшись, рухнула на землю огненной горой. Телега под башней зашаталась и, объятая пламенем, опрокинулась набок.

На этом ночная битва и закончилась. На стенах аббатства слышались радостные крики.

Под стеной в беспорядке валялись мертвые крысы. Офицеры Клуни, окружив хозяина, отвели его в канаву — там было безопаснее. Он словно был не в себе и, глядя перед собой невидящими глазами, бормотал невнятные мрачные угрозы. Крысы за его спиной озадаченно переглядывались.

Неужели Клуни Хлыст спятил?

Мока Лог-а-Лог держал плиту, чтобы та не закрыла вход, Матиас заглянул в дыру. Перед ним был длинный темный лаз, уходящий в стену карьера.

Но где же Гуосим?

Опасаясь кричать, чтобы не услышал змей, они несколько раз позвали ее громким шепотом. Наконец Матиас сказал:

— Придется нам туда лезть.

— Подожди-ка, — сказал Лог-а-Лог и, взяв булыжник, засунул его в щель между плитой и стеной. — Теперь вход открыт. Иди первым, Матиас.

Друзья осторожно двинулись по идущему вниз лазу. Наконец лаз выровнялся, и они остановились, чтобы глаза привыкли

к темноте. Пол здесь был ровным, а ход таким широким и высоким, что они могли свободно, не пригибаясь, идти рядом. Они пошли дальше, Лог-а-Лог то и дело молча указывал на странные знаки и рисунки, выцарапанные на камне. Этот ход служил логовом уже не одному поколению змей, они-то и оставили на стенах эти знаки. Вскоре ход расширился еще больше и привел друзей в небольшой грот, из которого выходили два коридора.

— Я пойду направо, а ты налево, — прошептал Матиас. — Время от времени рисуй мечом стрелку на стене, и я тоже буду рисовать стрелки своим кинжалом. Так мы не заблудимся. Заметишь Асмодеуса — сразу же возвращайся сюда, в этот грот. А если он заметит тебя — беги от него со всех ног и кричи изо всех сил.

Держа кинжал наготове, Матиас пошел направо — ход оказался чуть уже первого, но таким же высоким. Стены здесь были из желтого песчаника. Через каждые несколько ярдов Матиас рисовал на стене стрелку. Вскоре до его ушей донесся звук падающих капель, звук, который казался странным и неуместным в зловещей тишине подземелья.

Слева в стене Матиас нащупал прямоугольную нишу. Он с отвращением обнаружил, что она была набита сброшенными змеиными кожами, — скукоженные, они кучей лежали на земле. Он вздрогнул, представив себе их владельцев, и поспешил покинуть это мрачное место.

Матиас заметил, что змеиные знаки на стенах здесь более старые и примитивные. Нет сомнения: змеиное логово существовало задолго до того, как вырыли карьер.

Внезапно Матиас оказался в громадной пещере. Весь Большой зал Рэдволла легко уместился бы в любом углу этого огромного грота; посередине мерцало блед-

ным светом озеро. Капли падали откуда-то сверху, со скрывавшегося во мраке потолка, озеро было покрыто рябью. Матиас заметил, что стены грота испещрены множеством новых ходов.

— Асмодеус-с-с-с!

Кровь застыла у Матиаса в жилах. Аспид был где-то рядом. Но где? Пугающее шипение эхом отдавалось со всех сторон.

— Асмодеус-с-с-с!

Матиас изо всех сил старался подавить в себе страх.

— Если бы змей знал, где я, он бы не стал, пытаясь меня запугать, тратить время, — сказал он сам себе. — Он бы меня сразу же схватил.

Слегка ободренный этими словами, но как можно более бесшумно, Матиас обошел озеро, он старался не слушать злое шипение.

— Асмодеус-с-с-с!

Решившись, Матиас юркнул в ближайший ход. И вот ведь приятная неожиданность! Перед ним, прислонившись спиной к стене, сидела Гуосим. Матиас схватил ее за лапу:

— Гуосим, как тебя сюда занесло? — Он осекся.

Гуосим повалилась набок — она была мертва!

Сдержав крик ужаса, Матиас отпрянул. Он ясно увидел следы ядовитых зубов на груди землеройки, ее распухшее лицо, закрытые глаза, почерневшие губы.

— Асмодеус-с-с-с!

Шатаясь, Матиас выбрался в главную пещеру. Следующий лаз в стене был совсем узким и, видимо, не заслуживал особого внимания. Тем не менее Матиас решил проверить его. Опустившись на все четыре лапы, он пролез в дыру и стал пробираться вперед.

— Асмодеус-с-с-с!

Жуткое шипение раздалось на этот раз совсем близко. Наконец узкий лаз кончился. Прямо перед Матиасом была морда гигантского аспида!

— Асмодеус-с-с-с!

Громадный змей спал. С каждым выдохом из его пасти появлялся раздвоенный язык и раздавалось злое шипение:

— Асмодеус-с-с-с!

Матиас завороченно смотрел на змея. Казалось, что глаза аспида открыты: их покрывала мутная полупрозрачная пленка. Он дышал медленно и ровно. Огромное мускулистое тело свернулось, время от времени смертоносные кольца шевелились с сухим шорохом, но голова змея оставалась неподвижной.

В логове змея повсюду валялись то какой-нибудь лисий хвост, то голубиные крылья, то рыба голова; стены были выстланы клочьями звериных шкур. Но сейчас Матиас видел только одно: меч Мартина Воителя!

Меч висел на развилке древесного корня, что торчал из дальней стены пещеры. Большой красный камень украшал эфес меча, другой такой же камень был вделан в рукоять, отделанную черной кожей с серебряным тиснением — таким же, как на перевязи и ножнах. Обоюдоострый клинок был выкован из лучшей в мире стали. Посредине шла канавка, украшенная символами, которые Матиас не мог разглядеть издали.

Да, это он, легендарный меч аббатства Рэдволл! И он будет возвращен аббатству! Матиас осторожно пополз вперед мимо огромной треугольной головы змея — дюйм за дюймом, медленно, всем телом прижимаясь к земле. Язык змея, появляясь из пасти, едва не касался его, и без конца повторялось жуткое:

— Асмодеус-с-с-с!

Холодное дыхание аспида, пропитанное затхлым запахом смерти, колыхало усы Матиаса. Вот одно из чешуйчатых колец шевельнулось и слегка коснулось его лапы. Матиас затаил дыхание и теснее прижался к стене. Змей приподнял мутное веко, и прямо на мышонка уставился широко открытый глаз чудовища.

— Асмодеус-е-с-с-с!

Но глаз тотчас снова закрылся, аспид спал. Матиаса обдало холодным потом, но, похоже, пронесло — Асмодеус не проснулся.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Матиас проскользнул наконец мимо огромной головы. Стараясь держаться как можно дальше от тела змея, он подбежал к стене пещеры, на которой в развилке корня висел меч.

Трепеща, Матиас снял меч с корня и крепко сжал рукоять обеими лапами. Он поднял сверкающий клинок над собой и почувствовал, наверное, то, что должен был испытывать Мартин Воитель каждый раз, когда извлекал из ножен это грозное и прекрасное оружие. Матиас знал: в его жизни наступил самый важный момент! Он сжимал меч и всем телом чувствовал, что в его лапах стальной клинок. Теперь они, Матиас и меч, слились в единое целое!

Теперь надо выбраться отсюда незамеченным. В тесном логове змея нет места, чтобы взмахнуть как следует мечом, и даже если Матиасу удастся поразить Асмодеуса, тот, дергаясь в предсмертных судорогах, расплющит его в лепешку. Бессмысленной храбростью ничего не добьешься — опытный воин всегда сам выбирает место и время битвы. Матиас огляделся по сторонам. Отверстие, через которое он пробрался в логово, было

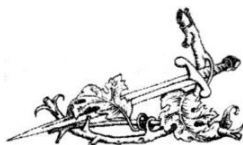
слишком узким для змея: оно, несомненно, служило ему для того, чтобы его ужасный голос, усиливаясь, разносился по всем пещерам и переходам — пусть незванные пришельцы трепещут!

Неподалеку от хвоста змея звериные шкуры, покрывавшие стены подземелья, слегка колыхались. Наверняка за ними — проход, и проход достаточно широкий для змея. Меч Мартина придал Матиасу смелости, и, расхрабрившись, он осторожно пощекотал его острием змеиный хвост. Огромное чешуйчатое тело мгновенно пришло в движение, но Матиас, успев скользнуть за шкуры, был уже в безопасности; он оказался в изогнутом коридоре; этот коридор привел его обратно в большую пещеру со светящимся озером.

Едва Матиас очутился в пещере — из лаза, где лежала мертвая Гуосим, выбежал бледный Лог-а-Лог. Забыв обо всем на свете, он завопил:

— Матиас, Гуосим мертва! Я только что видел ее, вон там! Она мертва!

На этот раз Асмодеус проснулся.

О борону Рэдволла возглавляла Констанция. Она была самой старой и мудрой из всех лесных обитателей, собравшихся ныне в аббатстве. Барсучиха отличалась рассудительностью и здравым смыслом, основанным на огромном жизненном опыте.

Джесс, Винифред и Бэзил — ее верные помощники — только что сообщили ей последние новости, полученные от кротов: крысы закончат подкоп вскоре после полудня. Барсучиха удовлетворенно кивнула своей полосатой головой: благодаря артели Кротона начальника крысам не удалось застать их врасплох.

Клуни Хлыст продолжал вести себя все так же странно: он молча сидел в залатанном шатре в дальнем конце луга. Даже когда Кроликобой с торжествующим видом объявил ему, что подкоп почти закончен, Клуни ничем не выказал своей радости.

Хорек, ожидая приказаний, недоуменно застыл на месте, но Клуни сидел неподвижно — словно забыл о хорьке. Тот решился заговорить снова:

— Так я о подкопе, хозяин. Мы сегодня его закончим, сразу после полудня.

С отсутствующим видом Клуни снова взглянул на хорька.

— Ах да, подкоп! Хорошо, продолжай, ты сам знаешь, что делать. А мне надо кое-что обдумать, — пробормотал он.

Выйдя из шатра, Кроликобой рассказал обо всем Черноклыку и Темнокогтю — те не решались поверить своим ушам.

— Да говорю вам, свихнулся он, — убежденно заявил Кроликобой. — Сидит там, точно пугало огородное. Кое-что ему надо обдумать, видите ли. А у нас уже все готово, чтобы захватить аббатство! Что будем делать?

— Остается только одно, — задумчиво проговорил Темнокогть. — Пока хозяин болен, действовать самостоятельно.

— Темнокогть прав, — согласился Черноклык. — Мы троим и возглавим армию.

Крысы вопросительно посмотрели на хорька: что скажет тот.

— Пожалуй, ваша правда, — отозвался Кроликобой. — Но слушайте, никто из солдат не должен знать о болезни хозяина, а то они разбегутся. Может, Клуни и не

спятил. Да, да, скорее всего он задумал еще одну хитрость, вот увидите.

Троица командиров с важным видом подошла к подкопу и забралась в него — проверить, как продвигается дело. Это была длинная, зловонная нора. Взад и вперед по ней сновали ласки и горностаи: кто тащил корзину с землей, кто волочил камни, кто — корни. Кроликобой с видом знатока пояснял своим товарищам:

— Сейчас мы прямо под дорогой — видите, какая здесь твердая земля, никакой крепि не надо. А здесь, видите, уже подпорки начинаются. Осторожно, голову не зашибите! Здесь пришлось крепить, а то потолок бы рухнул. Дальше, правда, земля становится еще мягче, но у нас деревья уже не хватило. Впрочем, не все ли равно! Если быстро проведем армию через подкоп — в аббатстве окажемся раньше, чем мыши успеют спохватиться.

А прямо над головой Кроликобая один из кротов, приложив ухо к земле, слышал каждое его слово. Он тотчас повторял все брату Уолтеру, а тот старательно записывал.

Взглянув на эти записи, Констанция подняла свою тяжелую палицу.

— Значит, не успеем спохватиться? — яростно воскликнула она. — Но кое-кому сегодня очень даже придется спохватиться!

Кроты двумя бечевками, натянутыми на вбитые в землю колышки, точно отметили границы подземного хода. Кротоначальник и его артель смогли определить все: глубину и ширину подкопа, где поставлены подпорки и даже где первая крыса высунется наружу. Констанции не нравилось только одно: согласно плану, который они придумали вместе с Кротоначальником, им не придется крыс и пальцем тронуть.

На треножник установили два огромных котла с водой, под ними с утра развели огонь, чтобы вода всегда кипела. Констанция и бобер встали возле котлов с жердями наготове. Все, кто не стоял на стенах аббатства, выстроились в две шеренги по обе стороны отмеченного бечевками коридора. Это выглядело словно какой-то странный ритуал: два костра, две бечевки на колышках и две шеренги зверей, стоящих под жарким июньским солнцем в ожидании приказа барсучихи.

Черноклык построил крысиную армию в канаве и, расхаживая вдоль колонны, отдавал последние приказания. Без Клуня управлять бандой оказалось непросто, но красноречивый Кроликобой сумел убедить солдат, что хозяин в курсе всех дел и если кто струсит или не выполнит приказ, то будет иметь дело с самим Клунем.

— Слушайте все! — крикнул Черноклык. — Темнокогть сейчас в конце подкопа. Стоит землекопам пробить верхний слой земли — и он в аббатстве! С ним четыре солдата, они будут прикрывать выход, пока мы выбираемся наружу. Вылезете на той стороне — не зевайте, бегите сразу к главному зданию аббатства и хватайте мышинога аббата. Темнокогть с вами не будет: он со своим отрядом прорвется к воротам. Как только Темнокогть откроет ворота, в аббатство войдут наши главные силы.

Клуня в это время спал в шатре. Но долгожданного отдыха не было: во сне его вновь преследовал воин. Как ни старался, Клуня никак не мог убежать от мстителя с огненным мечом. Тени убитых им зверей вставали перед ним из-под земли. Они путались у него под ногами, он спотыкался о них и падал. Обессиленный, он все-таки поднимался и бежал дальше от неумолимого преследователя, а вокруг плясали тени его мертвых офице-

ров — Черепа, Краснозуба, Рваноуха и Сырокрада — и повторяли на все лады: повернись, повернись! Но Клуни, охваченный страхом, бежал не оглядываясь.

Наконец две ласки-землекопа пробили тонкий свод подземного хода и отпрыгнули в сторону от посыпавшейся сверху земли. В дыру ударил солнечный свет. Подталкиваемый сзади нетерпеливыми солдатами, Темнокогть подошел к землекопам, и те подняли его на вытянутых лапах и выпихнули наружу. Темнокогть, подтягиваясь, уже ухватился передними лапами за траву, но вдруг замер...

Прямо перед ним вдоль натянутых на колышки бечевки стояли две шеренги лесных зверей. Темнокогть усмехнулся: нашли время играть в свои глупые игры! Ведь у них даже оружия нет!

В это время за спиной у него послышался какой-то шум, и, обернувшись, Темнокогть увидел два булькающих на огне огромных котла. За котлами стояла барсучиха.

Темнокогть попытался выскочить наружу, но не успел — барсучиха мигом перевернула котлы вверх дном. Предсмертный крик застрял у Темнокогтя в глотке. Кипящая вода обрушилась ему на голову обжигающим водопадом. Кипяток мгновенно затопил набитый крысами подземный ход. Прижатые друг к другу, крысы даже пискнуть не успели.

Тотчас Констанция скомандовала выстроившимся вдоль бечевки зверькам:

— Прыгайте!

И все одновременно прыгнули через натянутые бечевки.

Констанция начала мерно считать:

— Раз, два, прыгай! Раз, два, прыгай!

Под ударами сотен лап земля вскоре осела — подкоп завалило. Защитники аббатства издали громкий торжествующий крик. Артель Кротона начальника принялась засыпать образовавшуюся канаву камнями и землей.

Монах Гуго попросил вернуть котлы на кухню. Некоторое время мыши постояли возле бывшего подкопа и вскоре пошли прочь от длинного каменистого кургана — памятника на братской могиле крыс.

Черноклык и Кроликобой, стоявшие у входа в подкоп, были отброшены в сторону толпой крыс, ласок и хорьков, в страхе рвавшихся наружу.

— Это еще что такое? — заорал Черноклык. — Назад, кому сказано!

Но на его окрики никто не обращал внимания. Облепленные жидкой грязью, волоча за собой обломки копий, отталкивая друг друга, солдаты Клуни бросились прочь от подкопа.

Кроликобой заглянул в дыру. Поток горячей воды вынес ему навстречу мертвого горностая. Хорек еле успел отскочить в сторону — опоры треснули, раздался глухой удар, подкоп рухнул.

Клуни все бежал и бежал, и вдруг перед ним возникло новое привидение: отвратительная тварь, покрытая темной дымящейся жижей. Призрак, расставив лапы, словно для объятия, преградил ему путь. Клуни отпихнул его прочь, и тот жалобно застонал:

— Клуни, это я, Темнокогть. Смотри, что они со мной сделали!

Около шатра стояли, переминаясь с лапы на лапу, Кроликобой и Черноклык и тихонько спорили:

- Ты рыл подкоп, ты и заходи первым.
- Почему я? Я хореk, а ты — крыса, тебе и отвечать.
- Иди первый.
- Может, вместе зайдем?
- А может, лучше подождать? Хозяин, кажется, спит. Пожалуй, он не особенно обрадуется, если мы его разбудим.
- Верно. Нечего его будить.

Выглянув в узкую дыру, что находилась у него прямо перед глазами, Асмодеус увидел в большой пещере мышь и злобно зашипел. Мышь украла меч, его любимый, такой красивый меч!

Аспид развернул свое мускулистое тело и, обнажив ядовитые зубы, стремительно заскользил в пещеру. Никто не смеет красть у него!

Матиас схватил перепуганного Лог-а-Лога за лапу и потянул за собой:

— Асмодеус обнаружил нас! Быстрее, Лог-а-Лог! Прочь отсюда!

Обежав мерцающее озеро, друзья юркнули в узкий ход на другой стороне пещеры.

Огромный аспид лениво свернулся возле этого узкого хода и ехидно зашипел:

— Асмодеус-с-с! Некуда спешить, никуда не денутся.

Вскоре в отчаянии беглецы обнаружили, что ход кончается тупиком. Они попали в ловушку!

Лог-а-Лог остановился, зубы его громко стучали.

— Т-тут, т-т-тут нет выхода! Мы погибли! — запричитал он.

Асмодеус слегка просунул голову в ход, и воздух вокруг беглецов наполнился шипением:

— Асмодеус-с-с!

Лог-а-Лог одеревенел от ужаса. Матиас принялся яростно копать стену мечом, отбрасывая в сторону куски песчаника, он все время повторял про себя:

— Нам нечего терять, кроме меча и наших жизней. Но должен, должен быть выход!

Вот меч вонзился в древесный корень, и Матиас принялся тыкать вокруг, мягкий песчаник под стальным клинком стал осыпаться. Матиас заработал еще быстрее.

Лог-а-Лог всхлипнул: в узком подземном ходе показался Асмодеус, медленно, но неуклонно он приближался.

Матиас понял, что меч пробил камень, за которым была пустота. Он с удвоенной энергией принялся расширять проделанную дыру. Вскоре он схватил Лог-а-Лога за шкуру и как следует встряхнул его:

— Слушай! Ты меньше меня, лезь вперед, а потом попытайся вытянуть и меня за задние лапы.

Лог-а-Лог наконец-то сообразил, в чем дело, и быстро юркнул в дыру. Скорчившись, он спрятался за древесным корнем.

Асмодеус подполз уже совсем близко, и Матиас, размахивая мечом, отступал, не сводя глаз с врага. Он нащу-

пал за спиной дыру в стене и полез в нее боком. Не опуская меча, он крикнул своему товарищу:

— Лог-а-Лог, видишь мои лапы? Хватайся за них покрепче и тяни!

Наконец Матиас почувствовал, что Лог-а-Лог тянет его за задние лапы, и, извиваясь всем телом, стал протискиваться в дыру. Асмодеус оскалил пасть. Матиас, защищаясь, замахнулся мечом на аспида, тот зашипел и отпрянул. Тогда Матиас ткнул концом меча в голову змея.

— Назад, змей, или я убью тебя! — прокричал он.

Асмодеус ответил тихим шипением. С радостным криком Матиас наконец проскочил в дыру и упал на Лог-а-Лога. Змей попытался просунуть голову в отверстие, со всех сторон на двух друзей посыпались песок и камни.

— Он скоро пролезет! — в ужасе вскрикнул Лог-а-Лог.

Матиас отодвинул друга в сторону и, расставив задние лапы пошире, крепко сжал рукоять меча.

— Отступать некуда, я буду биться с ним не на живот, а на смерть!

Вот огромная треугольная голова уже просунулась в тесную пещеру.

— Верни меч,мышь, и ты умрешь без мучений! — прошипел аспид.

Матиас рассмеялся:

— Попробуй отнять его, Ядозубый!

Асмодеус рванулся вперед, но ему мешал торчащий в проломе корень. Тогда он принялся раскачиваться всем телом из стороны в сторону.

— Посмотри на меня, мой маленький друг. Я знаю, ты — великий воин и не побоишься взглянуть мне в глаза. Посмотри на меня.

Зрачки змея сужались и расширялись, и вскоре Матиас, замороженный, был не в силах оторвать взгляд от этих огромных глаз. Асмодеус вкрадчиво шипел:

— Смотри, смотри, это озера вечности. Ныряй в них, там темно, темно и тихо...

Лог-а-Лог, околдованный взглядом змея, тоже застыл. Матиас чувствовал, что его сковывает сонное оцепенение. Голос аспида, словно ядовитый зеленый туман, окутывал все тело. Матиас неотрывно смотрел в змеиные глаза, его веки становились все тяжелее и тяжелее...

Но вдруг из этого тумана появился Мартин Воитель:

— Матиас! Проснись! Встреть врага, как подобает воину! Подними меч, Матиас! Мой меч не достанется змею. Ударь его за меня, мой храбрый воин!

Асмодеус, с трудом протискивая свое длинное тело в узкий проход, медленно, но неумолимо приближался.

Губы Матиаса, стоявшего с закрытыми глазами, вздрогнули и зашевелились.

— Ударь...

И — о чудо! — наваждение исчезло. Матиас открыл глаза и смело взглянул на змея. Он поднял старинный меч высоко над головой и с размаху опустил его на голову аспида.

Это Мартин бьет за Рэдволл!

За Мартина!

За Лог-а-Лога и его землероек!

За убитую Гуосим!

За Мафусаила!

По Клуни Хлысту!

За солнечный свет и свободу!

Матиас рубил мечом, покуда тот не выпал из его ослабевших лап.

Когда Лог-а-Лог очнулся от оцепенения, он первым делом взглянул на своего друга Матиаса Воителя.

Тот стоял, дрожа от изнеможения, тяжело дыша, передние лапы бессильно висели вдоль тела. Одежда его была в крови, грозный клинок легендарного меча мерцал в темноте алым цветом победы.

Голова ядозубого Асмодеуса неподвижно лежала на земле, его помутневшие глаза закрылись навеки!

9

На следующий день Матиас вошел во двор дома Джулиана во главе Повстанческого союза землероек. Около амбара он велел повстанцам остановиться и повернулся к Лог-а-Логу:

— Подождите меня здесь. Мне надо кое с кем поговорить наедине.

Матиас вошел в полутемный амбар, зная, что его появление здесь не будет неожиданностью. С порога, не глядя по сторонам, он крикнул коту:

— Джулиан, это я, Матиас! Я вернулся!

Рыжий кот мгновенно вынырнул из темноты.

— Вижу. Добро пожаловать, мой маленький друг! А это и есть тот самый меч, о котором ты мне рассказывал?

Матиас протянул меч коту:

— Он самый. И этим мечом я убил Асмодеуса. Это меч Мартина Воителя!

Сквайр Джулиан Джиндживер бережно принял меч в свои лапы, затем положил его на сено и, сев рядом, прикрыл глаза.

— Матиас, я хочу дать тебе добрый совет. Твой меч, без сомнения, прекрасен и выкован искусным мастером. Но это всего лишь меч! Без волшебной силы и тайных заклинаний. Этот меч выкован для одной цели — убивать, и он ровно настолько хорош или плох, насколько хорош или плох тот, кто им владеет. Поэтому не пускай свое оружие в ход бездумно и праздно. Мартин Воитель поднимал этот меч только ради правого дела — вот почему меч стал символом мощи Рэдволла. Без мудрости сила — ничто.

— Благодарю тебя, Джулиан, — сказал Матиас. — Я на всю жизнь запомню твой совет. А теперь я хочу попросить тебя об одном одолжении. Мне надо поговорить с капитаном Снегом, и я хочу, чтобы ты присутствовал при нашем разговоре.

Кот досадливо поморщился:

— Ты просишь слишком многого. Неужели мое присутствие при разговоре с этим узколобым пернатым солдафоном так необходимо?

Матиас слегка коснулся лапы ворчавшего кота:

— Не беспокойся; Джулиан. Мне кажется, ты будешь приятно удивлен.

Рыжий кот подавил зевок:

— А-а, брось. Я буду приятно удивлен, если на этого старого дурака упадет еще одно дерево.

Капитан Снег ходил взад-вперед у корней дуба, служившего ему жилищем. Он мрачно взглянул на кота, по-

том на Матиаса с мечом в лапе, фыркнул, нахохлился и сложил крылья за спиной.

— Я не стану выслушивать твой рассказ о том, как тебе удалось это сделать. Все равно не поверю. Но ты здесь, и, надо полагать, я проиграл?

Матиас, скрывая торжествующую улыбку, нетерпеливо топнул:

— Хорошо ли вы помните свою клятву, сэр?

Гневно сверкнув глазами, филин швырнул к ногам Матиаса медаль Бэзила:

— Вот! Забери свою медаль, маленький наглец. И учти, пока этот травоядный кот ошивается рядом, я не собираюсь разговаривать с тобой.

Матиас нахмурился и, поводя острием меча по земле, вежливо заговорил:

— Благодарю вас за медаль, капитан Снег. Но должен вам сказать, я привел сюда целую армию землероек. Они ждут, что вы сдержите и свою другую клятву, сэр.

Филин развернул огромные снежно-белые крылья и в несколько взмахов взлетел на край дупла. Сложив крылья и крепко зажмурив глаза, он заорал:

— Обещаю никогда больше не убивать и не есть мышей и землероек. Пока я жив! Все! — С недовольным уханьем он скрылся в дупле.

Откуда ни возьмись вокруг Матиаса и Джулиана появились землеройки, они кричали и приплясывали от радости.

Капитан Снег высунул из дупла голову:

— Прочь! Убирайтесь прочь! Когда вокруг скачет столько еды, я за себя не отвечаю! Не испытывайте мое терпение!

— Простите, что я вам напоминаю об этом, сэр! — закричал филину Матиас. — Но было еще одно обещание,

касающееся нашего общего друга — сквайра Джулиана Джиндживера.

Филин, унылый и взъерошенный, снова показался из дупла. Вконец униженный, он поклонился коту:

— Я виноват перед тобой, сквайр Джулиан, и прошу у тебя прощения.

Однако ответ кота удивил его и приободрил.

— Ты ничуть не виноват, дорогой друг. Если кто и должен был извиниться, так это я. Ссора произошла исключительно из-за моей придирчивости и нетерпимости.

Капитан Снег проворно слетел на землю и уселся рядом с Джулианом.

— Правда? Ты и вправду так думаешь? О нет, старина Джулиан, это я во всем виноват. Все началось из-за того, что я не умею вести себя прилично за столом. Тебе не в чем себя винить, дружище.

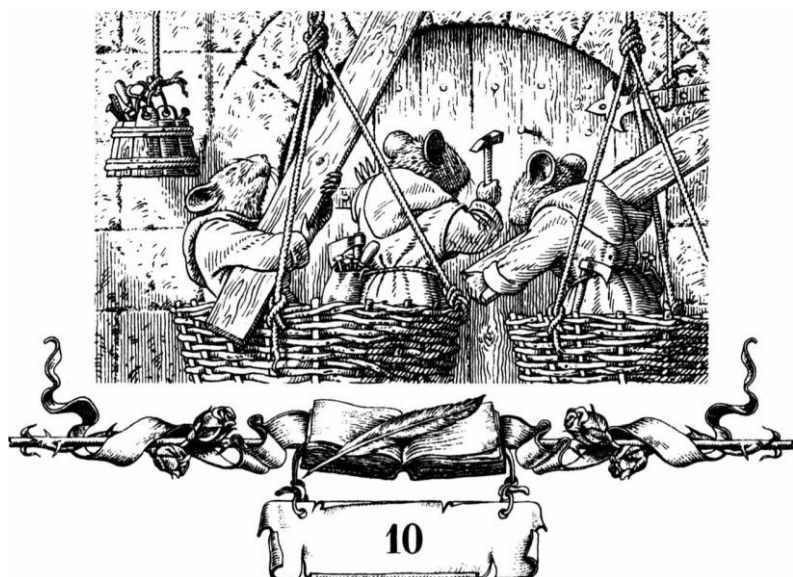
На физиономии Джулиана появилась широкая улыбка, и он промурлыкал:

— Нет, нет. Настаиваю на том, чтобы мы разделили вину хотя бы поровну. А раз ты только что дал обещание мышам и землеройкам не есть их, мы больше не вернемся к этому вопросу. Скажи, ты когда-нибудь пробовал салат из форели с горчицей и крессом? Не зайдешь ли ко мне в амбар? Нам на двоих хватит. И не хмурься — ведь форель все-таки не совсем овощ, не так ли?

И помирившиеся друзья, оживленно беседуя, зашагали к амбару, как будто между ними никогда не было никакой размолвки. В дверях Джулиан, пропустив филина вперед, обернулся к Матиасу и подмигнул:

— А знаешь, мой друг, может быть, этот меч и впрямь волшебный?

Впервые за много дней Матиас от души рассмеялся.

Когда Клуни вышел наконец из шатра, он вовсе не был похож на безумца. Оставшиеся в живых крысы настороженно смотрели, как он расхаживает по лугу. Его единственный глаз хитро поблескивал, приказы звучали отрывисто и властно, и даже хвост, казалось, шелкал с небывалой силой. Хозяин выглядел уверенным в себе, как никогда.

Прежде всего Клуни отвел свою армию в дальний конец луга. Он хотел, чтобы солдаты как следует отдохнули, и не стал донимать их упреками и угрозами.

Защитники Рэдволла постарались как можно лучше воспользоваться полученной передышкой. Плотники, которых спустили

со стены в плетеных корзинах, принялись чинить поврежденные тараном ворота. На случай внезапного нападения на стене стояли отряды мышей — они были готовы в любой момент поднять корзины с плотниками наверх. Впрочем, скучать этим мышам не пришлось: целый день они спускали вниз инструменты, доски, гвозди, скобы и все прочее, что требовали мастера.

Клуни, наблюдая за мышами издалека, злобно бормотал про себя:

— Старайтесь, старайтесь. Мне вовсе не нужна крепость с разбитыми воротами.

Он подозвал к себе Черноклыка и велел ему развести в канаве костер.

Крысы собрались вокруг огня — всех разбирало любопытство: что на сей раз задумал хозяин? Но жаркое пламя вскоре заставило их попятиться. Над канавой волнами поплыл раскаленный воздух.

Клуни, подбоченься, появился на краю канавы и щелкнул хвостом:

— Грязнонос, Шелудивый! Привести пленных мышей!

Крысы тотчас привели пленников и бросили их перед хозяином на землю. Грязные и голодные, мыши выглядели жалко. Клуни вытянул лапу вперед:

— Эй, ты, да, ты, как тебя?

— Увалень, сэр, — отвечал измазанный грязью пленник.

Клуни грубо оттащил его от остальных мышей.

— Кем они тебе приходится, Увалень? — рявкнул он.

Тот ответил дрожащим голосом:

— Это моя семья, сэр. Мать, отец, братья, сестры, моя жена и двое малышей. Пощадите их, сэр, умоляю вас!

Клуни в ответ только засмеялся. Он наклонился к Увальню и хрипло прошептал:

— А что ты готов сделать, чтобы спасти их?

Пленник в ужасе глядел, как Клуни переводит взгляд от его семьи к костру и обратно.

— Все! Все, что угодно! Что вы хотите? — взвизгнул Увалень в ужасе.

Клуни торжествующе щелкнул хвостом и притянул Увальня к себе так, что их носы соприкоснулись. Дыхание разбойника было таким же отвратительным, как его голос.

— Слушай меня внимательно. Ты откроешь мне ворота аббатства, дружок! А если не сможешь — за все расплатятся твои драгоценные родственнички. Ты понял, что тебе надо сделать?

Констанция с легкостью поднимала на веревке тяжелые грузы, но и все другие звери, хотя уступали ей в силе, работали на славу. Никто и не заметил, что среди плотников появился новичок.

Увалень!

Клуни дал ему одежду, снятую с одного из упавших со стены защитников Рэдволла. Прячась в канаве, Увалень подобрался почти к самым воротам, затем, дождавшись удобного момента, вышел на дорогу с доской на плече и незаметно присоединился к плотникам. Мыши трудились без устали, и наконец белка Джесс решила, что работа закончена. И в самом деле, ворота стали как новые. Плотники собрали инструменты и убрали с дороги строительный мусор. Затем рабочих

подняли в больших корзинах обратно на стену. Увалень, сидя в корзине между братом Альфом и братом Руфусом, разглядел далеко на лугу Клуни — тот не сводил взгляда с ворот.

Увидев, как дружно живут в Рэдволле, Увалень в душе проклинал свою несчастливую судьбу: о, зачем, зачем попал он в лапы крыс?! С этими невеселыми мыслями он сидел вместе с остальными обитателями Рэдволла на траве и пил чай. При одной мысли о предательстве кусок застревал у него в горле, но как иначе спасти ему свою семью? После чая он поднялся с травы и отошел в сторону. Затем незаметно пробрался к воротам и залез в келью Мафусаила. Заперев за собой дверь, Увалень в отчаянии бросился на кровать. Что же будет сегодня ночью?

После чая аббат собрал в Пещерном зале командиров и обратился к ним с речью:

— Друзья, теперь, надеюсь, всем стало ясно, что Клуни ничего не добьется ни штурмом, ни осадой. Как вам хорошо известно, в Рэдволле есть почти все, что нужно для жизни. Все затеи Клуни провалились, и тем не менее мы не должны убирать дозорных со стен. Будьте начеку и следите за Клуни и его ордой. Я не сомневаюсь, что недалек тот день, когда враг наконец отступит и оставит Рэдволл в покое.

Слова аббата были встречены громкими радостными возгласами, но Констанция, настроенная не столь оптимистично, как аббат, прошептала Бэзилу и Джесс:

— Клуни, пока жив, не отступит!

Увалень, как и приказал ему Клуни, выжидал после наступления темноты еще час. Но вот наступило время действовать, и он, выскользнув из кельи, отправился к

северной стене. У маленькой двери в северной стене аббатства Увалень достал из-под одежды пропитанную маслом тряпку и, смазав засовы, бесшумно отворил дверь.

Хорек Кроликобой, укрывшись за деревом на опушке леса, не сводил с двери глаз. Клуни поставил самых верных своих солдат у каждого входа в аббатство, но Кроликобою повезло больше всех: именно он первым увидел мелькнувшую в дверном проеме красную тряпку. Хорек немедленно помчался к Клуни.

Когда Клуни со своей ордой выступил из лагеря, была уже середина ночи. Вокруг костров лежали завернутые в одеяла охапки травы. Часовым со стен аббатства они казались телами спящих крыс. Сначала крысиная армия сделала большой крюк на север, и, только решив, что они достаточно далеко от аббатства, Клуни повернул назад.

Они вернулись к аббатству под тенистым покровом леса. Теперь, когда цель была так близка, Клуни был осторожен, словно выслеживающий дичь охотник.

Клуни не спешил. Он подождал еще полчаса и наконец увидел, что часовые на стене начинают клевать носом. Долгожданный момент приближался — что значат теперь какие-то минуты? Клуни незаметно выскользнул из укрытия и пробрался к двери, которая бесшумно открылась от первого же легкого толчка. Он встал у двери, и мимо него к главному зданию аббатства потянулась вереница крыс. Часовые на стене сейчас не представляли серьезной угрозы: если не спят, то наблюдают за дорогой и вражеским лагерем, а что происходит у них за спиной — этого они не видят.

Неподалеку, с беспокойством глядя на Клуни, стоял Увалень. Ну что же, по крайней мере теперь его се-

мья вне опасности. Он честно выполнил порученное ему дело, и предводитель крыс, конечно, сдержит свое слово. Увалень не заметил, как Клуни тайком подмигнул Черноклыку. Тяжелая палица Черноклыка с силой опустилась на затылок Увальня, и бедняга, не успев даже пикнуть, повалился наземь.

Клуни Хлыст оскалился в злобной усмешке. Наконец-то его армия в Рэдволле!

Носледние лучи заходящего солнца проникли в распахнутые двери амбара и осветили все темные углы. Матиас лежал на сене среди остатков обильной праздничной трапезы. Повстанческий союз землероек проявил небывалое гостеприимство.

Рядом с ним с одной стороны горой лежали подарки от сквайра Джулиана Джиндживера, капитана Снега и землероек, с другой — сверкал в лучах заката меч. Землеройки решили завершить праздник здоровым сном на свежем воздухе и, объевшиеся до такой степени, что уже не могли спорить, теперь лежали во дворе.

Лог-а-Лог, отдуваясь, подошел к своему другу и тяжело рухнул рядом с ним на охапку сена.

— Приветствую тебя, о могучий воин, — захихикал он, — избавитель землероек, победитель Ядозубого, собеседник котов, друг филинов, примиритель...

— Уймись, болтун! — засмеялся в ответ Матиас, спихивая его на землю.

— Ты, наверное, и с птицами водишь дружбу, а? — поинтересовался Лог-а-Лог. — Как насчет воробьев?

Матиас лениво зевнул:

— Воробьи? Приходилось иметь с ними дело. А что?

— Да так, ничего, — сонно пробормотал Лог-а-Лог. — Просто наши заметили одну воробьишу на опушке леса, но не могли понять ни слова из того, о чем эта дикарка кричит. Она просто вне себя, прыгает, что-то чирикает, как безумная. По крайней мере так мне сказали.

Матиас, схватив меч, мигом вскочил:

— Скорей, Лог-а-Лог! Я понимаю воробьиный язык. Пойдем скорее туда и узнаем, в чем дело.

Вместе с небольшим отрядом землероек друзья тотчас отправились к опушке леса.

Воробьиша летала над зарослями высокой травы и громко чирикала. Матиас немало удивил Лог-а-Лога и остальных землероек, когда, рванувшись вперед, закричал во все горло:

— Клюва! Это ты, пожирательница червей!

Встреча двоих друзей была радостной.

— Матиас-мышь! Старый черведруг! Стал большой толстый воин!

Матиас быстро рассказал Клюве о своих приключениях, а та в свою очередь рассказала обо всем, что случилось на Воробьином Дворе.

После смерти короля Быка Клюва, как и хотела ее мать Темное Крыло, стала королевой. Под властью самой молодой за всю историю королевы воробьиное племя вздохнуло свободней. Всем надоело подчиняться приказам сумасбродного тирана.

Но, закончив свой рассказ, Клюва нахмурилась:

— Матиас, в Рэдволл большой беда. Мы смотреть, видеть с крыши. Червекрысы много нападать, мыши храбрые воины, бить червекрыс сильно-сильно. Клюва смотреть за крысиный король. Очень плохой, хуже король Бык. Делать злой план, обмануть аббатство. Скоро-скоро червекрысы войти в Рэдволл. Матиас-мышь взять меч и торопиться быстро-быстро.

Ледяные когти страха стиснули Матиаса, лапы его подкосились, он бессильно опустился на траву.

Лог-а-Лог осторожно встряхнул друга:

— Что она говорит, Матиас? Ты словно снова увидел Ядозубого. Что стряслось?

— Рэдволл, — глухо проговорил Матиас. — Клуни Хлыст скоро захватит его!

Лог-а-Лог быстро повернулся к землеройкам:

— Объявить общий сбор! Мы немедленно идем к аббатству Рэдволл. Никаких обсуждений, никаких голосований! Всем вооружиться. И пусть все знают, что нам придется идти день и ночь.

Матиас поднял меч Мартина:

— Гром и молния, Лог-а-Лог, ты прав! Разве я сражался за этот меч не затем, чтобы спасти Рэдволл? Скорее! Вперед!

— Землемыши тебе помогать. Сколько воинов? — прочирикала Клюва.

— Целый полк, — ответил Лог-а-Лог. — Почти пять-сот землероек.

Клюва взмахнула крыльями:

— Моя тоже приводить всех воинов. Мы помогать.

Матиас от души пожал лапу воробьиной королеве:

— Благодарю тебя, друг. В путь. Как помочь Рэд-воллу, мы успеем придумать по дороге. Скорее! У нас нет времени ждать!

Матиас, землеройка и воробьях тотчас нырнули под зеленый покров Леса Цветущих Мхов.

Быстро шагая между деревьями, Матиас был уверен в одном: именно ему суждено встретиться лицом к лицу с Клуни Хлыстом.

Аббат проснулся от укола приставленного к его горлу клинка. Вокруг толпились ухмыляющиеся крысы. Та же участь постигла Джесс, Бэзила, Винифред и Кротона начальника. Крысы пробрались в аббатство в полной тишине — никто их не заметил.

Больше всего крысы боялись Констанции. В эту ночь она, как всегда, спала на траве во дворе аббатства. К спящей барсучихе незаметно подобралась четверка крыс и быстро накинули на нее веревочную сеть. Констанция не успела даже как следует проснуться — ее тут же оглушили дубинками. Клуни наблюдал за

происходящим с мрачным удовлетворением: теперь он — хозяин Рэвдолла!

Зверей, еще протиравших спросонья глаза, выволокли во двор аббатства. Детеныши, цепляясь за родителей, горько плакали. Крысы, раздавая пинки направо и налево, согнали всех в кучу и приказали сесть на траву. Аббата Мортимера, в ночной рубашке — ему даже не позволили переодеться, — и командиров отвели в сторону и туго связали им за спиной лапы. Пленники стояли молча, а крысы, хихикая, тыкали в них палашами и называли «зачинщиками».

Стоя посреди Большого зала, Клуни Хлыст разглядывал драгоценный гобелен. Теперь нет нужды воровать какие-то куски: ему принадлежит весь гобелен. Черноклык, Жабоед, Грязнонос, Шелудивый и Кроликобой, построившись в ряд, вошли в зал и отсалютовали хозяину:

— Аббатство наше, хозяин!

— Возьмите из зала, который они называют Пещерным, кресло настоятеля и поставьте его на помосте у ворот, — приказал Клуни. — Я буду вершить суд.

Крысы радостно ринулись выполнять приказ. Клуни снова повернулся к гобелену и обратился к изображению Мартина:

— Больше ты не будешь преследовать меня во сне! Сегодня, когда я шел по лесу, я слышал внутренний голос. И этот голос сказал мне: сегодня, еще до заката солнца, я навсегда избавлюсь от ночных кошмаров. Что ты на это скажешь, а?

Мартин, улыбаясь как ни в чем не бывало, глядел на Клуни сверху вниз. Клуни с силой щелкнул хвостом по полу Большого зала. Равнодушие Воителя привело его в ярость.

— Отныне этот зал будет именоваться Залом Хлыста! — истошно заорал он, — Аббатства Рэдволл больше не существует! Есть Замок Клуни! И у меня все, все будет по-другому!

В припадке ярости Клуни заметался по залу, разя хвостом воображаемых врагов, и эхо послушно вторило его диким воплям:

— Великая Крысиная Стена!

— Озеро Утопленников!

— Поле Мертвых Мышей!

— Хорьковые Ворота, Сад Горностая, Колокол Ласки. Ах-ха-ха-ха-ха!

Пленники во дворе, услышав раскаты безумного хохота Клуни, доносившиеся из Большого зала, вздрогнули при одной мысли об ожидавшей их участи. Ожидая восхода солнца и появления во дворе Клуни Хлыста, они понуро опустили на траву.

Рлюве и Лог-а-Логу стоило немалых усилий заставить Матиаса хоть немного отдохнуть. Он шагал через ночной лес так быстро, что Лог-а-Лог с трудом поспевал за ним. Даже Клюва устала летать в темноте между деревьями и кустами — ведь это гораздо утомительнее, чем свободный полет на просторе. Только Матиас без усталости, не останавливаясь ни на минуту, шел и шел вперед. Тяжелый меч бил его по спине, дыхание стало прерывистым. Воробья и землеройка знали, что время не ждет, но понимали, что, если Матиас будет идти в таком темпе и дальше, надолго его не хватит.

Все решилось само собой: Матиас споткнулся о корень дерева и растянулся на

земле. Друзья тут же навалились на него и, прижав к земле, не отпускали, пока он не внял их уговорам. Матиас сел вместе с ними на траву среди густых зарослей папоротника. Чтобы не терять времени понапрасну, они принялись обсуждать, что же делать дальше.

— Ты иди к Рэдволлу, Матиас, — предложил Лог-а-Лог, — а я останусь здесь, пока не подойдут остальные. Не беспокойся, мы ненамного отстанем от тебя.

— Все это хорошо, но как вы заберетесь на стены аббатства? Клуни наверняка уже выставил часовых.

— Зачем червекрысу часовые? — взмахнула крыльями Клюва. — Он брать аббатство, откуда знать, что мы брать назад?

— Ты права, Клюва! Но все равно, как мы попадем внутрь? — спросил Матиас.

Воробьиная королева хитро подмигнула мышонку:

— Моя посылать воины открывать маленькие двери: восточная, южная, северная. Увидишь, они все открыты. Теперь Клюва уходить, встретить друг Матиас-мышь в Рэдволл.

И королева воробьев, словно выпущенная из тугого лука стрела, взмыла вверх. Матиас встал и пошел по лесу дальше. Лог-а-Лог остался дожидаться своих воинов.

Лежавший без чувств у северной двери аббатства Увалень зашевелился и со стоном перевернулся на спину. На затылке у него зияла глубокая рана, но он был жив. Первое, что он увидел, — стоявших над ним трех воробьев. Это были Темное Крыло, Быстрый Ветер и Острый Клюв. Они мигом вытащили Увальню через открытую дверь в лес.

Темное Крыло приказала двум воробьям-воинам:

— Берите красная тряпка и жир. Зовите много воинов. Летите незаметно, смажьте остальные двери. Ждать королева. Червекрысы не должны вас видеть, летите.

Еще до восхода солнца воробьи успели смазать замки, засовы и петли всех маленьких дверей во всех стенах аббатства.

А Матиас все ближе и ближе подходил к Рэдволлу. За ним спешил Повстанческий союз землероек в полном составе. Тысяча воинов-воробьев спрятались в ветвях деревьев вокруг аббатства и ждали приказа своей королевы.

Вот забрезжила утренняя заря. Первые лучи солнца окрасили стены аббатства в бледно-розовый цвет. Куст поздней розы покрылся каплями росы. Но в аббатстве царила гробовая тишина. Угрюмо ожидая своей участи, пленные сидели на траве.

Из главного здания аббатства вышли крысиные офицеры, подошли к пленным и принялись нещадно колоть беззащитных мышей остриями палашей и бить плашмя клинками.

— Всем встать! Дорогу Клуни Хлысту!

Мыши Рэдволла неохотно подчинились. Глаза их были устремлены на двери

Большого зала. Наконец в напряженной тишине двери с треском распахнулись и на пороге появился Клуни. За ним, с горящим факелом и штандартом, шли Черноклык и Кроликобой. Крысы приветствовали их радостными воплями. В своих боевых доспехах — от отравленного боевого шипа на хвосте до сверкающего шлема — Клуни казался воплощением варварской мощи.

Важно, не глядя по сторонам, он прошествовал между вытянувшимися по стойке «смирно» солдатами. Взобравшись на сколоченный для него помост, он закутался в свой черный плащ и опустил в кресло аббата. В тишине было слышно только потрескивание факела и горькие всхлипы кого-то из детенышей. Сжимая когтями подлокотники, Клуни некоторое время невозмутимо сидел в кресле, его единственный глаз недобро сверкал из-под опущенного забрала. Затем, медленно подняв забрало, Клуни неторопливо оглядел пленных. Его взгляд остановился на настоятеле.

— Эй, ты, мышиный аббат, иди-ка сюда.

Аббат Мортимер под конвоем двух крыс с достоинством выступил вперед. Даже в ожидании смерти он держался спокойно и уверенно. Клуни откинулся на спинку кресла и ухмыльнулся:

— Ха! Это и есть ваш предводитель, мыши? Вставай на колени и проси пощады.

Аббат Мортимер спокойно смотрел на Клуни:

— Я никогда бы не преклонил колени ради себя. Если бы я надеялся спасти этим жизнь хотя бы одного из моих друзей, я бы с радостью упал перед тобою на колени, но я знаю тебя, Клуни. В твоем сердце нет ни жалости, ни милосердия, одна только злоба. Я не стану кланяться тому, кто является воплощением зла!

Содрогаясь от ярости, Клуни вскочил с кресла.

— На колени! На колени, или я убью тебя! — заорал он.

Из-под веревочной сети раздалось рассерженное рычание и хруст земли: Констанция рванула сеть, и вбитые в землю колья затрещали. Барсучиха с ненавистью крикнула Клуни:

— Эй, ты! Одноглазый оборванец! Сними сеть и сразись со мной один на один! Тогда посмотрим, кто из нас окажется на коленях!

По сигналу своего хозяина крысы бросились к Констанции и снова оглушили ее дубинками. Затем они забili колья от сети поглубже в землю.

Заяц Бэзил Олень пинком отбросил от себя конвоиров и крикнул крысиному вожаку:

— Да разве ты командир? Ты трус! Буйнопомешанный! Даже будь у меня лапы развязаны, я и то бы подумал: стоит ли пачкать их о такую мразь, как ты.

Удар дубинки сбил Бэзила с ног.

Клуни ехидно крикнул Бэзилу:

— Ты, наверное, помнишь свои фокусы около церкви? К вечеру ты навсегда разучишься прыгать и бегать.

Яростно сверкая единственным глазом, Клуни широко развел лапы в стороны:

— Слушайте, вы, защитники Рэдловла! Когда я пришел к стенам аббатства, я предложил вам выбор: сдаться или умереть. Вы решили сражаться. Сражаться со мной, Клуни Хлыстом! И теперь вы заплатите своими жизнями!

И тут раздался громкий, едва ли не громовой голос:

— Клуни Хлыст! Я пришел рассчитаться с тобой за все!

Над двором аббатства пронеслись возгласы изумления. Хвост Клуни бессильно повис.

В открытых дверях Большого зала стоял Воитель!

Казалось, он сошел с висящего на стене гобелена. Тело его стягивала отделанная серебром перевязь из черной кожи. В одной лапе он держал полированный щит. Другой он выхватил из ножен грозный меч.

Голос Клуни невольно дрогнул, когда он спросил Воителя, пришедшего сейчас к нему из ночных кошмаров:

— Кто ты?

Воитель выступил из тени. Клинок меча засиял в лучах солнца, словно алмаз.

— Я — твоя смерть!

Не в силах отвести взгляд от Воителя, Клуни попятился. Затем испуганно спрятался за кресло.

— Ты мне снишься. Уходи, я не сплю!

Держа меч перед собой, Воитель пошел к дрожащему Клуни:

— Мартин, Матиас, зови меня как хочешь, но нам предначертано встретиться друг с другом, крыса.

— Взять его! — в отчаянии завопил Клуни.

Жабоед, схватив пику, бросился к Воителю, но не успел даже поднять ее: старинный меч молнией сверкнул на солнце, и бездыханный Жабоед покатился по земле.

— Любой, кто решится преградить мне путь, умрет! — закричал Матиас. — Клуни, нам с тобой предстоит поединок. Твоя армия тут ни при чем.

Внезапно раздался удар колокола Джозефа. И тотчас стая воробьев закрыла небо над аббатством, словно туча. Хлопая крыльями, они стали садиться на стены аббатства. А затем, откуда ни возьмись, появились сотни землероек, вооруженных шпагами, палицами и пращами.

Матиас взмахнул мечом и крикнул:

— За Рэдволл!

Закипела битва.

Землеройки бросились на стражников, воробьи стали рвать путы пленников своими острыми клювами. Освободившись, мыши хватали первое, что попадалось на глаза, и вместе с землеройками и воробьями бросались на солдат Клуни. Крысы, хорьки, ласки и горностаи сражались с упорством, рожденным отчаянием. Битва шла не на жизнь, а на смерть.

Клуни выхватил у Кроликобая горящий факел и швырнул его в Матиаса, но тот спокойно отбил факел щитом и решительно устремился в погоню за крысиным вожаком. Чтобы задержать Воителя, Клуни толкнул на него Кроликобая. Тот схватился было за свою пику, но удар меча тотчас рассек хорька пополам.

Матиас не оглядывался и не видел, что Черноклык уже занес над ним свой палаш. Но прежде чем тот успел его опустить, Констанция набросила на него сеть, и Черноклык забился на земле, словно пойманная рыба. Барсучиха схватила сеть с Черноклыком и несколько раз с размаху ударила о стену. Отшвырнув в сторону бездыханного врага, Констанция с рычанием бросилась на отряд ласок.

Вот Матиас ловко отбил щитом удар мощного хвоста Клуни — отравленный шип со звоном ударился о металл. Клуни попытался подсесть Матиаса, но тот вовремя подпрыгнул и снова взмахнул мечом. Клуни вскрикнул — отсеченный кончик хвоста с надетым на него боевым шипом упал на землю. В ярости Клуни бросился на Матиаса с железной пикой наперевес, железо зазвенело о железо: Матиас умело отбивал все удары врага.

Они бились на зеленой траве во дворе аббатства, вокруг кипела битва, но они не видели ничего. Каждому из них было важно убить своего врага, снова и снова поднимали они оружие для смертельного удара.

Отряды воробьев ловко пикировали на крыс и, поднимая их высоко в воздух, бросали в пруд. Хорьки окружили нескольких землероек и чуть было не перебили их, но тут на помощь землеройкам пришли выдры. Вложив тяжелые камни в свои пращи, они бросились на хорьков. К крысам, оказавшимся на стенах, помчались рассвирепевшие белки, и многие вояки Клуни в панике попрыгали вниз, а к тем, кто остался все же на стенах, подбежала Джесс, размахивая тяжелой железной цепью.

Матиас и Клуни продолжали биться с неослабевающей яростью. Клуни собрал всю свою силу и хитрость, но ничто не помогало. Дважды он швырял землю в глаза Матиасу, но каждый раз тот успевал заслониться щитом. Теперь они бились уже на стене, глаза им заливал пот, оба задыхались, но ни один не желал прекращать сражение. Так, продолжая бой, они снова спустились во двор аббатства и оказались у входа в Большой зал.

Клуни проворно нырнул за створку двери и толкнул ее на Матиаса. Меч глубоко вонзился в дерево. Спеша воспользоваться преимуществом, Клуни молниеносно выскочил из-за двери и, бросившись на Матиаса, стал бить пикой по выставленному вперед щиту, пока мышонки не выронили его. Железная пика Клуни тотчас впилась в незащищенную лапу Матиаса, тот, вскрикнув от боли, пинком задней лапы подбросил щит прямо под подбородок крысы, и острый край щита глубоко рассек Клуни горло.

Пока противник, держась лапами за горло, корчился, Матиас вытащил меч из двери. И вот они схватились снова, наполняя зал звоном железа. Клуни удалось сильным ударом окровавленного хвоста подсесть Матиаса, и он мгновенно бросился на поверженного противника, намереваясь пикой пригвоздить его к полу. Матиас отка-

тился в сторону — пика прошла мимо. Мышонок тотчас вскочил и вонзил меч в правый бок Клуни, но тот взмахнул хвостом и несколько раз хлестнул Матиаса по глазам.

Под разящими ударами меча Воителя Клуни отступил на колокольню — монах Гуго все бил и бил в колокол Джозефа. Увидев крысиного вожака, Гуго бросил веревку и юркнул под лестницу. Вскоре на колокольню поднялся и Матиас. Противники остались один на один.

Схватка продолжалась. Клуни, держа пику в передних лапах, ловко отбивал удары меча и постепенно начал теснить Матиаса. Клуни собрал все свои силы. Он должен победить! Ведь внутренний голос в лесу сказал ему, что после заката солнца он больше никогда не встретится с Воителем. Пророчество должно сбыться.

Он теснил Матиаса все ближе и ближе к стене. Поняв, что у стены ему не продержаться и минуты, Матиас резко отпрыгнул в сторону и, упав на спину, изо всех сил ударил Клуни задними лапами, так что тот повалился навзничь. Перескочив через упавшего врага, Матиас бросился по лестнице на самый верх.

Клуни, тяжело дыша, прислонился к стене и хрипло захохотал.

— Там нет выхода, мышь! — крикнул он. — Сейчас я поднимусь, и можешь считать себя покойником.

Матиас ничего не ответил. Выбившись из сил, он уселся на толстую балку, на которой висел колокол. Далеко внизу на полу сидел, собираясь с силами, Клуни. И вдруг монах Гуго, наглотавшийся пыли в своем тесном убежище под лестницей, громко чихнул.

Злобно хохоча, Клуни ухватил толстого монаха за хвост и выволок его из-под лестницы.

— Посмотри-ка сюда! — крикнул он. — Видишь, я поймал твоего жирного приятеля. Ха, теперь мне не

надо даже подниматься по лестнице. Бросай свой меч вниз, или этот толстый монах будет болтаться на моей пи́ке, как леденец!

Взглянув вниз, Матиас с ужасом увидел, что Клуни уже приставил пику к горлу Гуго.

Клуни слегка надавил на пику, и Гуго жалобно всхлипнул.

— Видишь? Бросай свой меч и слезай.

Матиас смотрел на него, сидя на балке возле колокола Джозефа.

— Ну что ж, ты победил. Но я вовсе не уверен, что ты удержишь свое слово. Сперва отпусти монаха, и тогда, даю слово чести, я спущусь к тебе.

Клуни злобно ощерился. Опять эти глупости — честь, благородство! Зачем они Клуни? Он победитель!

— Проваливай с глаз моих, слизняк! — рявкнул Клуни и отпихнул монаха Гуго.

До смерти перепутанный толстяк юркнул обратно под лестницу. Клуни стоял посредине колокольни, стараясь своим единственным глазом разглядеть Матиаса. Кровь сочилась из его многочисленных ран. Но победа все-таки досталась ему, Клуни! Голос не обманул: еще немного, и с мышью-воителем покончено навсегда!

— Спускайся! Клуни Хлыст тебя ждет! — прокричал он.

Встав на деревянную балку, Матиас одним ударом старинного меча перерубил веревку, на которой висел колокол.

Колокол завис на мгновение в воздухе, но тут же рухнул вниз.

Клуни, задрав голову, все еще стоял внизу. Когда он сообразил, что случилось, было уже поздно...

Бам!!!

Это был последний, самый громкий удар колокола Джозефа. Он превратил Клуни Хлыста в лепешку.

Матиас Воитель, сжимая в лапе меч, устало спускался по колокольной лестнице. Внизу он помог всхлипывающему Гуго выбраться из укрытия, и они подошли к колоколу. Колокол треснул, из-под его края торчали окровавленная лапа и расплющенный хвост.

Матиас сказал тихо:

— Ну вот, Клуни, я сдержал свое слово. Я спустился.

Они открыли дверь и вышли на освещенный солнцем двор аббатства.

Победа в последней битве досталась Рэдволлу!

Двор был густо усеян мертвыми телами защитников Рэдволла и их врагов. Увы, в сражении пало немало воровьев, землероек и мышей, но убитых крыс, хорьков, ласок и горностаев было намного больше. От еще недавно наводившей ужас армии Клуни не осталось ничего.

К Матиасу тяжело дыша подошла Констанция, ее тело было все в ранах. Она кивнула в сторону колокольной и произнесла только одно слово:

— Клуни?

— Мертв! — ответил Матиас. — Неужели вы перебили всех до единого? А пленные есть?

Барсучиха устало пожала плечами:

— Как тебе сказать, многие пытались бежать, и мы их не особенно задерживали. Им удалось открыть главные ворота и выбежать на дорогу. Правда, там их встретили рыжий кот и белый филин. Ну, доложу я тебе, тут началось такое, что тебе и не снилось!

Хромая, к Матиасу подошел заяц Бэзил Олень и воскликнул:

— Это сквайр Джулиан и капитан Снег. Можешь потом поговорить с ними, старина. А сейчас тебя хочет видеть аббат.

Матиас, Констанция и Гуго пошли к главному зданию аббатства.

Отец настоятель лежал во внутреннем садике, мыши аббатства и их друзья сгрудились вокруг него. Здесь были все — и Клюва, королева воробьев, и Лог-а-Лог, и Василика, и Молчун Сэм. Отец настоятель умирал.

Все с почтением расступились перед Матиасом и барсучихой. Констанция опустилась на колени и бережно приподняла голову своего старого друга, а Матиас нежно взял его морщинистую лапу. Аббат прошептал:

— Матиас, сын мой, я вижу, ты вернул меч Мартина в наше аббатство. Ты до конца выполнил свою миссию?

Матиас, склонившись, коснулся губами лапы аббата:

— Да, отец настоятель. Клуни Хлыст мертв. Я исполнил свой долг.

Аббат слабо кивнул:

— И я тоже, сын мой, я тоже выполнил свой долг на земле.

— Отец настоятель, вы должны жить, — заговорила Констанция, ее голос задрожал от слез.

На лице аббата заиграла слабая улыбка.

— Друг мой, ведь ты знаешь: я не вечен. Когда-нибудь всему приходит конец.

По щекам Матиаса катились слезы, и он не пытался их скрыть. Аббат ласково сжал его лапу:

— О Матиас, храбрый Матиас. Утри слезы, сын мой. Смерть — это часть жизни. Лучше скажи мне, видишь ли ты нашу позднюю розу?

— Да, отец. Она в полном цвету.

— И бутоны — алые, словно кровь? — спросил аббат.

— Да, отец, — ответил Матиас.

Аббат вздохнул:

— Все так, как и должно быть. А брат Альф здесь?

Брат Альф тотчас опустился на колени перед аббатом.

— А, брат Альф, мой старый, верный помощник. Когда я упокоюсь, ты станешь настоятелем вместо меня. Ты мудр и умеешь сострадать. Я знаю, ты позаботишься о моих подопечных.

Аббат прикрыл на мгновение глаза, помолчал, но тут же заговорил снова:

— Жаль, что понадобилось такое кровопролитие, чтобы объединить всех нас. Отныне белки могут приходить в аббатство когда им угодно. Мыши будут делить с ними пищу и давать им приют. И эти славные землеройки — им не придется больше скитаться по лесу, отныне они могут жить в Рэдволле. А теперь, Матиас, сын мой, выслушай, что я решил. Вот моя воля: тебе не быть братом нашего Ордена!

Все, кто слышал слова настоятеля, издали вздох удивления. Матиас, не веря своим ушам, понуро склонил голову.

Но аббат продолжал:

— Сын мой, у тебя храброе сердце. Ты нужен аббатству, но не как член братства. Ты, Матиас, будешь Воином Рэдволла, защитником Ордена. Впредь твой долг — защищать аббатство и всех живущих в нем. Твой меч я нарекаю Крысобоєм. А теперь ты, Василика. Где же ты?

Молодая мышка вышла из толпы и подошла к настоятелю.

— Вот и ты, милая Василина, — улыбнулся аббат. — Хорошему воину нужна хорошая жена. Ты красива, и ты

станешь украшением Рэдволла и повелительницей сердца Матиаса. Сторожку у ворот нужно будет достроить, чтобы она стала для вас обоих настоящим домом. Храните нашу твердыню!

Матиас и Василика не могли найти слов, чтобы выразить свои чувства. Их сердца переполнились гордостью и счастьем.

Аббат взглянул на Констанцию:

— А ты, мой старый друг, окажи мне последнюю услугу. Приподними мою голову — прежде чем покинуть вас, я скажу всем, что видят сейчас мои слабеющие глаза.

Барсучиха бережно приподняла голову аббата.

— Да, друзья мои, это самое прекрасное утро моей жизни. Рэдволл, наш дом, в безопасности. Над нами сияет солнце. Жизнь прекрасна, друзья мои. Оставляю ее вам. Не скорбите обо мне. Я умираю спокойно.

Это были последние слова Мортимера, настоятеля аббатства Рэдволл.

Нрошел год.
Перед вами сейчас — страница летописи, которую после Мафусаила стал вести Джон Черчмаус. Вот что он записал.

Лето Говорящего Бельчонка!

Не далее как вчера подросток, известный как Молчун Сэм, заговорил. Заговорил с сыном Матиаса и Василики. Неожиданно для всех бельчонок начал рассказывать маленькому мышонку о Войне Поздней Розы. Сын нашего Воителя — здоровый пухлый младенец. Все называют его Маттimeo, поскольку «Матиас Мафусаил Мортимер» слишком длинно, но именно так пожелали назвать его родители. Уже сейчас он все

время пытается поднять своими лапками меч Крысобой. Думаю, придет день — и он вслед за своим отцом станет защитником аббатства. Наш аббат Мордальфус (да, да, его зовут так, и неудивительно, что он всегда предпочитал, чтобы его называли просто Альф) объявил, что в честь первой годовщины его управления состоится большой праздник.

Землеройки теперь собирают мед из пчелиных ульев аббатства. Они стали с пчелами большими друзьями, даже выучили пчелиный язык, — разумеется, для того, чтобы препираться с ними.

Клюва, королева воробьев, вызвалась помогать монаху Гуто и не на шутку увлеклась кулинарным искусством. Боюсь, скоро она сильно растолстеет. Леди Василика вместе с моей женой и воробыиной королевой-матерью Темное Крыло сейчас на лугу. Они собирают цветы для украшения праздничного стола.

Заяц Бэзил Олень ушел позвать на праздник своих друзей — капитана Снега и сквайра Джулиана Джиндживера. Бэзил никак не может взять в толк, что праздник состоится в честь аббата, и упорно называет его «Сбором однополчан». Выдра Винифред и бобер, вместе с неутомонным ежом Амброзием Пикой, проверяют, хорош ли октябрьский эль. Судя по доносящемуся из погреба нестройному пению, в этом году эль особенно хорош. Уваленъ и его семья помогают артели Кротона-чальника рыть земляную печь для рыбы. Отец настоятель с Матиасом Воителем с самого утра ушли сегодня на рыбалку и пообещали не возвращаться без рыбины меньшей, чем была поймана в прошлом году. Из расколото-го колокола Джозефа отлили два колокола поменьше. Сейчас я слышу их звон. Колокола называли Матиас и Мафусаил. Мои близнецы, Тим и Тесс, за послед-

ний год очень окрепли и выросли. Теперь они — звонари аббатства и прекрасно справляются со своим делом!

Урожай в этом году обещает быть богатым. Деревья и кусты в саду все в плодах. Старая сторожка у ворот превратилась в милый уютный домик. На этом я заканчиваю свое писание и отправляюсь переодеваться к сегодняшнему торжеству, которое состоится, как обычно, в Пещерном зале Рэдволла. Если вам случится проходить мимо аббатства, не забудьте посетить нас!

Джон Черчмаус — летописец, в прошлом живший в церкви святого Ниниана.

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ СТЕНА

7

КНИГА ВТОРАЯ ПОИСК

115

КНИГА ТРЕТЬЯ ВОИН РЭДВОЛЛА

269

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

**Читайте вторую книгу из сериала «Рэдволл»
«Война с Котиром».**

*Не только жестокий зимний холод сковал Рэдволл
и его окрестности, но и страх перед Царминой,
повелительницей диких котов. Долгие годы
армия безжалостных хищников терзала обитателей
страны. Мартин,мышь редкой доблести, поклялся
покончить с тиранией злобной дикой кошки
и отправился в опасное путешествие на поиски
Горы Огненных Драконов,
где для него было выковано могучее оружие...*

Книгу можно заказать в Интернете по адресу
WWW.OZON.RU

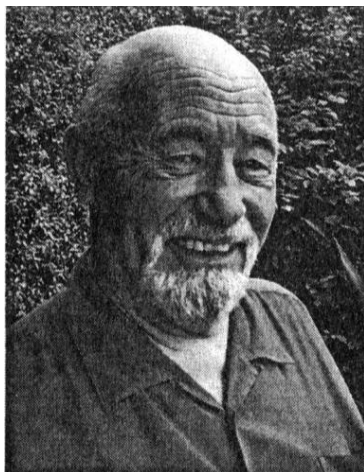
**Читайте третью книгу из сериала «Рэдволл»
«Поход Матиаса».**

*Стояло лето Золотых Равнин, когда
Слэгар Беспощадный пробрался в Рэдволл
и похитил детей, среди которых был сын великого
воина Матиаса. По дороге в ужасное подземное
царство бесстрашный герой совершает
великие подвиги, и весь Рэдволл
с восхищением повторяет его имя.*

Книгу можно заказать в Интернете по адресу
WWW.OZON.RU

Брайан Джейкс — великолепный рассказчик. Он родился и вырос в Англии, в Ливерпуле, и сменил множество профессий. Он был моряком и портовым грузчиком, клоуном и водителем грузовика, работал почтмейстером и полицейским, занимался боксом, руководил музыкальной фолк-группой, вел собственную передачу на радиостанции Би-Би-Си. Литературную карьеру он начал как сценарист и успел получить признание, но интереснее ему оказалось писать книги. Сериал «Рэдволл», общий тираж которого превысил 30 миллионов экземпляров, принес Джейксу титул одного из самых популярных писателей мира.

Сегодня Брайан Джейкс работает над очередным романом из цикла «Рэдволл» и придумывает новый сериал.

Книги сериала «Рэдволл» снискали своему автору, Брайану Джейксу, славу одного из лучших детских писателей мира. В чем секрет их популярности? Наверное, в том, что Джейкс, сам воспитанный на книгах Стивенсона и Хаггарда, Лондона и Дефо, пишет о простых, но важных и увлекательных вещах — о том, что жить надо весело, но радостную жизнь подчас приходится защищать от злобы и зависти; о том, что, заступаясь за слабого, ты становишься сильнее и можешь совершить подвиг; о том, что каждого, кто готов сделать первый шаг в неизведанное, за порогом ждут настоящие приключения.

Рэдволл — больше, чем просто книги, — это большой и интереснейший мир. Не случайно столько людей в разных странах причисляют себя к сообществу его поклонников. О приключениях героев Рэдволла снят мультипликационный сериал, поставлены спектакли и мюзиклы, а число интернет-сайтов, посвященных сериалу, исчисляется десятками. Начать знакомство с жизнью Рэдволла в сети мы советуем с ресурсов: www.redwall.org и www.redwall.net

Книгу можно заказать
в Интернете по адресу
WWW.OZON.RU

«Джейкс создал новую неотразимую сказку».

Сиэтл Буклист

«Истории, сотканные из невероятных
приключений, сильных характеров
и завораживающих декораций».

Бостон Санди Глоб

«Ошеломляюще!»

Циркус Ревю

«Книги о Рэдволле создают атмосферу
рыцарства и приключений и напоминают
истории о короле Артуре».

Арканзасский Демократический бюллетень

«Поразительные приключения!»

Паблшерз Уикли

«Брайан Джейкс обладает способностью
истинного писателя фэнтези создавать
новый и правдоподобный мир».

Журнал для школьных библиотек

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ

Санкт-Петербург:	<i>издательство «Азбука» тел. (812) 327-04-56, факс (812) 327-01-60 «Книжный клуб «Снарк» тел. (812) 103-06-07 ООО «Русич-Сан» тел. (812) 589-29-75</i>
Москва:	<i>ООО «Азбука-Максимум» тел. (495) 150-52-11, 792-50-68, 792-50-69 Интернет-магазин «Лабиринт» www.labyrinth-shop.ru</i>
Екатеринбург:	<i>ООО «Валео Книга» тел. (3432) 42-07-75</i>
Новосибирск:	<i>ООО «Топ-книга» тел. (3832) 36-10-28; www.opt-kniga.ru</i>
Калининград:	<i>Сеть магазинов «Книги и книжечки» тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38</i>
Хабаровск:	<i>ООО «МИРС» тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67 saleJbook@bookmirs.khv.ru</i>
Челябинск:	<i>ООО «ИнтерСервис ЛТД» тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52</i>
Казань:	<i>ООО «Тайс» тел. (8432) 72-34-55, 72-27-82 tais@bancorp.ru</i>

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАРТНЕРЫ

Украина:	<i>ООО «Азбука-Украина», 04073, г. Киев Московский пр., 6 (2-й этаж, офис 19) тел. (+38044) 490-35-67 sale@azbooka.net</i>
Израиль:	<i>Книготорговая компания «Спутник» Р.О.В. 2462, Kefar-Sava, Izrael, тел. +972-9-767-99-96, dob@sputnik-books.com</i>

Каталог «Аврора»

*Официальный представитель издательства «Азбука»; Германия,
Франкфурт-на-Майне, тел. (069) 375-64-252; e-mail: avrora-katalog@yandex.ru*

INTERNET-МАГАЗИН

Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»; <http://www.ozon.ru/>

КНИГА — ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192242, а/я 300; тел. (812) 174-40-63;
www.areal.com.ru; e-mail: postbook@areal.com.ru

Литературно-художественное издание

Серия «Рэдволл»

Для среднего школьного возраста

Брайан Джейкс
ВОИН РЭДВОЛЛА

Ответственный редактор Евгения Тихонова
Редакторы Максим Крютченко, Сергей Степанов
Художественный редактор Валерий Макаров
Технический редактор Татьяна Раткенич
Корректоры Алевтина Борисенкова, Татьяна Бородулина
Верстка Алексея Положенцева

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 20.09.2006.
Формат издания 60х84 1/16. Гарнитура «Usaul New».
Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 18,5. Изд. №205. Заказ № 0622090.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 78.01.07.953.П.002602 05.04 от 27.05.2004 г.

Издательский Дом «Азбука классика»
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

